

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Кирилл Бабиченко
Война правами человека

Николай Леонов
Дурные предчувствия
на 2016 год

Сурат Убайдуллаев
Механизм развития
современной экономики

Джамал Мутагиров
Миф о конце холодной войны

Александр Вебер
Устойчивому развитию нет
разумной альтернативы

Лев Беляев
Достижения и ошибки
советской политэкономии

*Елена Золотухина-Аболина,
Валерий Золотухин*
Идеология для России: пути и препятствия

Камалудин Гаджиев
Конец или возрождение
идеологии

Борис Славин
Правда и ложь идеологии:
марксизм и постмодернизм

Екатерина Сагайдак, Наталья Кулешова
Интересы Индии
в зоне Южно-Китайского моря

Евгения Пименова
Германия перед лицом
новых вызовов

Михаил Лобанов
Сербия в эпоху
перемен

Отзывы и рецензии *Павла Барышникова,*
Александра Бузгалина и Михаила Делягина

Издается с 1924 года

2016
№ 1 (1655)

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

2016
№ 1 (1655)

СОДЕРЖАНИЕ

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Кирилл Бабиченко

Война правами человека 5

Исследуется феномен дискурсивной войны на примере правозащитного фронта. Опираясь на широкий круг источников, автор освещает процесс искажения и военизации концепта прав человека. Критически рассмотрена роль СМИ, неправительственных организаций и академического сообщества. Изучен израильский опыт успешной обороны против дискурсивных и политических агрессий. Указано на способность России противостоять международному давлению, предложен секулярный вариант развития страны.

Джамал Мутагиров

Миф о конце «холодной войны» 19

На основании осмысления феномена войны, которой пронизана вся история человечества, делается вывод о том, что «холодная» война, как и «горячая», является перманентным явлением в жизни человечества с момента образования государств. Соответственно, она может прекратиться только после прекращения деления мира на соперничающие государства.

STATUS RERUM

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Николай Леонов

Дурные предчувствия на 2016 год 33

Показано, что отсутствие стратегии и видения будущего является наиболее характерной и пагубной чертой современной российской власти, блокирующей возможности общественного развития. Нарастание кризиса и обнищание народа создают угрозу самому будущему страны.

RES PUBLICA

ОБЩЕЕ ДЕЛО, ГОСУДАРСТВО, РЕСПУБЛИКА

Сурат Убайдуллаев

Механизм развития современной экономики 41

Опровергается миф о случайной или о конспирологической природе возникновения и развития советской системы управления обществом, показан объективный характер этого процесса. Анализируются причины деградации немецкого и советского государств, раскрыты методы сохранения господства развитых капиталистических стран на протяжении нескольких столетий. Дается прогноз трансформации структуры мировой экономики в ее влиянии на возрождение некапиталистического пути экономического развития.

Главный редактор —
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

Издатель — ООО «Политиздат».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич

(главный редактор)

ГЕНДЕЛЕВ Александр Николаевич

(первый заместитель

главного редактора)

АНТИПОВ Алексей Иванович

АУРОВ Олег Валентинович

БУШУЕВ Валерий Геннадьевич

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна

СИБИРЯКОВ Никита Николаевич

СМИРНОВ Михаил Александрович

СМОЛИН Олег Николаевич

ШЕЯНОВ Вячеслав Владимирович

Журнал издается с апреля 1924 года. Выходил под названиями «Большевик» (1924—1952) и «Коммунист» (1952—1991).

С 1991 года журнал является независимым международным общественным изданием и выходит под названием «Свободная Мысль».

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-52266 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 28 декабря 2012 года.

Адрес редакции: 105064, Москва, Яковлевопостольский пер., д. 6, стр. 3.

Тел. / Факс: (495) 917-8178.

E-mail: admin@svom.info

Журнал отпечатан в ООО «Типография «Гарт»».

Адрес типографии: 105082 Москва, М. Почтовая ул., д. 12.

Заказ №

Группа подготовки номера:

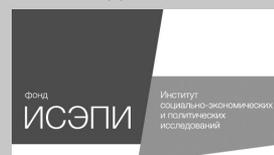
Б. А. Азаров, О. В. Ауоров,

В. Г. Бушуев, А. А. Лебедева,

Е. Б. Любова-Пшеницына,

А. Н. Немов, В. И. Сидорова.

Издается при содействии
Фонда ИСЭПИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

СМОЛИН

Олег Николаевич —
председатель редакционного
совета, д. ф. н., первый
заместитель председателя
Комитета Государственной
Думы по образованию,
член-корреспондент РАО

АГЕЕВ

Александр Иванович —
д. э. н., профессор, академик
РАЕН, генеральный директор
Института экономических
стратегий Отделения обще-
ственных наук РАН

БУЗГАЛИН

Александр Владимирович —
д. э. н., профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова

ВОРОЖЦОВ

Владимир Петрович —
д. ф. н., первый заместитель
председателя Российского
комитета защиты мира

ГАВРИЛОВ

Сергей Анатольевич —
к. э. н., председатель
Комитета Государственной
Думы РФ по вопросам
собственности

ГЛАЗЬЕВ

Сергей Юрьевич —
д. э. н., академик РАН,
советник Президента РФ
(в личном качестве)

ДЕВЯТОВ

Сергей Викторович —
д. и. н., профессор, заведующий
кафедрой истории России
XX—XXI веков Московского госу-
дарственного университета
им. М. В. Ломоносова

ДЕЛЯГИН

Михаил Геннадьевич —
д. э. н., академик РАЕН,
директор Института проблем
глобализации (ИПРОГ)

КОЛГАНОВ

Андрей Иванович —
д. э. н., профессор Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова

КОЭН Стивен

— профессор Нью-Йоркского
университета, почетный
профессор Принстонского
университета (США)

КЪЕЗА Джульетто —
писатель, общественный
деятель (Италия)

Александр Вебер

Устойчивому развитию

нет разумной альтернативы 59

Обострение глобального кризиса ставит под вопрос доминирующей сейчас тип развития. Ответом на угрожающие человечеству вызовы может быть только переход к модели устойчивого развития. Рассматриваются экологические, экономические, социальные, политические и этические аспекты этой проблемы. Оспариваются аргументы противников концепции устойчивого развития: в современных условиях алармизм, в котором упрекают защитников окружающей среды, уместней самоуспокоенности.

PRO MEMORIA

ДЛЯ ПАМЯТИ

Лев Беляев

Достижения и ошибки

советской политэкономии 75

На основе анализа развития экономики СССР показано, что фундаментальной причиной ее кризиса явились ошибки, допущенные при разработке экономической теории социализма. Особое внимание уделено оценке и оплате сложного и разнообразного труда, учету затрат труда и ценообразованию, включая реализацию «труда для общества». Продемонстрирована ошибочность внедрения разновидности хозрасчета предприятий, основанной на максимизации прибыли.

PRO ET CONTRA

ЗА И ПРОТИВ

Камалудин Гаджиев

Конец или возрождение идеологии 93

Опровергаются идеи конца идеологии, возникшие во второй половине 1950—1960-х гг., т. к. политику невозможно представить без идеологии. Анализируется развертывание в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. неоконсервативной волны, в рамках которой консерваторы, которые почти всегда высказывались против идеологии, выступили за идеологизацию политики. Показано значение деидеологизации как инструмента борьбы идеологий.

Борис Славин

Правда и ложь идеологии:

марксизм и постмодернизм 105

На основе анализа работ основоположников марксизма опровергается восприятие идеологии как проявления «ложного» или «иллюзорного» сознания. На примере сопоставления марксизма и постмодернизма анализируется роль идеологии в развитии общества.

DICTUM ET FACTUM

СЛОВО И ДЕЛО

Елена Золотухина-Аболина, Валерий Золотухин

Идеология для России: пути и препятствия

Публицистические размышления 115

Основой российской идеологии объективно должна быть идея о «мощнейшей России сегодня», предполагающая ориентацию на благосостояние народа, справедливость и высокую культуру. Однако ее разработку и реализацию блокируют либерально-рыночная, социал-дарвинистская ориентация власти, игнорирование ею патриотических общественных, а также раскол во властно-управленческом аппарате.

Вахтанг Сургуладзе

Место идеологии в системе

мотивации личности 123

Обостряющаяся потребность в обеспечении информационной безопасности усиливает интерес к месту идеологии в жизни общества. Анализ значения идеологии с точки зрения иерархии потребностей показывает, что создаваемая ею картина мира при определенных условиях может удовлетворять потребности человека практически всех уровней.

QUO VADIS?

КАМО ГРЯДЕШИ? КУДА ИДЕШЬ?

Евгения Пименова

Германия перед лицом новых вызовов

Трансатлантический вектор и лидерство в Европе 137

Анализируется влияние внешнеполитического курса германского руководства на внутригосударственные процессы, включая эффективность государственной политики и общественные настроения. Рассматриваются охвативший Европейский Союз и Германию миграционный кризис, проблемы трансатлантического сотрудничества и санкционной политики в отношении России.

Петр Яковлев

Испания: конец кризиса или кризис без конца? ... 153

Испания лишь начинает выходить из глубокого финансово-экономического кризиса, однако проблемы распространяются на социально-политическую сферу, вызывая обострение внутривнутриполитической борьбы и испытывая на прочность территориально-административное устройство государства.

TERRA INCOGNITA

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ

Екатерина Сагайдак, Наталья Кулешова

Интересы Индии в зоне

Южно-Китайского моря 169

На основе интересов Индии анализируется предыстория конфликтов вокруг Южно-Китайского моря, их структура, современное состояние и перспективы развития. Рассматривается политика КНР по «окружению Индии» в Индийском океане, оцениваются отношения Нью-Дели с Пекином и Вашингтоном на фоне нарастающего конфликта. Очерчены потенциальные риски для энергетического аспекта отношений России с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Михаил Лобанов

Сербия в эпоху перемен

Современные экономические

и внешнеполитические вызовы 179

Сохранение партнерства с Россией остается приоритетным, несмотря на давление Запада. Усиление роли внешних факторов экономического развития свидетельствует о высоком уровне вовлеченности страны в процессы трансграничного движения товаров и капитала. Основными угрозами макроэкономической стабильности выступают усиление бюджетной несбалансированности при устойчивом дефиците счета текущих операций («ловушка двойного дефицита»), рост внешней задолженности, снижение покупательной способности населения и усугубление проблем на рынке труда.

НЕКИПЕЛОВ

Александр Дмитриевич — д. э. н., академик РАН, директор Московской экономической школы МГУ им. М. В. Ломоносова

ОВЧИНСКИЙ

Владимир Семенович — д. ю. н., заслуженный юрист РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

ПОНОМАРЕВА

Елена Георгиевна — д. п. н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД РФ, президент Международного Института развития научного сотрудничества (МИРНАС)

СТЕПАШИН

Сергей Вадимович — д. ю. н., председатель Императорского Православного Палестинского Общества

СУНДИЕВ

Игорь Юрьевич — д. ф. н., вице-президент Российской криминологической ассоциации

ТОРКУНОВ

Анатолий Васильевич — д. п. н., академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ

ТУРЧИН

Петр Валентинович — профессор Университета Коннектикута, вице-президент Института эволюции (США), научный сотрудник Школы социальной антропологии Оксфордского университета (Великобритания)

ФУРСОВ

Андрей Ильич — к. и. н., член Международной академии наук (Инсбрук)

ФЭН Шаолей —

декан, профессор Школы международных и региональных исследований (SALAS) Восточно-Китайского педагогического университета; директор Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Китай)

ЭСКИНДАРОВ

Михаил Абдурахманович — д. э. н., ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, член-корреспондент РАО

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

Журнал входит в число ведущих научных журналов и включен Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по группам специальностей 08.00.00. Экономические науки и 23.00.00 Политология. Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ журнал «Свободная Мысль» относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет. Авторам, направляющим свои статьи в журнал, рекомендуется придерживаться следующих правил оформления:

Формат рукописи

Рукопись представляется в редакцию в электронном виде в формате *Word* для *Windows*. Шрифт *Times New Roman*, с размером не менее № 12. Межстрочный интервал — полторный. Объем статьи не должен превышать одного авторского листа (то есть 40 тысяч знаков, включая пробелы). Объем рецензий — до 1/2 авторского листа. Ссылки оформляются в виде суммируемых сносок в конце каждой странички. *Автор публикации отвечает за точность приведенных цитат и ссылок на использованные источники и литературу.*

Материалы должны содержать краткие аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Информация о материалах после их публикации в таком виде регулярно предоставляется по установленной форме в систему Российского индекса научного цитирования.

Формат таблиц и иллюстраций

Таблицы встраиваются в текст статьи. При этом они должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем. Иллюстрации предоставляются *отдельно* в форматах: для растровых объектов — *tif, psd* или *jpg* (без увеличения оригинала) с разрешением не менее 200 dpi; для векторных объектов — *eps, pdf, ai*. Графики и диаграммы, сделанные в *MS Excel*, предоставляются в формате исходной программы. Для каждого рисунка необходима подписанная подпись. *Не принимаются для публикации иллюстрации в формате Microsoft Word.* При использовании в статье нескольких таблиц или рисунков обязательна их сквозная нумерация.

К статье обязательно прилагаются сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и данные для связи (адрес, номер телефона, электронный адрес).

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи подлежат обязательному рецензированию по параметрам теоретической и практической значимости и стилистики. Точка зрения авторов не обязательно отражает мнение редакции.

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал обязательна.

С авторов плата за опубликование их материалов не взимается.

Приоритетным правом для публикации своих материалов обладают подписчики журнала.

Материалы направлять по адресу: *admin@svom.info*

AD LITTERAM

БУКВАЛЬНО

- Социальные технологии советской демократии ... 197
За развертывание пролетарской демократии (1928) ... 199

Статья анализирует методы построения демократии в условиях диктатуры пролетариата, вскоре после Гражданской войны, в условиях безграмотности и подозрительности. Описание социальных технологий того времени объясняет последующие неудачи и дает возможность их исправления в современных условиях.

MARGINALIA

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Михаил Делягин

- Трагический документ эпохи 203

Рецензия на сборник статей, написанных одним из ведущих российских экономистов А. Ф. Самохваловым в 1995—2015 гг. и четко характеризующих экономические реформы в России. Анализ статистических данных в их динамике и государственных решений показывает основные закономерности экономического развития последних 20 лет. Выявлены разрушительные последствия высокой идеологизации и догматизма государственного управления. Глубоко проанализирована специфика развития России, подчеркнута необходимость глубокого осознания конкурентных преимуществ отечественной экономики. На основе опыта нашей страны и ряда других стран сформулированы конкретные предложения по нормализации развития российской экономики.

EX LIBRIS

ИЗ КНИГ

Павел Барышников

- Эхо диалектики в зеркале Вселенной 207

(Пернацкий В. И. Зеркало и эхо Вселенной: теория бытия, пространство и время в философском материализме. М.: А-проджект, 2015. 142 с.)

Рецензия на книгу философа из Нижнего Новгорода профессора Виктора Пернацкого «Зеркало и эхо Вселенной: теория бытия, пространство и время в философском материализме». Следуя марксистской традиции, автор рассматривает человека как эхо и отражение Вселенной. В книге предпринята попытка реконструкции марксизма в контексте глобальных вопросов философии, отражающей историческую изменчивость исходной идеологии.

Александр Бузгалин

- Сон разума рождает чудовищ 214

(Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.)

В монографии Ж. Т. Тощенко «Фантомы российского общества» представлена целостная типология фантомов постсоветской России. Причиной формирования этих фантомов автор рецензии считает не только трансформационную нестабильность постсоветской России, но и те мутации позднего капитализма полупериферийного типа, которые характерны для нашей страны.

VARIA

РАЗНОЕ

- К сведению подписчиков 224

Война правами человека

© Бабиченко К. Н.

© Babichenko K.

Война правами человека

Make War Using the Human Rights

Аннотация. В статье исследуется феномен дискурсивной войны на примере ее правозащитного фронта. Опираясь на широкий круг источников, автор освещает процесс искажения и военизации концепта прав человека. Критически рассматривается роль СМИ, неправительственных организаций и академического сообщества. Также изучен израильский опыт успешной обороны против дискурсивных и политических агрессий. Завершают статью выводы об актуальной способности России противостоять международному давлению и попытка предложить секулярный вариант развития РФ.

Annotation. The article deals with the phenomenon of discursive war, particularly – with its human rights frontline. Relying on a vast array of sources, the author highlights the process of distortion and weaponization of the human rights concept. The role of media, non-governmental organizations and academicians is critically explored. The Israeli experience of successful defense against discursive and political aggressions is also examined. Conclusions about current Russian ability to sustain international pressure with an attempt to suggest secular alternative of the RF development finalize this research.

Ключевые слова. СМИ, дискурсивная война, права человека, неправительственные организации, Израиль, религия, «холодная война», СССР.

Key words. Mass media, discursive war, human rights, non-governmental organizations, Israel, religion, Cold War, USSR.

Н ачиная со второй половины XX столетия права человека активно используются как инструмент политического давления и торга [29; 49. Р. 1–20]¹ и по этой причине постепенно превращаются в фиктивный абсолют (по крайней мере в международном измерении [13. Р. 87–98]). Со временем в орбиту прав человека заинтересованные круги пытаются поместить практически все (в особенности коммерчески выгодные) сферы жизни: от права на Интернет до *права на туризм* [47. Р. 194–204], что в совокупности с претензией на безапелляционную универсальность приводит к необратимой девальвации фундаментальной основы правозащитной доктрины.

БАБИЧЕНКО Кирилл Николаевич — адвокат, специалист по международному праву, включая нормы, регламентирующие деятельность НПО и правозащитную тематику, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург).

¹ По мнению некоторых теоретиков, права человека «начали отклоняться от изначального революционного и диссидентского назначения» и «теряют свою утопическую цель», что может привести к концу всего правозащитного концепта.

Избирательная, но постоянная критика нарушений прав человека (в действительности — намеренное создание репутационных рисков) в прессе и на телеканалах не только служит серьезным раздражителем для «авторитарного» правительства или могущественной корпорации, но также имеет свойство аккумулироваться и создавать долговременный общепринято-негативный образ страны или компании в представлении людей, международных организаций и государств. При этом «все, что сообщается в медиа, может быть ими же опровергнуто без ущерба для них самих. В результате рисуемый в них мир существует всегда как бы в условном залоге. Поэтому в нем возможно все, вплоть до воскрешения из мертвых, в нем все *обратимо*» [8. С. 193]. Судебная практика подтверждает, что привлечь к ответственности журналиста или владельца медиаресурса за публичное распространение ложной или открыто клеветнической информации (или проведение диффамационной кампании) крайне сложно. В любом случае даже привлечение виновного лица к ответственности и запоздалое опровержение не смогут исправить причиненный вред и нейтрализовать социоструктурные резонансы от информационной атаки.

Медиатизация политики выражается и в том, что признанные журналисты, колумнисты и редакторы часто сотрудничают с властями для выработки общего знаменателя на информационном фронте² в целях продвижения интересов своей страны или против недружественного государства. Причем такой симбиоз имеет место не только в странах «транзитной демократии», но и в государствах «евроатлантического клуба», где сложно провести грань между независимым изданием и проправительственным информагентством. Все это является частью государственной политики и входит в арсенал войны правами человека [68] для успешного проведения наступательных или защитных действий на международной арене.

Дискурс прав человека как неконвенциональное оружие

В дискурсивных войнах излюбленной мишенью остается тема нарушений прав человека, неизменным приемом — бинарная схематизация событий и предсказуемые коннотации в комментариях. Именно здесь двойные стандарты работы средств массовой информации проявляются наиболее отчетливо. Конечно, западным демократиям сложно обвинять *друг друга* в нарушениях прав человека — не потому что в этих странах права и свободы не нарушают, а потому что им нет нужды конфликтовать по такому малозначительному поводу.

Для обвинений существует очень удобная и практически беззащитная цель — государства, обладающие значительными запасами полезных ископаемых, или (что даже более опасно с точки зрения западных

² Основным методом здесь является трансформация нейтрального по смыслу контента в мобилизующую идею.

правительств) страны, обладающие политической волей и не желающие мириться с положением бесправного доминиона на периферии «западного клуба».

Против таких стран работает отлаженная пропагандистская машина [28. Р. 204—227] (от CNN и Die Welt до Freedom House и Human Rights Watch). Этот кластер дезинформации превращает незначительный инцидент в трагедию мирового масштаба (законное применение силы для пресечения массовых беспорядков), а локальный конфликт — в глобальную «проблему» (например, статус Тибета в КНР), тем самым направляя умы миллионов людей и формируя ложную реальность. Впоследствии слова журналистов отливаются в пули, новостная псевдореальность «репортажей с места событий» конвертируется в бомбардировки, а вкупе с докладами и лоббированием правозащитных НПО [50. Р. 208—227] целенаправленные дискурсивные атаки приводят к разрушению целых государств (Югославия, Ирак, Ливия [61]). Там, где слишком дорого или опасно использовать метод военных интервенций, применяются *инструменты финансово-экономического подавления* — ВТО, МВФ [17. Р. 45—72] и Всемирный банк (жертвами которых стали страны Латинской Америки, Экваториальной Африки и бывшего социалистического блока) или международные санкции (при том, что экономические санкции нарушают международное право, посягают на суверенитет государств и негативно отражаются на правах человека [4. §34]).

Если же нарушения прав человека происходят в самой «цитадели демократии» — будь это США или Великобритания, — а также со стороны этих стран в отношении других субъектов международного права [22], то этому или не придается большого значения, или факты интерпретируются совершенно фантастическим образом («гуманитарные бомбардировки», «уничтожить деревню, чтобы спасти ее»).

Постепенно склонность к дискурсивным манипуляциям негативно повлияла как на отдельных интеллектуалов [51]³, так и на всю сферу политической философии, где в настоящее время активно прорабатываются аргументы в пользу легализации рынка купли-продажи голосов во время выборов [23. Р. 135—160; 34. Р. 759—774]. Аргументы отличаются высокой степенью оригинальности. Так, Джейсон Бреннан, профессор философии университета Джорджтауна, считает, что «когда голосующим платят за правильный выбор, это скорее приносит пользу другим, чем вредит им, или, по крайней мере, пострадавшим *причиняют вред законно* [legitimately harmed]» [23. Р. 160]. В стратегической перспективе легализация платных выборов подготавливает замену демократической формы правления так называемой эпистемократией (властью знающих) [32. Р. 53—69].

³ Например, Джордж Оруэлл после работы в лондонской штаб-квартире ВВС отрекся от идеалов социализма, за которые воевал в Каталонии и добровольно стал тайным информатором отдела пропаганды британского МИД. В частности, в 1949 г. он отправил своему куратору доклад на журналистов и писателей, которых Оруэлл называл «крипто-коммунистами». В знак признательности британское правительство способствовало изданию и популяризации за рубежом его антисоветских пасквилей.

Разумеется, в западном мире есть независимые интеллектуалы (Ноам Хомский, Иммануил Валлерстайн, Норман Филькенштейн), журналисты (Сеймур Хирш, Роберт Фиск, Джульетто Кьеза) и НПО (American Civil Liberties Union, IP Watch, Tax Justice Network), которые не замалчивают и не искажают факты коррупции, нарушений прав человека. Но место этих «оводов свободы» маргинально по сравнению с доминирующим дискурсом западных СМИ. А в этом медийном дискурсе страны делятся на две основные категории: правильные и неправильные (failed states, rogue states).

«Правильные» страны могут уничтожать своих жителей десятками тысяч за идеологические разногласия (латиноамериканские диктатуры [43], Тайвань, Филиппины, Южная Корея 1950–1970-х гг. [38. Р. 64–293]), подавлять политические и гражданские свободы любыми методами (страны Магриба и Персидского залива), десятилетиями открыто дискриминировать этнические меньшинства (Япония), но с одним условием: они должны находиться в союзнических отношениях с «западным клубом» [55]. Эти особые отношения позволяют получать финансовую помощь от «старших партнеров» [62], покупать у них оружие, чтобы убивать своих граждан, тренировать сотрудников госбезопасности, чтобы профессионально пытаться несогласных [54; 20. Р. 63–86, 132–135, 184–188 et al.], импортировать западную продукцию (зачастую в ущерб своим производителям). В богатых ресурсами странах приходится за бесценок отдавать месторождения нефти и газа, внедрять западные идеологические схемы, стандарты образования и «высокие культурные ценности» общества потребления и половой разнuzданности.

Инструменты и практики дискурсивной войны «за права человека»

В этом процессе большую роль играют десятки тысяч неправительственных организаций. Не секрет, что реальные цели многих крупных НПО не совсем ясны, гигантский бюджет непрозрачен, а методы сбора информации незаконны. Например, всемирно известная Антидиффамационная лига (*букв.* «антиклеветническая») (Anti-Defamation League, ADL), основанная еще в 1913 г., располагает целым штатом платных осведомителей [48. Р. 357]. В частности, расследование в Сан-Франциско выявило, что в числе информаторов АДЛ были действующие работники полиции и бывшие сотрудники ЦРУ. Показательно, что АДЛ собирала конфиденциальные данные не только об экстремистах, но и *о левых организациях*, а также *о диаспоре арабов в США* [48. Р. 358–361]. Такой «правозащитный шпионаж» (как внутри страны, так и за рубежом) — тема для отдельного исследования. НПО также давно используются и для поддержки терроризма [24. Р. 254–258].

СМИ являются другим важным инструментом в правозащитных войнах. «Недружественные» страны с точки зрения западных СМИ всегда и все делают плохо и в ущерб правам человека. Стабильность истолковы-

вается как застой, укрепление обороноспособности — как агрессивный милитаризм, желание сохранить культурный стержень общества — как возмутительное варварство, стремление защитить отечественный бизнес — как вызов рыночным «свободам». Не было и нет тысяч западных статей, репортажей и документальных фильмов, освещающих средневековый авторитаризм, коррупцию и криминализированность режима королевского дома Саудов [12; 64] — важнейшего партнера США на Ближнем Востоке и крупнейшего спонсора террористических группировок. Впрочем, Королевство Саудовская Аравия (КСА) поддерживает исламских экстремистов не только финансово, но также служит им примером для подражания. 2 января 2016 г. власти КСА массово казнили 47 оппозиционеров (часть людей обезглавили, других расстреляли), чем фактически повторили и утвердили практику ИГИЛ («Исламское государство»)⁴. Реакция ведущих американских СМИ на этот варварский акт мести и устрашения была прогнозируемой. Так, в редакционной статье самой влиятельной деловой газеты США подчеркивается, что «саудиты — наш лучший друг на Аравийском полуострове». Угроза, по мнению редакции, исходит не от саудовского ваххабизма, но от «иранского империализма» [67].

При том, что подобного рода обвинительные «разоблачения» с нападками на РФ «под властью бывшего агента КГБ» появляются в западных и прозападных СМИ почти ежедневно начиная с 2000 г., временами в форме тщательно спланированных пропагандистских кампаний.

Тоталитарный консенсус западного истеблишмента и медиа в отношении России практически достиг уровня гляйхшальтунга⁵ после катастрофы малайзийского авиалайнера над Донбассом в 2014 г. В этом же году президент США Б. Обама публично сравнил Россию с лихорадкой Эбола и террористической группировкой ИГИЛ (к созданию которой его администрация приложила немало усилий, финансируя и снабжая незаконные вооруженные формирования в Сирии), что, к сожалению, не вызвало *никакой* официальной реакции со стороны российских властей. Поведение Д. Теффта — посла США в РФ — также не соответствует как требованиям дипломатического протокола, так и нормам элементарной вежливости. Впрочем, даже в период максимальной открытости и предсказуемости политического руководства РФ в западной прессе Россия называлась «конченной страной» и «Заиром с вечной мерзлотой» [60. Р. 35—52; 2].

Не только пресса, но и научно-академические круги откровенно выражают свое негативное отношение к России. Так, одна из монографий о Российской империи имеет следующее название: «Империя алкоголя-

⁴ Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С международные организации «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра [Фронт победы]» признаны террористическими; на территории Российской Федерации их деятельность запрещена.

⁵ Гляйхшальтунг (*нем.* «одинаковое включение») — термин, использовавшийся гитлеровцами для обозначения захвата контроля за общественно-политическими процессами в обществе. Является насильственным включением в систему нацистской идеологии для искоренения плюрализма и индивидуализма. Термин введен рейхсминистром юстиции Гюртнером в марте 1933 г.

ков». Содержание и выводы указанной книги отличаются такой же предвзятостью, как и заголовок, свидетельствуя о состоянии умов западных русистов [39; 42].

К сожалению, в странах-мишенях отсутствуют не только сильная независимая аналитика [1. С. 90—227] и ведомства по дискурсивному противоборству, но и само осознание важности информационно-идеологической безопасности. Поэтому содержательно не отличаются Венесуэла и Россия — обе страны не умеют отражать информационно-политические атаки и могут только *оправдываться*, вместо того чтобы проводить *наступательные операции* в глобальном медийном поле и конструировать *свою* реальность [3]. Последние изменения в информационной политике РФ недостаточны для того, чтобы оформиться в эффективную систему и сделать движение по укреплению информационного суверенитета страны чем-то более целостным, нежели сумма его частей.

Например, недавно в Вашингтоне был открыт мемориал в честь так называемого «Голодомора» — как подтверждение того, что неоднократно опровергнутая гипотеза искусственного голода на территории Украинской ССР будет усиленно использоваться американской администрацией на очередном витке историко-мемориальной войны против РФ. Надо отметить, что темп наступления в этой войне очень высок, но контратаки российских властей на этом фронте не проводятся.

Медийные атаки против РФ уже сопровождаются серьезными межгосударственными усилиями: с марта 2014 г. США и ряд союзных западных стран пытаются проводить в отношении России открытую политику делегитимации, призванную лишить РФ субъектности и суверенитета.

К сожалению, медийные атаки против РФ уже сопровождаются серьезными межгосударственными усилиями: с марта 2014 г. США и ряд союзных западных стран пытаются проводить в отношении России открытую политику делегитимации, призванную лишить РФ субъектности и суверенитета. Это утверждение основывается не на умозрительном заключении, а на факте длительного и устойчивого существования влиятельных лоббистских групп, руководствующихся ярко выраженными негативными идеями в отношении России [63].

Отдельные инструменты этой политики используются уже многие десятилетия. Например, это так называемая Неделя поработанных народов — ежегодный комплекс массовых пропагандистских мероприятий в США, целью которых была институционализация «исторической вины» СССР и ряда социалистических государств, а также поддержка террори-

стических и сепаратистских группировок на территориях указанных стран. «Неделя» впервые была проведена в США в 1953 г. В 1959-м она приобрела официальный статус с принятием совместной резолюции Конгресса США, автором проекта которой был украинский неонацист Л. Добрянский, развивший идеи власовского Комитета освобождения народов России. В том же году президент США Д. Эйзенхауэр придал ей силу закона [53]. Названия упомянутых в тексте резолюции «порабощенных Россией» территорий — таких, как Идель-Урал, Белая Рутения и Казакия, скопированы из гитлеровского плана «Ост». «Неделя» активно отмечается в США и после окончания «холодной войны». В частности, 16 июля 2010 г. президент Б. Обама, провозглашая очередную «Неделю порабощенных», отметил, что цели этого закона, переписанные с программных документов Третьего рейха, еще не достигнуты [52].

Разумеется, в многолетней «холодной войне» против стран социалистического содружества американские и европейские правительства не ограничивались простым переписыванием нацистских планов. Для «крестового похода против коммунизма» западные спецслужбы массово привлекали нацистские кадры [35. Р. 70, 80—82]. Десятки тысяч высокопоставленных эсэсовцев, гестаповцев, военных преступников и функционеров НСДАП смогли избежать ответственности, скрывшись от правосудия при скоординированном содействии Ватикана (доминирующей группы «клиро-фашистов» под руководством Пия XII), Международного комитета Красного Креста, а также властей Италии, Швейцарии, диктатур Франко, Салазара и Перона [11; 37; 58; 26; 65. Р. 219—270; 46; 57. Р. 73—124].

Пример состоявшейся обороны

Несмотря на всю опасность настоящего положения для России, эта ситуация не уникальна. Схожие и даже более жесткие методы [66. Р. 107—126] применяются отдельными ближневосточными и европейскими правительствами (а также подконтрольными НПО [59. Р. 748—768], отдельными структурами ООН и экстремистскими группами) в отношении государства Израиль [25. Р. 29—48]. Эти методы включают дипломатическую изоляцию, многолетние санкции, бойкот визитов и внешней торговли [15. Р. 29—54], манипулирование «правозащитными расследованиями» [21. Р. 279—305; 45. Р. 75—89], прекращение научно-академических и культурных связей, попытки суда над официальными лицами в третьих странах. Критическое изучение израильской контрстратегии представляется важным как для понимания реальных и будущих угроз для безопасности РФ, так и для выработки ответных мер. Учитывая то, что успешные действия российских Вооруженных сил на Ближнем Востоке и возросшая роль РФ в международной политике уже вызвали негативную реакцию стран НАТО и ряда исламских монархий, необходимым представляется трансферт наиболее эффективных приемов из опыта государства Израиль по защите своих загранучреждений. Принимая во внимание обстоятельства катастро-

фы российского пассажирского самолета 31 октября 2015 г. над Синайским полуостровом, обязательным является изучение многолетнего опыта Израиля по обеспечению безопасности своих авиакомпаний и туристов за рубежом.

Впрочем, адекватный ответ на некоторые вызовы представляется крайне затруднительным ввиду отсутствия серьезного опыта разрешения подобных ситуаций у руководства РФ и нехватки пространства для политического маневрирования. Так, 24 ноября 2015 г. в отношении России была совершена вооруженная провокация силами НАТО, когда истребитель турецких ВВС сбил российский бомбардировщик в воздушном пространстве Сирии. Момент падения самолета «случайно» засняли журналисты государственной турецкой телекомпании. После чего связанная с авторитарным режимом Р. Т. Эрдогана служебная террористическая группировка *Alperen Osakları* (исламистская версия «Серых волков») убила катапультировавшегося пилота Су-24 и морского пехотинца из поисково-спасательной группы. Остается открытым вопрос о возможности, пропорциональности и последствиях ответных мер, принимая во внимание членство Турции в НАТО и крайнюю зависимость России от черноморских проливов.

Возвращаясь к израильскому опыту, необходимо принимать во внимание тот факт, что государство Израиль обладает мощными механизмами противодействия, отсутствующими и невозпроизводимыми в России. Они включают международную информационно-правовую индустрию памяти о судьбе европейских евреев в годы Второй мировой войны, крупные неправительственные организации, авторитетных журналистов и профессоров, активные диаспоры. Отдельно стоит отметить израильских союзников в среде правоконсервативных христиан и военно-политическую, а также финансовую поддержку США [44; 14; 30. Р. 324—347]. Немаловажно и то, что внешняя политика государства Израиль характеризуется высокой степенью гибкости и готовностью к тактическим компромиссам. Например, при необходимости израильские власти вместо операций по физическому устранению лидеров террористических групп заключают неофициальные сделки с противниками — от секретной передачи Ирану разведанных о точном местонахождении объектов иракской ядерной программы (1982 г.) до скрытного лечения террористов ИГИЛ в госпиталях ЦАХАЛ в обмен на гарантии ненападения (2014—2015 гг.). Что же касается академической репрезентации израильских интересов, то, напротив, она весьма поверхностна, зачастую отличается агрессивностью и не всегда соответствует критериям научной полемики [40. Р. 297—312].

Учитывая военно-технологическое и научно-промышленное отставание России от стран НАТО (наиболее наглядными иллюстрациями которого являются состояние дел с беспилотной авиацией, микроэлектроникой и компьютерными технологиями), израильский опыт разумно в первую очередь применять в медийной и культурно-идеологической сферах, а не в изнурительной «гонке вооружений», что, конечно, не отменяет возросшее значение оборонно-промышленного комплекса

страны. Ведь, как верно отмечает российский историк, «отставание в перенимании новинок военной теории и практики неизбежно вело к превращению отстающего, неспособного к модернизации государства из субъекта международных отношений в объект» [6. С. 16].

В то же время уникальный советский опыт дискурсивного противоборства («активных мероприятий»⁶ [19. Р. 35–69; 36. Р. 101–110; 7; 56]) в современной Российской Федерации не востребован. Своего рода исключением стала фактическая приватизация бывшего Пятого («идеологического») управления КГБ СССР известным медиамагнатом, который на несколько лет сконцентрировал специалистов этого управления (включая своего бывшего куратора) в рамках своей личной службы безопасности.

Заключение

В 1950 г., в разгар «холодной войны», известный нидерландский журналист сравнил доктрину прав человека с «идеологическим эквивалентом атомной бомбы» [18. Р. 276]. Советский Союз, добившись паритета в атомном оружии, не смог защититься от оружия идеологического⁷, что во многом обусловило последующую дезинтеграцию государства. Не воспользовавшись историческим шансом Реформации в сфере идеологии и партийно-государственного управления в 1950-е гг., не подготовив меры по прагматичному обновлению политического курса в 1960-е, советское руководство после десятилетий ошибочного консерватизма и смысловой инерции запоздало решилось на форсированную и непродуманную либерализацию лишь в 1980-х гг. Здесь одним из наиболее серьезных упущений советской эпохи в сфере концептуальных преобразований представляется систематическое игнорирование академическим истеблишментом теоретического комплекса идей целой плеяды отечественных и восточноевропейских философов. Особенный интерес и в наши дни вызывает творческий марксизм Э. В. Ильенкова и его методология анализа социализма [5; 9; 10; 16; 27; 33].

Если Российская Федерация также окажется не в состоянии обеспечить равенство (не говоря уже о превосходстве) в соперничестве глобальных концепций, то само существование ее государственности всегда будет находиться под вопросом. Выходом из этого положения могла бы стать разработка конкурентоспособной индустрии сознания с альтернативной западному дискурсу аксиоматикой и, что немаловажно, успешными представительскими стратегиями.

Положение осложняется тем, что в настоящее время крупнейшим полюсом притяжения (и напряжения) в культурно-политической сфе-

⁶ Целенаправленное воздействие на общественное мнение, а также на действия отдельных лиц, государственных и общественных организаций скоординированными усилиями КГБ, Международного отдела ЦК КПСС, средств массовой информации и дипломатических представительств.

⁷ Используя вышеуказанную аналогию, можно квалифицировать приход к власти М. С. Горбачева как политический эквивалент чернобыльской катастрофы.

ре — «первым среди неравных» — остаются только США. Многолетнее глобальное влияние этой страны основывается не только на частоте (и угрозах) военных интервенций/переворотов, валютно-биржевых инструментах и гратифицирующем встраивании других государств во временные тактические союзы. Важнейший фактор — это беспрецедентный культурный магнетизм, умелое использование «мягкой силы» и устойчивый международный спрос (при таком же устойчивом *декларативном* антиамериканизме) на американские изобретения, образы будущего и нарративы той или иной степени разумности [41; 31].

Попытки утвердить новую российскую аксиоматику на *церковной* основе, и тем более транслировать ее в окружающий мир в качестве суррогата национальной идеологии, представляются крайне серьезной, векторной ошибкой государства. Что же касается наделения верующих лиц привилегированным статусом по смыслу Федерального закона № 136-ФЗ от 29 июня 2013 г., то есть основания полагать, что это не просто очередной эпизод девиантного нормотворчества. Принятие указанного акта свидетельствует о начале становления особого института *религиозного гражданства* и, вероятно, является интегральным моментом в процессе окончательного отказа от светского характера власти и общества в России с законодательным переходом к политике *репрессивного прозелитизма*, включая соответствующие изменения в Конституции и официальное закрепление религиозной лояльности для госслужащих⁸. Идея о введении «паспортов паломников», закрепляющих особые льготы для путешествующих к культовым местам, может рассматриваться как начальная стадия фрагментации единого правового пространства для граждан и узаконивания статусной дискриминации в РФ.

Стоит отметить, что предыдущий Федеральный закон № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 г. фактически легализовал и поощрил уже сложившуюся практику церковного рейдерства в интересах некоторых окол властных бизнес-групп.

Если же использовать консервативный потенциал страны в единственно возможной — секулярной редакции, то целесообразной представляется попытка создать идеологический противовес узурпированному концепту «прав человека» в виде (формулировка предельно условная) «исторических идеалов и созидательных традиций общества» с адекватным понятийно-терминологическим и методологическим аппаратом при грамотной медийной, научной и политической поддержке. Впрочем, учитывая то, что РФ долгие десятилетия не принимала участия в разработке системообразующих смысловых концептов глобального характера, оставаясь не критичным реципиентом западных идей и доктрин, подобный вариант скорее всего не будет реализован.

⁸ Это предположение основывается на идее бывшего генерального прокурора России В. Устинова, который предлагал внедрить механизм *нравственного аудита* чиновников со стороны корпуса священнослужителей (в перспективе — Корпуса стражей федеральной нравственности?).

Тем не менее сложившаяся обстановка требует не запоздалого рефлексивного сожаления, но, для начала, — продуманного оздоровления внутреннего медийного поля⁹ и «атаки» вовне с последующим освоением завоеванного социокультурного пространства — т. е. достижения суверенного превосходства в производстве и последующей интерпретации путеводных смыслов. В противном случае пассивное созерцание нарастающих и усложняющихся проблем¹⁰ превращается в беспомощное перелистывание каталога упущенных возможностей, который по своей сути является обвинительным и окончательным приговором Истории.

Литература

1. Аналитические сообщества в публичной политике. Глобальный феномен и российские практики. М. : РАПН : РОССПЭН, 2012.
2. **Баталов Э. Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К. В.** «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992—2007). М. : РОССПЭН, 2009.
3. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
4. Доклад на 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека. 10 августа 2015 г. A/HRC/30/45. — <http://search.ohchr.org/results.aspx?k=10%2F08%2F2015#k=10%2F08%2F2015#s=11> (дата обращения: 29.01.2016).
5. Логос. 2009. № 1.
6. **Пенской В. В.** Великая огнестрельная революция. М. : Яуза : Эксмо, 2010.
7. Советские активные мероприятия: доклад об активных мероприятиях и пропаганде, 1986—87 / Госдепартамент США. [Б. м.], 1987.
8. **Черных А.** Мир современных медиа. М. : Территория будущего, 2007.
9. Э. В. Ильенков. Идеальное. Мышление. Сознание. Материалы XIV Международной научной конференции «Ильенковские чтения — 2012» (Москва, 12—13 апреля 2012 г.). М. : Изд-во СГУ, 2012. Ч. I—II.
10. Э. Ильенков и социализм : сборник научных статей по материалам Ильенковских чтений — 2001. М., 2002.
11. **Aarons M., Loftus J.** Unholy Trinity: The Vatican, the Nazis, and the Swiss Banks. N. Y. : St. Martin's Griffin, 1998.
12. **Aburish S. K.** The Rise, Corruption, and Coming Fall of the House of Saud. L. : Bloomsbury, 2005.

⁹ В частности, необходимы минимизация и маргинализация развлекательно-спортивного и религиозно-пропагандистского сегментов теле- и радиозэфира, включая сокращение числа коммерческих телеканалов и радиостанций с одновременным ужесточением условий лицензирования вещания.

¹⁰ Помимо внешних угроз, обществу и государству предстоит справиться с большим количеством внутренних вызовов, что усугубляется неолиберальной ориентацией российского руководства. Среди наиболее тревожных тенденций можно выделить зияющее отсутствие общенациональной политической элиты и даже потенциала ее формирования, кадровый и функциональный застой в правящем (пользующемся) слое, сырьевой аутизм внешней торговли, исключительную слабость и отсталость банковской системы, надвигающийся инфраструктурный кризис, углубляющуюся неэффективность и коррумпированность федеральных и региональных властей.

13. **Ajevski M.** Fragmentation in International Human Rights Law — Beyond Conflict of Laws // *Nordic Journal of Human Rights*. 2014. Vol. 32. № 2.
14. **Albert D. J.** The Role of American Political Culture in the Development of the U.S.-Israel «Special Relationship» and the Lost Opportunities for Achieving Middle East Peace. Ph.D. Diss. Austin : University of Texas, 2008.
15. **Bakan F. B., Abu-Laban Y.** Palestinian Resistance and International Solidarity: The BDS Campaign // *Race and Class*. 2009. Vol. 51(1).
16. **Bakhurst D.** Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. N. Y. : Cambridge University Press, 1991.
17. **Barnett M., Finnemore M.** Rules for the World: International Organizations in Global Politics. Ithaca ; L. : Cornell University Press, 2004.
18. **Baudet F.** «The Ideological Equivalent of the Atomic Bomb». The Netherlands, Atlanticism, and Human Rights in the Early Cold War // *Journal of Transatlantic Studies*. 2011. Vol. 9. № 4.
19. **Bittman L.** The KGB and Soviet Disinformation: An Insider's View. L. : Pergamon-Brassey's, 1985.
20. **Blakeley R.** Repression, Human Rights, and US Training of Military Forces from the South. Ph.D. Diss. Bristol : University of Bristol, 2006.
21. **Blank L. R.** Finding Facts but Missing the Law: The Goldstone Report, Gaza and Lawfare // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 2011. Vol. 43.
22. **Blum W.** Killing Hope: US Military and CIA Interventions since World War II. L. : Zed Books, 2003.
23. **Brennan J.** The Ethics of Voting. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2011.
24. **Byman D.** Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism. N. Y. : Cambridge University Press, 2007.
25. **Cohen M. S., Freilich C. D.** The Delegitimization of Israel: Diplomatic Warfare, Sanctions, and Lawfare // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2015. Vol. 9. № 1.
26. **Cornwell J.** Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII. N. Y. : Penguin Books, 2008.
27. *Dialectics of the Ideal: Evald Ilyenkov and Creative Soviet Marxism.* Leiden ; Boston : Brill : Nijhoff, 2014.
28. **Dorril S.** Russia Accuses Fleet Street: Journalists and MI6 during the Cold War // *The International Journal of Press / Politics*. 2015. Vol. 20(2).
29. **Douzinis C.** The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford ; Portland ; Oregon : Hart Publishing, 2000.
30. **Durbin S.** «I am an Israeli»: Christian Zionism as American Redemption // *Culture and Religion: an Interdisciplinary Journal*. 2013. Vol. 14. № 3.
31. **El-Khairi O. A.** American Statecraft for a Global Digital Age: Warfare, Diplomacy and Culture in a Segregated World. Ph.D. Diss. L. : The London School of Economics and Political Science, 2012.
32. **Estlund D.** Why Not Epistocracy? // *Desire, Identity, and Existence: Essays in Honor of T. M. Penner.* Berrima NSW : Academic Printing and Publishing, 2003.
33. *Evald Ilyenkov's Philosophy Revisited.* Helsinki, 2000.
34. **Freiman C.** Vote Markets // *Australasian Journal of Philosophy*. 2014. Vol. 92. № 4.
35. **Ganser D.** Terrorism in Western Europe: An Approach to NATO's Secret Stay-Behind Armies // *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. 2005. Winter/Spring.
36. **Godson R., Shultz R.** Soviet Active Measures: Distinctions and Definitions // *Defense Analysis*. 1985. Vol. 1. № 2.
37. **Goñi U.** The Real Odessa: How Perón Brought the Nazi War Criminals to Argentina. L. : Granta Books, 2003
38. **Greitens S. E.** Coercive Institutions and State Violence under Authoritarianism. Ph.D. Diss. Cambridge (MA) : Harvard University, 2013.

39. **Herlihy P.** The Alcoholic Empire: Vodka & Politics in Late Imperial Russia. N. Y. : Oxford University Press, 2002.
40. **Hopkins J.** Psychologically Disturbed and on the Side of the Terrorists: The Delegitimation of Critical Intellectuals in Terrorism and Political Violence // *Critical Studies on Terrorism*. 2014. Vol. 7. № 2.
41. **Joffe J.** Überpower: The Imperial Temptation of America. N. Y. ; L. : W. W. Norton & Company, 2006.
42. **Kellogg M.** The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. N. Y. : Cambridge University Press, 2005.
43. **López F.** The Feathers of Condor: Transnational State Terrorism, Exiles, and Civilian Anticommunism in South America. Ph.D. Diss. Kensington : University of New South Wales, 2014.
44. **MacDonald R. L.** A Land without a People for a People without a Land // *Civilizing Mission and American Support for Zionism, 1880s–1929*. Ph.D. Diss. Bowling Green ; Ohio : Bowling Green State University, 2012.
45. **Makowski A.** The Mavi Marmara Incident and the Modern Law of Armed Conflict at Sea // *The Israel Journal of Foreign Affairs*. 2013. Vol. 7. № 2.
46. **Margolian H.** Unauthorized Entry: The Truth about Nazi War Criminals in Canada 1946–1956. Toronto : University of Toronto Press, 2000.
47. **McCabe S., Diekmann A.** The Rights to Tourism: Reflections on Social Tourism and Human Rights // *Tourism Recreation Research*. 2015. Vol. 40. № 2.
48. **Michael M. G.** The U.S. Response to Domestic Right Wing Terrorism: A Government and NGO Partnership. Ph.D. Diss. Fall Semester. Fairfax : George Mason University, 2001.
49. **Mitoma G., Bystrom K.** Humanitarianism and Responsibility // *Journal of Human Rights*. 2013. № 12.
50. **Narkunas J. P.** Human Rights and States of Emergency: Humanitarians and Governmentality // *Culture, Theory and Critique*. 2015. Vol. 56. № 2.
51. **Norton-Taylor R., Milne S.** Orwell Offered Writers' Blacklist to Anti-Soviet Propaganda Unit // *The Guardian*. 1996. 11.07.
52. Presidential Proclamation — Captive Nations Week. — <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/presidential-proclamation-captive-nations-week> (дата обращения: 29.01.2016).
53. Public Law 86-90 — July, 17, 1959. Joint Resolution providing for the designation of the third week of July as «Captive Nations Week», 73 Stat. 212, [S.J. Res. 111]. — <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-73/pdf/STATUTE-73-Pg212.pdf> (дата обращения: 29.01.2016).
54. **Rejali D.** *Torture and Democracy*. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2009.
55. **Schmitz D. F.** *The United States and Right-Wing Dictatorships, 1965–1989*. N. Y. : Cambridge University Press, 2006.
56. Soviet Active Measures in the «Post-Cold War» Era 1988–1991. A Report Prepared at the Request of the United States House of Representatives Committee on Appropriations by the United States Information Agency, June 1992. [Washington] : The Agency, 1992.
57. **Spangenburg R., Moser D. K.** *Wernher Von Braun: Rocket Visionary*. N. Y. : Chelsea House, 2008.
58. **Steinacher G.** *Nazis on the Run: How Hitler's Henchmen Fled Justice*. N. Y. ; Oxford : Oxford University Press, 2014.
59. **Steinberg G. M.** Soft Powers Play Hardball: NGOs Wage War against Israel // *Israel Affairs*. 2006. Vol. 12. № 4.
60. **Taylor J.** Russia is Finished // *Atlantic Monthly*. 2001. May.
61. *Tell Me Lies: Propaganda and Media Distortion in the Attack on Iraq* / D. Miller (ed.). L. : Pluto Press, 2004.
62. **Trisko J. N.** Aiding and Abetting: Foreign Aid and State Coercion. Ph.D. Diss. Montreal : McGill University, 2013.

63. **Tsygankov A.** Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. N. Y. ; L. : Palgrave Macmillan, 2009.
64. **Unger C.** House of Bush House of Saud: The Secret Relationship between the World's Two Most Powerful Dynasties. L. : Gibson Square, 2007.
65. **Ventresca P. A.** Soldier of Christ: The Life of Pope Pius XII. Cambridge : Belknap Press, 2013.
66. **Weiner J. R.** Diplomatic Immunity? Terror Attacks against Israeli Embassies and Diplomatic Representatives Abroad // Israel Journal of Foreign Affairs. 2012. Vol. 2. № 2.
67. Who Lost the Saudis? Iran and Russia have an interest in toppling the House of Saud // The Wall Street Journal. 2016. January. № 3.
68. **Williams R.** The Divided World: Human Rights and Its Violence. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2010. ◆

Миф о конце «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

© Мутагиров Д. З.

© Mutagirov D.

Миф о конце «холодной войны»

Myth about the end of the “cold war”

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена войны, которой пронизана вся история человечества. Обосновывается мнение о том, что «холодная» война, как и «горячая», является перманентным явлением в жизни человечества с момента образования государств. Соответственно, она может прекратиться только после прекращения деления мира на соперничающие между собою государства и складывания универсального сообщества свободных и равноправных людей и народов.

Annotation. The article deals with the phenomenon of the war. The article considers that the “cold” war, as the “hot” one, is a permanent phenomenon in human life since the origin of the states. Accordingly, they will cease only after formation of the universal civil society of equal individuals and peoples.

Ключевые слова. Общество, государство, международные отношения, национальные интересы, «горячая» и «холодная» войны, международное право.

Key words. Society, state, international relations, interests, conflicts, hegemony, “hot” and “cold” war, international law.

Классики международного права, начиная с Цицерона, полагали, что международная обстановка всегда сводится к двум состояниям: война или мир [11. §VIII, I, 4; 19. Book III. §21]. Не случайно поэтому почти вся известная история человечества, по существу, сводится к историям войн и ведущих их правителей. О них написано больше, чем о любой другой проблеме жизни человека. Войны в многочисленных формах (видимых и невидимых) происходили и происходят как между отдельными государствами, так и их группами и союзами. Только после того, как международная политика под влиянием двух мировых войн перестала быть евроцентрической, а идеология конфликта, в центре которого находились две мировые системы, была названа американским журналистом Вальтером Липпманом «холодной войной», последнюю стали рассматривать как всемирное явление [10. P. 207]. Стало почти хрестоматийным утверждение, что «холодная война» началась с фултонской речи У. Черчилля в марте 1946 г. и прекратилась с односторонним выходом из нее СССР в конце 1980-х.

МУТАГИРОВ Джамал Зейнутдинович — профессор кафедры международных политических процессов факультета политологии СПбГУ, доктор философских наук.

Доля истины в этих суждениях, безусловно, есть, но только небольшая. Если безоговорочно соглашаться с ними, то получится, будто «холодная война» — это феномен только XX в., порожденный отношениями соперничества лишь между СССР (Россией) и остальными странами мира. При такой упрощенной трактовке одного из почти перманентных явлений в жизни человечества вряд ли можно ожидать верного понимания природы международных отношений в прошлом и в настоящем, а также условий их совершенствования.

Абсолютизация узкого понимания «холодной войны» как противостояния двух социально-политических систем XX в. привела к тому, что таковая между отдельными государствами и союзами государств в прошлом вплоть до 1940-х гг., как и особенности ее ведения в каждую эпоху остались без должного внимания исследователей. Лишь в некоторых исследованиях, преимущественно английской школы международных отношений, предпринимались попытки рассмотреть «холодную войну» по периодам, правда, опять-таки только в XX в. [26; 31].

* * *

«Холодная война», как и обычная, является перманентным явлением человеческой истории, имеет богатое прошлое и подразделяется на этапы, неразрывно связанные с общей периодизацией истории человечества. Безусловно правы философы, политики и исследователи международных отношений, считающие войну обычным поведением политических режимов и инструментом государств. Так, Брэдли Клейн, говоря о генеалогии государства, пишет о насилии как о факторе, «делающем и переделывающем современный мир». Стратегическое насилие, по его мнению, является «образующим государств; оно не только охраняет границы государств, но и делает само государство» [22. Р. 139]. О неразрывных и парадоксальных отношениях между насилием и политическим порядком в государствах пишет также профессор международной политики Уэльса Дженни Эдкинс, которая ставит нацистов, концентрационные лагеря, лагеря беженцев и НАТО в один ряд. Все они, пишет она, являются «плодами» действий суверенной власти, которая стремится расширить свой контроль над человеческой жизнью [16. Р. 13]. Таким образом, война в разных проявлениях ее форм и интенсивности — следствие действий прежде всего государств, которые ведут ее либо в отдельности, либо объединившись во временные союзы и коалиции. Пока существуют государства, их границы и интересы, будут неизбежны конфликты и войны между ними [15. Р. 1].

Отношения между людьми, народами и государствами имеют разные уровни: взаимное доверие и плодотворное сотрудничество, охлаждение отношений, ревность и подозрительность, недоверие и вражда, откровенная война, а также состояние перехода от одного уровня

к другому. При этом состояние войны остается доминирующим, почти что естественным, в то время как состояние истинного мира — идеалом, к которому люди только приближались временами в какой-то степени. Смысл жизни человека — создание и поддержание условий, необходимых для жизни: добывание средств существования, поддержание жизни и воспроизводство рода. Война же — это движение части человечества в противоестественном направлении, откат его назад. Она убивает миллионы молодых и здоровых людей, уничтожает результаты созидательной деятельности предшествующих поколений людей, приводит к развалу экономики, резко ухудшает благосостояние оставшихся в живых и разжигает ненависть между вовлеченными в нее народами.

Если физическая карта мира — это следы тысячелетних природных процессов (землетрясений, извержений вулканов, смещений геологических пластов, формирования и высыхания рек, озер и морей), то политическая карта мира — признанные пока итоги тысячелетних войн за расширение среды обитания, завоевание новых земель, покорение соседних и дальних народов, за передел мира и т. д.

Говорить о мире в этом сообществе можно лишь условно. Он всегда будет относительным, пока интересы и амбиции людей будут противоречивы, а человечество не перестанет быть разделенным границами (национальными, социальными и политическими).

Война — экстремальная форма соперничества индивидов, групп, обществ и государств, а также их институтов (экономических, социальных, духовных) с применением всех возможных форм, средств и методов борьбы. Для достижения своих целей, ослабления и даже полного устранения противников с поля соперничества, причинения им максимально возможного вреда используются не только армии, но и общественное мнение. Сильные игроки, как правило, отдают предпочтение «игре мускулов», угрозам силой и прямому ее применению для принуждения остальных к повиновению себе; средние — маневрируют и стремятся оставаться в стороне или примыкают к какой-либо из соперничающих сторон.

* * *

В начале истории человечества война (борьба) шла между индивидами и группами людей («война всех против всех»), охватывая роды, племена и народы. Не случайно Г. Гроций выводил латинское слово *bellum* («война») из более раннего слова *duellum*. Право вызывать на дуэль или объявлять войну и вести ее считалось одним из определяющих моментов самостоятельности, чести и достоинства человека и государств.

Существует множество причин конфликтов. Некоторые из них заложены в природе самого человека и, соответственно, в обусловленных ею взаимоотношениях людей. Пользование благами природы, располо-

женными на планете неравномерно, желание иметь лучшее и больше, соперничество при этом — естественные проявления жизни. Экономические факторы, стремление к завоеванию новых земель, овладению ресурсами в ареалах проживания других народов, рынками сбыта, желание жить в роскоши были и остаются главными побудительными мотивами к войнам. Другая причина — природа самих обществ и государств: степень их демократичности и справедливости существующих в них общественных отношений.

По подсчетам исследовательского центра по урегулированию конфликтов Мичиганского университета, только с 1816 по 1992 г. в мире происходило 209 международных войн. Они шли каждый год, за исключением 1908 г. Христианские государства Европы являлись наиболее воинственными: Великобритания участвовала в 52 войнах, Франция — в 44, Турция — в 27, Россия/Советский Союз — в 25, Китай — в 17 и Италия — в 15 войнах. Государства выиграли 65% войн, которые они начинали, и проиграли 28% [30. Р. 176—179]. По нашим подсчетам, с момента своего образования США участвовали более чем в 40 полномасштабных войнах, не считая вмешательств в дела других стран с целью насаждения или удержания там реакционных диктаторских режимов и угроз войной.

В период с 1945-го по 1999 г., считающийся относительно спокойным, в мире произошли 25 межгосударственных войн, а также 127 гражданских в 73 странах [17. Р. 75—90]. Последние продолжались в среднем по шесть лет и унесли жизни 16,2 млн человек, т. е. более чем в пять раз больше, чем в межгосударственных войнах. Постоянно примерно в каждой шестой стране после окончания Второй мировой войны происходила гражданская война. Интересно, что в 1990—2000-е гг., считающиеся периодом без «холодной войны», произошло больше гражданских войн, чем в любое послевоенное двадцатилетие. Аналитики считают это «результатом совокупных жалоб, которые накопились в годы, когда Соединенные Штаты и Советский Союз доминировали в своих мирах и сдерживали конфликты в них». По их мнению, с окончанием «холодной войны» сверхдержавы ослабили контроль над процессами в других странах и обратились к внутренним проблемам своих стран. Эти гражданские войны продолжались примерно с двух лет в 1947 г. до пятнадцати лет в среднем в 1999 г. [32. Р. 246; 27]. Можно считать это состоянием мира и завершения «холодной войны»?

Вдохновителем большинства этих войн являлись США. Они вторгались в другие страны (в Панаму в 1989 г., Ирак в 1991 г., Югославию в 1999 г., Афганистан в 2001 г., Ирак в 2003 г., Ливию в 2011 г.), а также оказывали военную поддержку правительствам, которые сражались с повстанцами (Гаити, Пакистана, Колумбии, Израиля, Турции, Филиппин, Македонии, Индонезии, Саудовской Аравии и т. д.) [32. Р. 246]. Как свидетельствуют исследователи международной политики, США

без стеснения используют особые полномочия, предоставленные им международным сообществом как постоянному члену Совета Безопасности ООН, для изменения мировой системы по собственному вкусу. «Со времени войны во Вьетнаме... Соединенные Штаты Америки развернули боевые силы или использовали смертоносную силу в Камбодже, Иране, Гренаде, Панаме, Ливане, Ливии, Саудовской Аравии, Кувейте, Ираке, Турции, Сомали, Гаити, Боснии, Судане, Афганистане, Южно-Китайском море, Либерии, Македонии, Албании и Югославии. Это рекорд, к которому ни одна другая страна не может приближаться», — свидетельствует американский профессор международной политики Уолтер Р. Мид [24. Р. 5]. Документальный фильм известного американского режиссера Оливера Стоуна «Нерассказанная история США» является своего рода антологией поведения США в мире в XX — начале XXI в. С начала XXI в. США постоянно находились в состоянии войны с той или иной страной, а члены НАТО во многих случаях являлись партнерами США в их агрессивных и карательных акциях.

Эти страны-агрессоры считают себя демократическими. Если это так, то оказываются не соответствующими действительности предположения о том, что истинно демократические страны переносят отношения демократии на весь мир. «Государства с демократическими режимами не были менее агрессивными в названный период; они участвовали в достаточном количестве войн и не всегда как беззащитные жертвы диктаторских режимов» [30. Р. 176—179; 28]. Между тем истинно демократическое общество уважительно относится к своим соседям, желает им добра во всем.

В качестве третьей причины многие исследователи проблем войн и мира называют безвластие (анархию) на международном уровне, на котором государства функционируют как самостоятельные игроки. По мнению К. Уолтца, анархия детерминирует рамки мировой политики, но без первой и второй причин не может быть известно о тех силах, которые определяют политику; в то же время первые две причины описывают силы в мировой политике, но без третьей невозможно оценивать их значимость и прогнозировать их результаты [33. Р. 256].

Тезис об анархии мировой системы требует критического отношения. Он основывается только на факте отсутствия *политической власти глобального уровня*. Но важно помнить, что власть существует не только в политической, но и экономической, социальной и духовной сферах. В демократических странах все институты формируются и функционируют в соответствии с не всегда осознаваемыми людьми законами природы, объективно выступающими как основа и регуляторы правовых норм поведения. Некоторые из них побуждают людей к совершению тех или иных поступков не только по принуждению, но и по собственной инициативе, добровольно, как должного и необ-

ходимого. Стало быть, власть в широком смысле — это способность не только к принуждению, но и к побуждению. Перманентная для людей власть природы и общечеловеческой морали, определяющая поведение разумных людей, всегда будет сильнее политической власти человека и его сообществ, а потому предположение о безвластии в мире является не совсем точным. Каждый человек является представителем не только своего народа, но и человечества в целом. Поэтому он обязан думать о мире и благополучии не только своей страны, но и мира в целом [3]. В соответствии с этим должны и формироваться эффективное международное право, и осуществляться поведение государств.

В повседневном обиходе принято говорить о «войне всех против всех», «войне за умы людей», «войне идей», «войне слов», «войне компроматов», о войнах видимых и невидимых и т. д. Нередко понятие «война» перекликается или заменяется понятием «борьба», которая имманентна всему живому.

Философы называют войны вооруженными драками между государствами и народами, а еще вернее — между их правителями, в главных жертв которых они превращают своих миролюбивых подданных и граждан. По мнению Л. Оппенгейма, «война — это раздор между двумя или более государствами через их вооруженные силы, с целью одоления друг друга и навязывания таких условий мира, каких победитель пожелает» [30. Р. 179]. Другие исследователи войн считают необходимым уточнить это определение [29. Р. 237, 281; 14]. Пункт «состязание государств» ни у кого из них не вызывает возражений. Но критерий «между государствами» не совсем корректен, поскольку войны происходят не только между государствами, но и внутри государств (между разными группами и слоями населения — гражданские войны).

Критически осмыслив бесчисленное множество пониманий войны и ее признаков, профессор международного права Йорам Динстайн определяет ее как «враждебное взаимодействие между двумя или более государствами в техническом либо в материальном смысле. Война в техническом смысле — это официальный статус, устанавливающийся в результате объявления войны. Война в материальном смысле происходит в результате фактического использования вооруженной силы, которая должна быть всеобъемлющей со стороны, по крайней мере, одной из сторон в конфликте» [34].

* * *

Многообразие областей войн, средств и методов их ведения, а также форм насилия обуславливает многообразие и форм их проявлений. «Горячая война» ведется во всех сферах общественной жизни с применением смертоносного оружия и вторжением в другие страны, разрушением их городов и сел, уничтожением живой силы и матери-

альной базы. Она подкрепляется и другими формами войны — экономической, социальной, идеологической, психологической, информационной, национальной, расовой, религиозной и т. д. [1; 2; 5; 6. С. 19—23; 7; 8].

«Холодная война» происходит в тех же сферах жизни, но скрытно, иногда даже с продолжающимися рукопожатиями руководителей государств, улыбками на их лицах и без применения смертоносного оружия. Она преследует примерно те же цели, что и «горячая война», но в несколько суженном объеме. «Холодная война» является либо подготовкой к силовой борьбе между равновеликими государствами, либо преследует цель ослабления соперника, а если удастся, то и окончательного устранения его как равновеликого игрока. Отсюда и методы, средства и каналы этой войны: диффамации, клевета на общественный и государственный строй, провокации и диверсии, обвинения в нарушениях норм международного права и наложение различных санкций, фальсификации с целью дискредитации соперника(-ов) в глазах остального мира, его максимальной изоляции и ослабления. Все это сопровождается усиливающейся милитаризацией обществ, всесторонней подготовкой к переходу к силовым методам борьбы с применением оружия [12], в том числе и против третьих, симпатизирующих противнику стран и народов, разжиганием национальных и социальных конфликтов в стане противника.

«Горячие» войны имеют начало и конец и ведутся, как правило, в соответствии с общими для международного сообщества обычаями и нормами. «Холодная» (невидимая) война не имеет никаких регуляторов и правил, она ведется всеми доступными средствами и методами, не имеет ни начала, ни конца, пока человечество не превратится в бесконфликтно развивающееся сообщество равноправных народов. Она может лишь ослабевать, смягчаться временами, изменять «фронты» сражений и главных претендентов на гегемонию в том или ином регионе, континенте или в мире в целом. «Холодная война» — перманентный спутник человечества на этапе деления его на соперничающие между собою общества и государства.

Некорректные суждения о начале и конце «холодной войны», а вместе с этим и о «конце истории» [18; 29] основаны только на противопоставлении двух идеологий (буржуазной и коммунистической) и на предполагаемом «конце коммунистической идеологии». Если принять суждения Ф. Фукуямы и его последователей о «конце истории» всерьез, то получится, будто история начиналась только с возникновения СССР и закончилась с его распадом. Фукуяма здесь не оригинален. Как известно, первоначально христиане также считали, что наступление Царствия Божьего знаменует собой конец старого мира и начало нового. Марксисты, в модифицированном виде заимствовавшие многие постулаты Библии, связывают наступление нового мира со сменой капитализма социализмом, называя это концом

предыстории и началом подлинной истории человечества. Фукуяма просто некритически заимствовал и перефразировал их, не упомянув предшественников.

Хотя после распада СССР значительно сузился круг стран, продолжающих идти по пути социализма, коммунистическая идеология продолжает функционировать и соперничать с идеологией буржуазной. Полагать, что они примирились друг с другом, было бы заблуждением. Изменились лишь масштабы их влияния на людей, а стало быть — и острота противостояния.

«Холодная война» ведется во всех сферах общественной жизни, среди которых идеологическая — далеко не самая главная. Важнейшими здесь являются социальная и экономическая сферы, поддерживаемые и усиливаемые политической и духовной.

«Холодная война» ведется во всех сферах общественной жизни, среди которых идеологическая — далеко не самая главная. Важнейшими здесь являются социальная и экономическая сферы, поддерживаемые и усиливаемые политической и духовной.

Перманентный характер носит и соперничество однотипных государств за гегемонию в рамках соответствующих систем. Такое соперничество, сопровождаемое психологическими, информационными и иными войнами, почти постоянно шло между европейскими державами (Испанией и Англией, Францией и Англией, Германией и Францией), и исход его во многих случаях определялся присоединением России к одной из сторон этой борьбы между государствами Европы и США, между Россией и странами Запада и т. д. Если первые четыре столетия новой эры в каком-то смысле можно было считать «*Rex Romana*», XVII—XIX вв. — «*Rex Britannica*» [9], первая половина XX в. — относительно многополярным временем, то период после Второй мировой войны — двухполюсным с претензией США на «*Rex Americana*».

Новая эпоха «холодной войны», когда соперничество между отдельными странами несколько отошло на задний план, уступив место борьбе между общественными системами, началась после Октябрьской революции в России. Первый вооруженный поход 14 ведущих капиталистических стран (1918—1921) с целью «задушить новый строй в колыбели» потерпел неудачу, после чего войну с СССР продолжали вести преимущественно экономическими, политическими, идеологическими и иными средствами и методами. Она несколько

смягчилась в период совместной борьбы с общим врагом в лице фашизма, в победе над которым СССР сыграл решающую роль. Благодаря этому авторитет СССР, а, соответственно, и авторитет социализма, в мире значительно возрос. Во многих странах Западной Европы, включая Францию и Италию, представители коммунистических партий, сыгравших наиболее активную роль в движении сопротивления фашизму, были включены в национальные правительства, благодаря которым их конституции были пересмотрены в сторону расширения прав и свобод граждан. Власть народа установилась и в самой населенной стране мира — Китае. Борьба за национальную независимость, поддерживаемая СССР, активизировалась в странах Юго-Восточной Азии (Индонезии, Бирме, на Филиппинах, в Индокитае) и Африки.

«Мы имеем политическую силу, фанатично убежденную о том, что с США не может быть постоянного *modus vivendi*, — писал из посольства США в Москве встревоженный новой ситуацией в мире Д. Кеннан в телеграмме в Госдепартамент 22 февраля 1946 г. — Поэтому внутренняя гармония нашего общества будет нарушена, наш традиционный образ жизни уничтожен, и международный авторитет нашего государства подорван, если не сдерживать Советскую власть» [21. Р. 50—63]. Тревогу Кеннана поддержал У. Черчилль в Фултоне 5 марта того же года. В соответствии с этим была разработана «стратегия сдерживания» наступления коммунизма и составлена развернутая программа действий по дискредитации СССР. Предусмотренные в них цели должны были достигаться путем фальсификаций, провокаций и нагнетания ненависти к СССР, дискредитации социализма как общественно-го строя с приданием этой борьбе преимущественно идеологического характера под лозунгами борьбы с «тоталитаризмом и защиты демократии».

Эти слова стали началом нового «крестового похода» против коммунизма и нового этапа «холодной войны» в мире. Он сопровождался маккартизмом в США и оголтелым антикоммунизмом в Европе. Благодаря им политика «сдерживания коммунизма» получила поддержку со стороны части населения западных стран. Как показали опросы населения о том, «насколько важными вы считаете для Соединенных Штатов попытки остановить распространение коммунизма в мире», проведенные в США в период с января 1950-го по июнь 1951 г., «параноидальные опасения властей перед коммунистической идеологией» сочли «очень важными» около 80% ответивших, «довольно важными» — 90%, и «не важными» — менее 5% участников опроса [13. Р. 169].

«Соблазняемые маккартизмом и догматизмом Джона Фостера Даллеса, мы рассматривали коммунизм как опасность всемирного заговора в масштабах, далеких от ее реальности, — писал профессор Гарвардского университета Джордж Лодж. Мы знаем, что коммунизм

как идеология — общественная жизнь без частной собственности — не является угрозой. Мы можем восхищаться некоторыми ее характеристиками, как она практиковалась в израильских кибуцах или даже в Китае, хотя мы жестоко осуждаем ее в России. Советский Союз опасен с его ракетами в шахтах и на подводных лодках, а не по идеологическим соображениям» [23. Р. 157—158]. И действительно, важной особенностью «холодной войны» этого этапа было то, что она велась с постоянной оглядкой на термоядерное оружие, которое одновременно и сдерживало «воюющие» стороны от его применения страхом всеобщего уничтожения. Ее волны, как и волны моря, то поднимались (обострение), то опускались (смягчение, разрядка), но никогда не прекращались.

Советского Союза уже нет, но его ракеты остались в шахтах и на подводных лодках России, продолжающей быть «хартлэндом» мира с огромными природными ресурсами, — а потому продолжается и будет продолжаться «холодная война» против нее.

Не лучшим образом поступала и советская политика и пропаганда, считая, что мир разделился на два лагеря: империалистический — как источник новых войн и реакции, и антиимпериалистический — как оплот прогресса, демократии, борец с реакцией. Но умалчивалось о том, что и эти «лагеря» не были свободны от внутренних противоречий и конфликтов. Соперничество между избравшими социалистический путь развития СССР и КНР при Н. Хрущеве и Мао Цзэдуна за лидерство в этой группе стран, сопровождавшееся ожесточенными нападениями друг на друга, войной слов и обвинениями в ревизионизме одних и в левом авантюризме других, переросло в открытые столкновения, в частности, на о. Даманском. Это показало, что не только «холодная», но и «горячая» войны могут происходить между государствами с социально-политическими системами левого толка, провозгласившими своими главными целями «борьбу за мир» и «пролетарскую солидарность». Конфликты между Сталиным и Тито, Хрущевым и Мао Цзэдуном стали причинами ослабления доверия значительной части населения к политике и практике коммунистических партий. В конечном итоге это привело к организации частью руководства этих партий своего рода «новых термидорианских переворотов» в восточноевропейских странах в 1989—1991 гг. и распаду социалистической системы государств.

* * *

После этого начинается очередной, качественно новый этап «горячих» и «холодных» войн, количество участников которых резко возросло. Прекращение существования СССР, а соответственно и противостояния против него не привело к заметному смягчению международной напряженности, сокращению вооруженных сил и военных расходов, ликвидации созданной для противостояния СССР

и сдерживания коммунизма военной организации НАТО. Напротив, НАТО расширилась, включив в свой состав и все страны прекратившего свою деятельность Варшавского договора, за исключением России, и даже три республики бывшего СССР. Де-факто войны продолжались с ориентирами на прежнее соперничество: в качестве главного противника государств НАТО, по существу, рассматривался и рассматривается «евразийский хартлэнд» в лице России, хотя на словах им был объявлен невидимый и неуловимый «международный терроризм», своим возникновением и усилением обязанный, прежде всего, действиям США и их союзников.

Международный терроризм конца XX и начала XXI в. в известном смысле также является плодом противостояния государств разных социально-политических систем и детищем «холодной войны». Ее можно назвать также точечной войной: в воздухе — путем угонов и взрывов самолетов, на земле — путем взрывов домов, транспортных средств и в местах массового скопления населения, а также убийств отдельных лиц.

Один из первых случаев угона воздушного судна произошел с советским пассажирским самолетом, угнанным в Турцию, и привел к человеческим жертвам: злоумышленники убили бортпроводницу. Власти Турции отказались выдать этих преступников и убийц Советскому Союзу, а США предоставили им политическое убежище, как и в случае с организаторами взрыва кубинского авиалайнера в 1976 г., в результате которого погибло 73 человека. И лишь затем последовала серия угонов самолетов западных стран, сопровождавшихся даже взрывами и гибелью всех пассажиров, а также использованием защищенных самолетов в качестве бомб с направлением их на политически значимые объекты — как это случилось 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

Международная террористическая организация «Аль-Каида» (как и «Талибан») также является творением соответствующих служб США для борьбы с Советским Союзом в Афганистане. Ее члены проходили военную подготовку в лагерях Пакистана, руководимых ЦРУ. Президент Ирака Саддам Хусейн начинал войну с Ираном в 1980 г. не без поддержки США и продолжал пользоваться ею вплоть до окончания войны в 1988 г. Но руководствуясь поговоркой «мавр сделал свое дело, мавр может уйти», вчерашние покровители «помогли» уходу и Саддама, породив при этом новое зло.

Когда вооруженные силы США и Великобритании под надуманными предлогами вторглись в Ирак в 2003 г., и достаточно многочисленная и хорошо вооруженная иракская армия, не оказав сколько-нибудь серьезного сопротивления, как бы растворилась в пустыне, агрессоры не особенно задумывались над тем, куда она делась. Примерно то же самое повторилось в Ливии и Сирии, где США и их союзники по НАТО направили свои удары по сотрудничавшим с Рос-

сией государствам и поддержали экстремистские силы, боровшиеся с законными властями. Как закономерное следствие, внезапно появились хорошо организованные и вооруженные, пользующиеся поддержкой значительной части населения региона террористические силы, которые претендуют на возрождение халифата под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, затем ИГ или ДАИШ)¹. Значительная их часть также была вооружена США и Великобританией, которым теперь приходится пожинать плоды собственной политики. Парадоксальность ситуации состоит в том, что «родители терроризма» продолжают и после этого следовать никак не согласующейся с разумом логике действий: осуждая и борясь с ИГ, оказывают всяческую поддержку близким ему силам в Сирии только потому, что они воюют с продолжающим сотрудничать с Россией правительством.

Войны в Ираке, Ливии, Сирии, санкции в отношении Ирана, а в 2014 г. и России, многие межгосударственные и внутригосударственные войны после Второй мировой войны — это горячие сполохи и искры «холодной войны», в которой ведущие державы мира стремились и стремятся ослабить позиции друг друга в соответствующих регионах. При этом ими активно использовались даже те, осуждаемые во всем мире, методы и средства, с которыми они достаточно активно боролись в других случаях. Как признавался бывший директор ЦРУ по операциям в Афганистане Чарльз Коган, главная миссия США состояла в том, «чтобы нанести как можно больше вреда Советам» [32. Р. 245]. О последствиях не особенно беспокоились.

Примеров подобной алогичной политики, приумножающей кризисы, конфликты и вражду в мире, становится все больше [27]. Последними из них являются ситуация на Украине [4. С. 14—20], экстремистские и террористические акты во многих странах мира в 2014—2015 гг., порожденные недалекновидностью правящих кругов ведущих стран мира.

Временно отодвинувшиеся на задний план противоречия между странами капиталистического мира из-за преувеличенного страха перед коммунизмом и связанные с ним конфликты после распада СССР вновь выдвинутся на передний план, и начнется очередной этап как «горячих», так и «холодных» войн. Международная ситуация в мире как бы вернулась к таковой начала XX в. примерно с теми же ведущими игроками и выдвиганием США на передний план, что, безусловно, несколько изменяет их геополитические цели. Складывается впечатление, что история прошлого столетия с его трагическими для человечества последствиями ничему не научила лидеров этих стран.

¹ Запрещена в Российской Федерации. — *Прим. ред.*

Литература

1. **Бухарин С. Н.** Методы и технологии информационных войн. М. : Академический проспект, 2007.
2. **Зеркалов Д. В.** Информационные войны. Киев : Основа, 2012.
3. **Мутагиров Д. З.** Демократия как универсальная ценность. М. : Логос, 2014.
4. **Мутагиров Д. З.** Правовые коллизии современных этнополитических кризисов // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 1.
5. Основы ведения информационной войны / пер. В. Казеннова. — http://www.lib.ru/SECURITY/kvn/corner.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 28.01.2016).
6. **Павлютенкова М. Ю.** Информационная война: реальная угроза или современный миф? // Власть. 2001. № 12.
7. **Почепцов Г. Г.** Информационные войны. М. : Ваклер, 2002.
8. **Расторгуев С. П.** Информационная война. М. : Гелиос, 2006.
9. **Black J.** Great powers and the quest for hegemony. The world order since 1500. N. Y. ; L. : Routledge : Taylor & Francis, 2008.
10. **Cassels A.** Ideology and International Relations in the Modern World. L. ; N. Y. : Routledge, 1996.
11. **Cicero.** Philippics / with an English Translation by Walter C. A. Ker. L. ; N. Y. : G.P. Putnam's Sons, 1926.
12. **Colaresi M. P., Rasler K., Thompson W. R.** Strategic Rivalries in World Politics Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
13. **Dinstein Y.** War, Aggression and Self-Defense. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
14. **Eagleton C.** An Attempt to Define War. Wash. (DC) : Carnegie, 1933.
15. **Easley E. S.** The War over Perpetual Peace. An Exploration into the History of a Foundational International Relations Text. L. : Palgrave Macmillan, 2004.
16. **Edkins J.** Whose Hunger: Concepts of Famine, Practices of Aid. Minneapolis : Minnesota University Press, 2000.
17. **Fearon J., Laitin D.** Ethnicity Insurgency and Civil War // American Political Science Review. 2002. № 97.
18. **Fukuyama F.** The End of History and the Last Man. N. Y. : Free Press, 1992.
19. **Grotius H.** The Rights of War and Peace : in Three Books. New Jersey : Lawbook Exchange Limited, 2004.
20. **Huntington S. P.** The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Shuster, 1996.
21. Kennan's 'long telegram' // Containment: Documents on American Foreign Policy, 1945—50 / T. H. Etzold and J. L. Gaddis (eds.). N. Y. : Columbia University Press, 1978.
22. **Klein B. S.** Strategic Studies and World Order. The Global Politics of Deterrence. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.
23. **Lodge G. C.** The New American Ideology. N. Y. : New York University Press, 1986.
24. **Mead W. R.** The Jacksonian tradition and American foreign policy // National Interest. 1999/2000. Winter. № 3.
25. **Oppenheim L.** International Law: A Treatise. 7th ed. L. : Longmans Green & Co, 1952. Vol. 2.
26. **O'Sullivan M. L.** Shrewd Sanctions: Statecraft and State Sponsors of Terrorism. Wash. : Brookings Institution, 2003.
27. **O'Sullivan P. M.** The Geography of War in the Post-Cold War World. Lewiston ; N. Y. : Edwin Mellen, 2001.

28. **Painter N. I.** Standing at Armageddon: The United States, 1877—1919. N. Y. : W. W. Norton, 1987.
29. **Russett B. M.** Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1994.
30. **Small M., Singer J. D.** Resort to arms. International and civil wars, 1816—1980. Beverly Hills (CA) : Sage Publications, 1982.
31. **Taylor P. J.** Britain and the Cold War: 1945 as a Geopolitical Transition. L. : Pinter, 1990.
32. The Geography of War and Peace: From Death Camps to Diplomats. Oxford : Oxford University Press, 2005.
33. **Waltz K.** Man, the State and War. N. Y. : Columbia University Press, 1959.
34. **Wittkopf E. R.** Faces of Internationalism: Public Opinion and American Foreign Policy. Durham, 1990. ◆

Дурные предчувствия на 2016 год

© Леонов Н. С.

© Leonov N.

Дурные предчувствия на 2016 год

Foreboding for 2016

Аннотация. Самая характерная черта нынешней российской власти — отсутствие у нее стратегии поведения. Она не видит перспективы движения вперед. Россия плутает в потемках, и это опасно для страны. Для выхода из кризиса нужны внятная программа действий и воля для ее воплощения в жизнь. Но этого как раз и нет. Между тем кризис нарастает, происходит массовое обнищание населения. Вот почему ближайшее будущее России вызывает дурные предчувствия.

Annotation. The most specific feature of the current Russian government authorities is lack of strategic behavior. It fails to adequately define future perspectives. The danger is that Russia appears to be lost in darkness, which is a great danger for the country. An appropriate program of actions with the power to implement such program is required in order to overcome the current crisis. However, the problem is that the current Russian Government suffers from lack of such power. Whilst the on-going crisis gets deeper, the poverty crisis is increasing. This is the reason why Russia creates a feeling of premonition.

Ключевые слова. Кризис, российское правительство, отсутствие у власти стратегии поведения, неэффективность государственных институтов, расхищение государственных средств, урезание доходов населения, массовое обнищание.

Key words. Crisis, Russian government, government lack of strategic behavior, inefficiency of governmental institutions, squandering and embezzlement of state property, mass poverty, decrease of population income.

По обыкновению в новогоднюю ночь, в семейном кругу, мы подводим итоги уходящего года и с надеждой вглядываемся в будущее. Строим планы, загадываем желания, пьем за их исполнение в наступающем году. Но меня преследует мысль, что единственным, у кого нет планов, нет высоких целей, даже открыто выраженных желаний, является российское правительство. И в этом году мне не удалось услышать от него ничего внятного, кроме набора вконец истрепанных протокольных фраз. Куда ведут страну наши поводыри? Где конец нашим блужданиям, метаниям от Запада на Восток, от желаний «быть как все» до плохо понятой и совсем не объясненной «самобытности»? Когда-то супруга знаменитого страдальца протопопа Аввакума, измученная бесконечными горестями, выпавшими на их долю, задала мужу вопрос:

«Доколе нам мучиться придется, отче?» На что получила ответ: «До самой кончины, матушка, до самой!» [2].

* * *

Наверное, самой характерной чертой нынешней российской власти является отсутствие у нее стратегии поведения, видения пути, по которому ей было доверено вести страну. Какой станет Россия через пять—десять лет? Каков будет ее облик, и какую нишу она собирается занять в мировом сообществе? Объяснить эту пустоту власть не в состоянии, а может быть, и сама не знает, в какую сторону надо рулить. Не видит перспективы движения вперед. Россия как бы плутает в потемках. Это самое опасное для страны, оказавшейся в нашем теперешнем положении. У знаменитого голландского художника Питера Брейгеля Старшего есть полотно, которое называется «Притча о слепых». Оно изображает вереницу слепых нищих, бредущих по крутому обрыву горы и ведомых таким же слепым вожаком. Это была, безусловно, политическая аллегория — в какой-то мере созвучная сегодняшней российской действительности. У нас нет никакой идеологии, нет внятных целей, а поэтому и нет осмысленных действий. Есть очевидная реактивность на внешние раздражители, — но собственной осмысленной последовательности поступков не видно.

Власть все более «окукливается», замыкается сама в себе, отрывается от своего народа и от внешнего мира. Вся система выборов в России выстроена таким образом, чтобы власть как можно меньше зависела от результатов голосования. Сроки пребывания высших должностных лиц на своих постах продлены без всякой необходимости. Государственные институты, призванные быть эффективными инструментами связи между верховной властью и обществом, практически утратили эту функцию. Государственная Дума не стала политическим горнилом, где бы шел активный поиск наилучших решений возникающих в стране проблем, где бы в обстановке демократических соревновательных процедур рождались новые подходы и оценки, формировались кадровые резервы. Более 80% всего законодательного процесса Думы занимают рассмотрение и утверждение проектов, представленных правительством. Собственный «вклад» состоит из внесения малозначимых поправок и изменений в действующие законы, в чем чаще всего заинтересованы воротилы бизнеса, имеющие своих лоббистов в Думе. Выражением роли нынешней Думы стали приписываемые ее бывшему председателю Борису Грызлову слова: «не место для политических дискуссий». Хотя во всем мире парламенты являются именно местом политических дискуссий на глазах всей общественности.

В России не сложилась привычная для демократических стран практика предвыборных дебатов на телеэкранах, в ходе которых кандидаты на руководящую роль представляют и обосновывают свою по-

зицию по всем основным проблемам, стоящим перед государством. Власть в лице правящей партии «Единая Россия» и кандидаты, выступающие под ее флагом, категорически отказываются от публичной полемики, что, естественно, наводит на мысль, что они опасаются потерпеть поражение. В то же время роль «системной оппозиции», представленной в парламенте тремя политическими партиями (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия») как институтами поиска более эффективных, чем правительственных, путей решения проблем, равна нулю.

Общественная палата так и не стала авторитетным органом, несмотря на благие намерения, лежавшие в основе ее создания. Средства массовой информации, которые получили в мире название «четвертой власти» (после законодательной, исполнительной и судебной) и сыграли в свое время важную, если не решающую, роль в разрушении социалистической системы в России, как-то незаметно утратили свою гражданскую активность, «сдулись» и постепенно уступают свою роль социальным сетям. Взвешенность и осмысленность выступлений в этих сетях чаще всего подменяются раздражительностью, грубостью и повышенной конфликтностью. Пренебрежение к СМИ слышится и в высказываниях, идущих из «Белого дома» и Кремля, когда в ответ на разоблачения чиновников в нарушениях законов, норм нравственности и морали оттуда говорят: «Нужны достоверные факты для суда, а не домыслы прессы». Алексей Навальный с его «фактами» стал явным «скверным мальчишкой», который мешает власти спокойно заниматься своим делом, т. е., похоже, ничем.

«Окуклившаяся» власть не меняется сама и не меняет своего характера, несмотря на круто меняющиеся обстоятельства вокруг нее. Совершив в последние два года крутой поворот от подражательства западному миру к практически полному обособлению от него, утратив жизненную силу от катастрофического падения цен на нефть и газ, столкнувшись с деградацией экономики и падением ВВП, власть, тем не менее, осталась неизменной в основных своих компонентах. Она как бы живет по словам песенки, исполненной Юрием Никулиным: «А нам все равно, а нам все равно, мы волшебную косим тринтраву!»

Естественно, возникает вопрос: как она сама определяет смысл своего существования, в чем она видит свое предназначение? Не в том ли, чтобы просто существовать? Хотя такой ответ напрашивается, судя по количеству и глубине принимаемых охранительных мер. Одной из последних было разрешение силовым структурам применять оружие в толпе или против толпы.

* * *

Ухудшение экономического положения России, помноженное на беспомощность правительства, вынуждает думать, что мы идем к дра-

матической развязке, до которой осталось, на мой взгляд, два, от силы три года. Чиновники, «эксперты» гадают, достигли ли мы дна падения. По-моему, достигли, уже в ил зарываемся, и вопрос лишь в том, сколько мы сумеем пролежать на дне за счет оставшегося в легких воздуха. Никакой помощи снаружи нам ждать не приходится. Запад нам не поможет! Нефть, несмотря на все взятые с потолка прогнозы, не вернется к прежним ценам [5].

Частенько в выступлениях высокопоставленных чиновников, в правительственных СМИ проскальзывают нотки долгосрочной надежды на Китай. Чтобы избежать больших разочарований, не лишне было бы внимательнее следить за стратегическими установками Пекина и практическими шагами по их претворению в жизнь. Как и прежде, Китай будет руководствоваться исключительно своими прагматическими государственными интересами. Сейчас его интересуют главным образом мировые рынки сбыта своей продукции и источники получения сырья из зарубежья. Свой политический профиль Пекин старается не выпячивать, а скорее наоборот — прикрывать, чтобы не мешать выполнению главных задач. Союзников Китай не ищет, считая себя самодостаточным. Ни о каких «братских» отношениях с ним говорить не стоит. Это мы в прошлом сочиняли песни о том, что «русский с китайцем — братья навек».

Мы не сумели создать надежных внутренних источников национального богатства за 25 лет, использованных новой «элитой» для собственного обогащения. Более того, расхищение государственных средств за эти годы приобрело характер эпидемии.

Исходя из собственных интересов, КНР отказалась от финансирования строительства газопровода «Сила Сибири» по территории РФ, а «Газпрому» в одиночку такая задача вряд ли по силам. Значит, у Китая есть альтернативные планы по получению более дешевых энергоресурсов. Эти планы связаны с привязкой ближневосточных и среднеазиатских поставщиков к экономике КНР.

Мы не сумели создать надежных внутренних источников национального богатства за 25 лет, использованных новой «элитой» для собственного обогащения. Более того, расхищение государственных средств за эти годы приобрело характер эпидемии. Где бы ни появлялись крупные бюджетные средства, на них сразу набрасываются стаи прожорливых пираний (преступные сообщества бизнесменов и чиновников), «в два мига, коль не в миг» растаскивающие государствен-

ные средства. Достаточно вспомнить аферы, которые сопровождали строительство олимпийских объектов в Сочи, создание комплекса учебных и инновационных центров на острове Русский, возведение космодрома «Восточный» в Амурской области. Все они сопровождались снятием со своих постов влиятельных лиц, началом судебных дел, о завершении которых общество мало информировано. В последнее время дело, насколько можно судить, доходило до того, что мошенники стали запускать руки в закрома «Гохрана», к которым нельзя прикасаться, иначе как с разрешения высших должностных лиц государства. Но ведь история «Голден Ады» и ее изобретателя Козленка не исчезнет из памяти народной. А чего стоит скандальное дело Сердюкова—Васильевой в Минобороны, которое долго трепало нервы населению всей России, да так потихонечку и заглохло. Какими милыми забавами смотрятся на этом фоне похождения гоголевского Чичикова!

Власть ничего по существу не делает для решительной борьбы с ворами, мошенниками и коррупционерами, хотя в мире накоплен огромный опыт в этом отношении. Главным элементом в противодействии преступности является внесение в Уголовный кодекс статьи, предусматривающей конфискацию незаконно нажитого имущества. Россия в свое время подписала соответствующие международные документы, но так и не набралась духу, чтобы внести такую судебную норму в практику нашей жизни. Эта нетрудная для юристов задача оказалась непосильной для политической власти.

* * *

Откуда же брать деньги государству, из казны которого тащат все, у кого только есть подобная возможность?!

Как бы горько это ни звучало, но основным методом сведения концов с концами бюджета сейчас стало урезание доходов населения. Еще три года тому назад те же люди, которые сидят в правительстве, всерьез рассуждали о рубле как расчетной международной валюте, а теперь, поджав хвосты, считают, у кого и сколько можно отнять, чтобы кое-как залатать тришкин кафтан. Экономят на самых бедных и незащищенных: пенсионерах и бюджетниках. Поднятие возрастной планки для выхода на пенсию, отказ от нормальной индексации пенсий (4% индексации при 13-процентной инфляции — это чистая конфискация), систематическое сокращение расходов на образование, здравоохранение, урезание всех остальных видов социальных расходов государства — таков вектор эволюции нашей жизни. Нынешние мытари скребут по всем углам, выискивая, где еще можно ущипнуть затурканного гражданина. Повсеместно вводятся платные парковки в городах, водителей большегрузных автомобилей пытаются заставить платить за каждый километр пробега по дорогам, устанавливаются такие взвинченные цены за проезд по платным

автомагистралям, которые внушают ужас даже самим губернаторам (в Подмосковье, например, за 43 км одного из платных шоссе надо выложить 1000 рублей). Но это все еще цветочки! С 2016 г. начнет работать новый налог на недвижимость, тихонько, без внимания прессы принятый Думой. По нему все наше жалкое «недвижимое имущество» — в основном оставшееся в наследство от советских времен (жилье, шестисоточные «фазенды», кооперативные гаражи и все, все, все...) — будет обложено налогом, исходя из его рыночной стоимости. Это станет тяжелейшим ударом по пенсионерам, да и большинству обычных граждан, многим из которых придется расставаться с нормальными, привычными условиями жизни. А ведь, по данным ВЦИОМ, обнищание нашего народа и без того нарастает пугающими темпами. За минувший год доля российских семей, оценивающих свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое», выросла с 16 до 22%.

Даже страшно представить себе, но, по данным все тех же социологов, 79% населения страны не может найти средств, чтобы купить современный телевизор, холодильник или обновить мебель без ограничения других статей расхода. Подавляющее большинство едва сводит концы с концами, тратя все доходы на коммунальные платежи, еду и скромную одежду. Почти половина наших соотечественников (46%) живет на «доходы» менее 10 тыс. рублей в расчете на душу населения [1]. О расцвете духовности, развитии интеллекта в условиях такой жизни говорить не приходится. Знают ли в правительстве, где проходит красная черта, переступить которую недопустимо?

Я вспоминаю 1980 г., когда мне (в ту пору начальнику информационно-аналитического управления разведки) довелось докладывать Ю. В. Андропову о кризисной обстановке, складывавшейся тогда в Польше и приведшей к созданию политизированного профсоюза «Солидарность». Поводом для массовых забастовок на польском Побережье стало повышение цен на мясо. Председатель КГБ спросил меня, сколько мяса потребляет польский гражданин в год. Я ответил: «49 килограммов». «М-да, — заметил Андропов, — у нас душевое потребление составляет 36 килограммов, а волнений нет. Почему бы?» «Да потому, — собрался с духом я, — что у каждого народа свой предельный уровень терпения. У нас он выше!»

Не надо забывать, что Февральская революция 1917 г. опрокинула Российскую империю, когда на общем кризисном фоне в столице вдруг не оказалось муки и хлеба. Предыдущая власть пала в основном из-за «пустых прилавков», которые привели к утрате доверия и поддержки со стороны населения. «Марши пустых кастрюль» стали символом накопления в обществе взрывчатого и горючего материала. Вспомним ранее хорошо знакомый лозунг «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей!». Иными словами: народ нельзя доводить до отчаяния.

В какой-то степени настроение людей выражается и в динамике преступности в стране. По официальным данным, в 2015 г. в России зарегистрирован рост преступлений на 8,5%. Это не что иное, как прямое следствие падения ВВП на 3,7%. Бедность и безработица неизбежно толкают часть населения на воровство и грабеж. Около 900 тыс. человек стали в прошлом году правонарушителями. В официальной статистике мигают тревожные красные лампочки, как на приборной панели самолета, — предупреждая о серьезных неполадках на борту.

* * *

Лучший индикатор реального положения дел в стране — нынешнее состояние финансовой системы России. В течение 2015 г. были отозваны лицензии у 93 банков (общее число их — около тысячи). 10% банкротств за один год — это очень много, а Герман Греф предсказывает грядущие крахи банков, включая «крупные». Он вообще оценивает положение в банковской сфере как кризисное. Частично это связано с разрывом пуповины, по которой наши банки подпитывались ресурсами из кредитных учреждений западных стран, частично с постоянной утечкой капиталов за границу, а частично с общеэкономическим кризисом в стране. Население в «тучные» годы откладывало что-то на черный день, а теперь, когда он наступил, продает ранее накопленное. Да и доверие к финансовым институтам пошатнулось.

Бедный российский «деревянный» рубль болтается на тоненькой ниточке, привязавшей его к ценам на нефть. Его реальная покупательная стоимость неуклонно падает. Официально признанная инфляция не вызывает у людей доверия, поскольку они сталкиваются с реальным ростом цен в розничной торговле. Курс рубля по отношению к иностранным валютам опускается с каждым месяцем все ниже и ниже. Возможно, наступит день, когда наш рубль будет стоить всего 1 американский цент [4], и придется вновь проводить деноминацию, меняя каждую старую сотню на новый, но тоже «деревянный» рубль, потому что устойчивость денежной единицы напрямую зависит от общего состояния экономики.

«Финансы — кровеносная система экономики» [3], которая в нашей стране тяжело больна. Власть, кажется, намерена запустить печатный станок, чтобы сбить симптомы этой болезни, но этого совершенно недостаточно для лечения самой болезни. Для выхода из кризиса нужны внятная программа действий и воля для ее воплощения в жизнь, а в этом как раз испытывается острый дефицит. Вот почему ближайшее будущее России вызывает у многих в стране дурные предчувствия.

Литература

1. ВЦИОМ. Материальное положение россиян 2005—2015. Пресс-выпуск № 3010. 2015.27.12. — <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115531> (дата обращения: 28.01.2015).
2. **Кожурин К.** Протопоп Аввакум. М. : Молодая гвардия, 2011.
3. **Тосуния Г.** Финансы — кровеносная система экономики // Международная академия менеджмента. Научные труды. 2005. Вып. 6.
4. 100 рублей за доллар: аналитики прогнозируют дальнейшее обесценение рубля // ИА REGNUM. 2015. 25.12. — <http://regnum.ru/news/economy/2043561.html> (дата обращения: 28.01.2016).
5. World Bank Quarterly Report «Commodity Markets Outlook». 2016.26.01. — <http://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets> (дата обращения: 28.01.2016). ◆

Механизм развития современной экономики

© Убайдуллаев С. Н.

© Ubaydullaev S.

Механизм развития современной экономики

Mechanism of modern economy development

Аннотация. Статья посвящена опровержению мифа о случайной или о конспирологической природе возникновения и развития советской системы управления обществом. Обосновывается положение об объективной обусловленности советского пути развития. Россия была не первой страной, вступившей на этот путь. В статье приводятся причины сворачивания с магистрального пути прогресса как германского, так и Советского государства. Раскрываются методы и средства, при помощи которых развитые капиталистические страны на протяжении нескольких столетий сохраняют свое господствующее положение в мире. В заключении даются прогноз направлений дальнейшей трансформации структуры мировой экономики и анализ их возможных влияний на возрождение альтернативного пути экономического развития.

Annotation. The article is devoted to refuting the myth of accidental or conspiratorial nature of the emergence and development of the Soviet system of governance. Author substantiates his opinion that the way in which the Soviet Union was developing, had been dictated by the universal law of historical development. Formulated differently, author shows the way of finding its own way of social and economic development throughout human civilization by the Soviet state. Russia was not the first country to take this path. The main reasons of collapse of purposefully moving towards the progress goals of the Germany and the Soviet state are also analyzed in the article. Further author shows methods and means by which the developed capitalism countries had been retaining their dominant position in the world over the last several centuries. In conclusion, author provides his vision of further transformation of the global economy structure, and shows how these changes would contribute to the revival of the alternative way of economic development.

Ключевые слова. Экономическое развитие, научная парадигма, мировоззренческая система, институциональная система, инновационные технологии, транснациональные корпорации, монополия, централизованное управление.

Key words. Economic development, scientific paradigm, belief system, institutional environment, innovative technologies, multi-national corporations, monopoly, centralized authority.

Главным фактором, определяющим развитие современной мировой экономики, являются объективные законы общественного развития. Действия правительств отдельных государств и международных организаций способны лишь замедлить или ускорить движение человечества по пути, продиктованному объективными законами. Учет трендов, определяемых объективными законами, и формирование экономической политики в соответствии с ними являются самым надежным залогом успешного развития государств. Определению таких трендов в развитии современной экономики и посвящена данная статья.

УБАЙДУЛЛАЕВ Сураат Нусратиллаевич — ведущий научный сотрудник Института прогнозирования и макроэкономических исследований (г. Ташкент, Республика Узбекистан), кандидат экономических наук.

Основные факторы развития мировой экономики

После кризиса 2008 г. развитие мировой экономики существенно замедлилось. Продолжительность восстановительного периода также возросла, причем до такой степени, что многие экономисты стали считать это состояние новой нормой.

Восемь лет отделяют нас от начала экономического кризиса. Казалось бы, связанные с ним обстоятельства уже давно должны были найти свое объяснение в экономической науке. Если бы такое объяснение было дано, стали бы ясны и методы восстановления утраченных темпов экономического роста. Однако внятных объяснений коренных, сущностных причин как самого кризиса, так и продолжительности восстановительного периода не было и нет.

Вместо активного поиска причин негативных явлений чаще всего приводится лишь описание последовательности событий, обусловивших наступление экономического кризиса. При этом и учеными, и политиками регулярно и с завидным оптимизмом оглашаются прогнозы о скором и неминуемом оздоровлении мировой экономики.

А между тем ситуация, сложившаяся в экономической науке, не представляет собой чего-то необычного или экстраординарного. В подобное положение не раз попадали и другие отрасли знания. Такая ситуация означает всего лишь воздействие на исследователей научной парадигмы, которая утратила свой методологический потенциал и более не способна обеспечить развитие этой науки. Одним из главных «табу» в экономической науке остается запрет на сомнения по поводу возможностей рыночного механизма самостоятельно решить проблемы современной экономики. Одним из основных принципов либеральной экономической теории остается представление о необходимости ограничения воздействия государства на экономику. «Всемогущий» рынок должен все сделать сам. Переступить эту черту для проповедников современного мейнстрима равносильно грехопадению.

Вместе с тем существует и другая экономическая теория, — отстаивающая противоположную позицию о необходимости расширения участия государства в процессах экономического развития. Но сегодня эта теория не в чести, и к ее положениям обращается мало специалистов.

Различие подходов этих теорий к рассмотрению проблемы всевластия рынка проистекает из-за различного понимания сущности самого исторического процесса. Первая теория основывается на видении его в трехзвенном формате: дикость, традиционное общество и общество, основывающееся на либеральных рыночных отношениях. Вторая теория исходит из гипотезы о наличии не трех, а множества общественно-экономических формаций. И в первой, и во второй теории переход от одной ступени развития к другой происходит по мере развития производительных сил общества.

При этом первая из рассматриваемых теорий не предполагает наличия какого-либо механизма, обеспечивающего переход от одной ступени развития к другой; а вторая, марксистская, такой механизм описыва-

ет. По ее версии, этот механизм заключается в том, что существующие производственные отношения, или, в современной трактовке, институциональная система, устаревает и начинает тормозить развитие производства. Нарастание противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений приводит к возникновению новых производственных отношений (новой институциональной системы). При этом противоречия устраняются, и рост производства восстанавливается.

Таким образом, при смене социально-экономических формаций в марксизме предполагается целенаправленная деятельность людей по формированию новых производственных отношений. Либерализм же такую деятельность отвергает. Он предполагает, что при переходе от традиционного общества к рыночной экономике людям необходимо дать свободу, а затем жизненная практика сама сформирует необходимые институты.

В соответствии с либеральными представлениями, при любом экономическом кризисе нельзя усиливать роль государства в регулировании экономики. Рынок сам должен снимать все накопившиеся противоречия. Если выделить суть посткризисной политики, проводимой западными странами после 2008 г., то она окажется полностью соответствующей данному положению. Кроме снижения банковской учетной ставки, выброса на рынок дополнительной денежной массы и поддержки определенных банков и предприятий, никаких других мер ими принято не было. Тем не менее по прошествии достаточно длительного периода становится очевидным, что рынок не спешит восстанавливать былые темпы экономического роста. В сложившейся ситуации разумно обратиться к альтернативной экономической теории, чтобы хотя бы ознакомиться с другим взглядом на происходящие процессы.

В рамках марксистской парадигмы, предполагающей целенаправленное участие людей в создании прогрессивной институциональной системы, первым шагом в поиске причин сложившейся ситуации стало бы определение институтов, препятствующих дальнейшему технологическому и экономическому развитию. В данной статье под институтами понимаются все нематериальные или идеальные объекты, реально существующие и влияющие на формирование и регулирование поведения людей. В том числе это касается поведения людей и в их экономической деятельности. Данное определение основывается на работе «О проблеме идеального» одного из наиболее значимых философов XX столетия Э. В. Ильенкова [3. С. 18].

Как известно, главным фактором, обеспечивающим экономический рост, является развитие производительных сил. В их состав входят производственные технологии или средства производства и сами люди. В свою очередь, фактором, обеспечивающим создание новых производственных технологий, является наука. Именно в результате развития науки происходит создание новых производственных технологий, обеспечивающих большую производительность общественного труда. Поэтому, чтобы раскрыть причину замедления развития мировой эко-

номики, необходимо обратить внимание на факторы, которые замедляют развитие и снижают продуктивность в сфере научной и инновационной деятельности.

Либеральная экономическая наука не дает ответа на этот вопрос. Вместо этого она ограничивается рекомендациями по усилению финансирования науки и улучшению образования. Зато в решении этого вопроса продвинуться вперед удалось исследователям в области истории науки, философам и специалистам по науковедению. Основной вклад в решение вопроса о причинах замедления научного развития внесли Т. Кун, И. Лакатос, М. Фуко, П. Фейерабенд, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас и др. Ими был определен и изучен фактор, являющийся основным препятствием в развитии научного знания. По наблюдениям Т. Куна, «история науки становится такой дисциплиной, которая фиксирует как последовательный прирост знания, так и трудности, которые препятствовали накоплению знания. Отсюда следует, что историк науки ставит перед собой две главные задачи. С одной стороны, он должен определить, кто и когда открыл или изобрел каждый научный факт, закон и теорию. С другой стороны, он должен описать и объяснить наличие массы ошибок, мифов и предрассудков, которые препятствовали скорейшему накоплению составных частей современного научного знания» [5. С. 19].

Если в экономике противоречие, приводящее к ее торможению, заключается в отставании производственных отношений от уровня развития производительных сил или, что почти то же самое, в противоречии между институциональной системой и технологическим укладом, достигнутым к этому периоду, то и в науке этот фактор можно обозначить по такой же аналогии. Так, основным противоречием, тормозящим и останавливающим развитие науки, является отставание устаревшей научной парадигмы от уровня развития науки.

По определению Т. Куна, парадигма — это обобщающая картина мира, изучаемая данной отраслью фундаментального знания. В нее также включаются основные принципы и основные доктрины научного взгляда на изучаемые проблемы: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [5. С. 11—12, 31].

При господстве устаревшей парадигмы противоречащие ей идеи встречают жесткое сопротивление, включая ostrакизм и замалчивание, в научной среде, а также в тех органах и институтах, которые финансируют и организуют научные исследования. Поэтому при сохранении устаревшей парадигмы дальнейшее развитие науки возможно только при ее смене на новую, более прогрессивную парадигму.

Хотя Томас Кун раскрыл влияние парадигмы на развитие науки еще в 1962 г., оно так и не было оценено применительно к экономической науке, тем более, что первоначально даже в самой философии науки господствовало упрощенное и совершенно неправильное представление о механизме смены научных парадигм. Оно опиралось на умозрительную модель автоматической и беспрепятственной смены старой пара-

дигмы на новую. Предполагалось, что это происходит по мере осознания научным сообществом бесперспективности сохранения прежней научной парадигмы.

Если бы вопрос о смене парадигм касался только научных работников и не выходил за границы научного мира, то и в этом случае он решался бы с большими трудностями. Их хорошо описал тот же Т. Кун, указавший, что ученые, смолоду впитавшие в себя определенные научные подходы и принципы, с большой сложностью меняют их на новые, во многом перечеркивающие их прежние научные взгляды. Но консервативная позиция ученых при смене парадигм — это даже не полбеда, а вообще ничто по сравнению с противостоянием этому процессу со стороны властных структур.

Дело в том, что научная парадигма — важнейшая составная часть единой, комплексной мировоззренческой системы общества. А с мировоззренческой системой необходимо обращаться очень осторожно, т. к. на ней, как на фундаменте, строится все здание институциональной системы. И ответ на вопрос, в каком направлении пойдет в дальнейшем развитие общества, зависит от того, из каких частей будет собрана его мировоззренческая система. Главная причина, почему власть цепляется за определенный уровень развития науки и не позволяет его перешагивать, состоит в действии *объективного закона сохранения соответствия между уровнем развития науки и той моделью институциональной системы, которая установлена в данном государстве.*

Главная причина, почему власть цепляется за определенный уровень развития науки и не позволяет его перешагивать, состоит в действии объективного закона сохранения соответствия между уровнем развития науки и той моделью институциональной системы, которая установлена в данном государстве.

Развитие знания происходит не только из-за стремления ученых к поиску истины, но и под влиянием потребностей и интересов общественных сил. Развитие науки определяется рамками, устанавливаемыми ей самим обществом. Процесс смены научных парадигм в отдельных отраслях науки определяется и регулируется властными структурами общества, в котором происходит возникновение нового знания.

Множество исторических примеров подтверждает справедливость этого вывода. Так, в Средние века высшие иерархи католической церкви не позволяли ученым работать над многими вопросами, затрагивающими ее интересы. С момента возникновения марксизма основные поло-

жения социально-экономического развития общества, разработанные в его рамках, замалчивались в общественных науках капиталистических стран. Дарвинизм и сегодня третируется во многих странах мира. В СССР властные структуры запрещали развивать некоторые направления науки, подрывавшие мировоззренческую систему, установленную в стране на основе вульгарно и во многом неправильно понятого марксизма. Такие отрасли знания, как генетика, кибернетика, психология на время запрещались вовсе; новые направления в развитии философского, исторического и политэкономического знания подвергались жесткой обструкции.

Смена институциональной системы, установленной в обществе, всегда приводит к коренным изменениям в кадровом составе высших страт власти. Смена мировоззренческой системы общества через некоторое время сопровождается неизбежной сменой и институциональной системы. Поэтому правящие элиты всегда жизненно заинтересованы в стабильности институциональной и мировоззренческой систем. Они всегда и всеми доступными им средствами стараются устранить все угрозы, способные пошатнуть их господствующее положение во властной структуре общества.

Неизбежность смены институциональной системы при изменении мировоззренческой системы общества наиболее наглядно проявилась в ходе буржуазных революций в Англии и во Франции. До 1991 г. в СССР также происходило постепенное вытеснение марксистской мировоззренческой системы либеральной системой взглядов. После того как в общественном сознании людей место марксистских мировоззренческих принципов заняли принципы либерализма, слом институциональной системы Советского государства оказался делом времени.

Отметим, что мировоззренческая система — это несколько упрощенное, но обязательно комплексное и системное представление о мироустройстве, обществе и о законах их функционирования. В различные периоды человеческой истории мировоззренческая система складывалась на основе самых разнообразных форм знания, а также религиозных, в том числе мифологических, представлений.

Высшие страты общества не всегда препятствуют изменению существующей институциональной системы: иногда они, наоборот, оказываются заинтересованными в ее изменении. В этих случаях они стремятся к созданию новой мировоззренческой системы и потому спокойно относятся к изменению и тех составляющих, которые формируют мировоззренческие системы.

В настоящее время, вследствие торможения развития мировой экономики, а значит — и снижения продуктивности в развитии фундаментальной науки, необходимо понять и раскрыть причины заинтересованности элит наиболее развитых стран мира в сохранении господствующей, либеральной, мировоззренческой системы. Также надо определить, какие силы будут способны преодолеть их сопротивление и обеспечат дальнейшее, прогрессивное развитие мировоззренческих систем.

Чтобы разобраться в этих вопросах, следует обратиться к истории и рассмотреть экономические условия, обусловившие возникновение либеральной мировоззренческой системы. Кроме того, необходимо рассмотреть, при каких экономических условиях она исчерпает свои возможности по сохранению существующего порядка и будет заменена на более прогрессивную мировоззренческую систему.

Установление институтов капиталистического способа производства в средневековой Европе

Заинтересованность правящих элит в изменении существующей институциональной системы может быть вызвана только угрозой их выживанию — как социальному, так и физическому. Впервые целенаправленный переход к новому способу общественного производства был осуществлен в феодальной Европе. Необходимость такого перехода была продиктована тем, что в начале второго тысячелетия нашей эры народы Европы исчерпали имевшиеся у них возможности для экстенсивного экономического роста. Почти весь период после развала Римской империи и вплоть до XIII в. в Европе вырубались леса, и таким образом увеличивалась территория, используемая для сельскохозяйственного производства. Этот способ развития экономики оказался исчерпанным. Другие народы, сталкиваясь в своей жизни с подобными обстоятельствами, обычно начинали искать новые места обитания, в которых еще сохранялся потенциал экстенсивного экономического роста. У европейских народов, из-за географического расположения Европы, такой возможности не было.

Конечно, чисто гипотетически переселиться на новые земли было возможно. Но и на африканском континенте, и на Востоке проживали другие могущественные народы, пробиться через которые было нельзя, что показала эпопея с крестовыми походами. Переселение европейцев на новые земли началось только в XVI в., в эпоху Великих географических открытий.

Отсутствие свободных земель вызвало в Европе в начале второго тысячелетия ожесточенные междоусобные войны. Малая степень прогресса в оружейном деле приводила к тому, что победы обычно сопутствовали тем феодалам, у которых была бóльшая по численности армия. Истощение в Европе потенциала для экстенсивного экономического роста обусловило необходимость поиска новых источников экономического роста. Дополнительные доходы были нужны для оплаты наемников, без которых феодалы могли лишиться своих собственных земель.

Эти доходы можно было получить только за счет налогов, собранных с ремесленников, хозяев рудников и купцов, сбывающих продукцию, произведенную мастерами. Поэтому если прежде феодалы рассматривали ремесленные центры как объекты для грабежа, то в новых условиях они стали их оберегать, т. к. такие центры и города приносили им регулярный дополнительный доход, без которого они уже не могли сохранить свой социальный статус.

Помимо изменения отношения феодалов к городам — ремесленным и торговым центрам, — существовал еще один фактор, без которого такие города не могли бы развиваться, новая институциональная система, способная обеспечить в них административный и социальный порядок. В прежние времена города возникали вокруг резиденций монархов или видных полководцев, которые своими войсками и обеспечивали в них порядок. В ремесленных городах армии не было: ее содержание тяжким бременем легло бы на купечество и ремесленные цеха, продукция которых не выдержала бы конкуренции. Без войск порядок в городах могла обеспечить только специально созданная для этого институциональная система, которая формировала и регулировала бы производственное и социальное поведение городских жителей.

Новые институты — не только городские магистратуры, суды, налоги, полицейская служба, цеховые уставы и законы. Это также свод негласных законов, правил поведения, моральные принципы, новые ценности и новые ориентиры в поведении людей. Такая институциональная система и была фактором, выделившим Европу из остального средневекового мира и позволившим ей обзавестись тысячами ремесленных городов.

Теологи католической церкви первыми почувствовали необходимость в совершенствовании и дальнейшем развитии мировоззренческой системы. Они заблаговременно начали долгую и кропотливую работу над ее совершенствованием и приспособлением к изменившимся условиям жизни. Ими был снят запрет с изучения многих вопросов, собрани и тщательно изучены труды греческих, персидских и арабских мыслителей. Новые знания о природе и месте человека в мире постепенно начали выстраиваться в новую концепцию католической мировоззренческой системы [4. С. 210—276]. В результате деятельности Августина, Эриугены, Ансельма Кентерберийского, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Роджера Бэкона и их последователей в Европе была создана новая версия католической мировоззренческой системы.

На основе принципов, положенных в ее основу, стали формироваться и новые институты. Складывание новых институциональных систем активизировало развитие ремесленных городов. Вскоре возникновение новой институциональной системы обернулось кардинальным изменением экономической структуры средневековой Европы.

Число торгово-ремесленных центров возросло, а их производственная деятельность стала более эффективной. Открылись новые торговые пути, расширились захваты новых территорий. Экономических и военных ниш для деятельности, приносящей большие доходы, стало несравненно больше, что укрепило благосостояние аристократии в феодальных европейских государствах. У высших сословий феодального общества больше не возникало интереса в дальнейшем продолжении институциональных преобразований.

Однако, несмотря на сопротивление высших страт феодального общества, такие преобразования все же были продолжены. Дело в том, что через определенное время после образования множества городов

аристократия, в своем подавляющем большинстве, потеряла свое место в составе высших страт европейского общества. Номинально они еще являлись представителями господствующих элит, но фактически представителями высших страт общества были уже совсем другие люди — выходцы из среды крупной буржуазии. Именно им принадлежала фактическая, реальная власть в европейских государствах. Их власть покоилась на наличии у них промышленного производства, непрерывно производящего новые прибыли. Подкуп государственных чиновников и превращение королей в своих должников делало их наиболее влиятельными персонами своего времени.

Вскоре окрепшую и разросшуюся буржуазию не стало устраивать и такое положение. Она возжелала свержения монархии и установления парламентской республики, для чего надо было разработать новую мировоззренческую систему и установить новую институциональную систему. Буржуазия не скупилась, поощряя ученых и вольнодумцев в их стремлении к ломке стереотипов и устаревших церковных догм, что и привело к формированию либеральной мировоззренческой системы. Тогда никто и подумать не мог, что со временем она станет главным тормозом прогресса человеческого общества.

Постепенно либеральная идеология была воспринята общественным сознанием европейских народов. После этого переход к новой, буржуазной, институциональной системе стал делом времени. Отжившие свой век монархии были сметены, а на их месте установлены буржуазные республики. После этого на принципах либерализма сформировалась новая институциональная система для нового общества.

Эта история хорошо известна за исключением одного момента — появления класса предпринимателей, которого никто не желал в старом, феодально-ремесленном обществе. Ни одно средневековое сословие не было заинтересовано в их появлении. Между тем чудом, породившим класс предпринимателей и одарившим их экономической и политической мощью, была классическая наука. Католическая церковь, совершенствуя свою мировоззренческую систему, стремилась лишь к наиболее благоразумному устройству общества. Но в результате этой деятельности на свет родилась классическая наука. Большая часть выдающихся ученых XVII—XVIII вв. вышла из университетов, организованных католической церковью.

В отличие от мастеров ремесленных цехов, предприниматель вкладывал свои средства не только в оборудование и материалы, но и в исследовательскую деятельность по разработке новых производственных технологий. Такая инновационность обеспечила ему значительное преимущество перед мастерами ремесленных цехов и мануфактур. Предприниматели, вооруженные новыми технологиями, легко отбирали рынки у ремесленников и владельцев мануфактур, разоряя их.

Надо отметить значительную роль купеческого сословия в развитии предпринимательства. Мастера ремесленных цехов цепко держались за свои цеховые правила и традиции. Купцам же было все равно, как

изготавливается продукция, — им были важны только качество и цена. Поэтому значительная часть предпринимателей вышла из сословия купцов. Именно они обеспечили соединение науки с производством, стали привлекать ученых к решению проблем по снижению себестоимости.

После создания либеральной мировоззренческой системы фундаментальная наука, сбросившая с себя путы религиозного мировосприятия, начала стремительно развиваться. Следом за ней бурное развитие испытала и прикладная наука. В тех странах, где власть перешла к буржуазии, началось активное развитие науки и создание новых производственных технологий. Здесь были сформированы наиболее благоприятные условия для развития промышленности. Все по пословице: «Кто рано встает, тому Бог подает». Поэтому именно они и вырвались вперед в технологическом и экономическом развитии, оставив далеко позади себя другие государства.

Монополизация мирового промышленного производства

Возникновение производственных технологий, созданных на основе научных знаний, качественно преобразовало всю систему международных экономических отношений. С товарами машинного производства ремесленное производство конкурировать не могло. Поэтому там, где появлялась продукция промышленных предприятий, ремесленные мастерские разорялись (как в Индии после завоза туда английских тканей).

Специализация производства во многих странах стала меняться: было положено начало международной системы разделения труда. Западные предприниматели завозили в относительно неразвитые страны продукцию своего промышленного производства и вывозили из них продукцию сельского хозяйства и промысловой деятельности. Технологически менее развитые страны оказывались вынужденными приспособлять структуру своего производства под нужды развитых стран. При развитии торговли с промышленно развитыми странами сокращался ремесленный сектор и росло производство сельхозпродукции, которую затем вывозили. Кроме того, в странах, не обладающих собственной промышленностью, увеличивалась добыча природных ресурсов, востребованных промышленностью Запада.

Таким образом, возникновение промышленного производства разделило историю человеческого общества на два качественно отличных друг от друга периода. Первоначально господствовала хозяйственная система на принципах натурального хозяйства, когда все, что требовалось для воспроизводства населения, вырабатывалось и производилось на месте. После появления промышленности ситуация изменилась: не успевшие обзавестись ею государства стали постепенно терять экономическую самостоятельность, оказались зависимыми от стран, поставляющих им промышленную продукцию.

По мере развития производственных технологий эта зависимость укреплялась. Особенно сильно она возросла при продаже оружия: без

тканей и металлических орудий производства жители неевропейских стран еще могли бы как-то обойтись, а оружие и боеприпасы быстро превратились в предмет первой необходимости.

Но подлинная зависимость стран, не имеющих промышленного производства, появляется при продаже западными ТНК своих производственных технологий. Такие технологии в несколько раз более эффективны и производительны, чем те, которыми обладали предприниматели в развивающихся странах. Поэтому, если кто-то в самой развивающейся стране или у ее соседей приобретал современные производственные технологии, это делало неконкурентоспособным производство по прежним, традиционным технологиям. Это касается не только промышленности, но и аграрного бизнеса. Таким образом, зависимость развивающихся стран от корпораций, производящих новые технологии, усилилась.

И поныне технологическая зависимость от западных корпораций приводит к тому, что предприятия в развивающихся странах функционируют как придатки сложного механизма, управляемого глобальными ТНК. Таким образом, развитие промышленности на Западе создало симбиоз между экономиками промышленных и непромышленных стран. Первые могли эффективно функционировать только при «обслуживании» их целым рядом других, предоставлявших их промышленности продовольствие, сырье и полуфабрикаты, а также все необходимое для функционирования на Западе управленческих структур глобального международного производства, инновационной сферы и высокотехнологического производства.

Чтобы рассмотреть рождение мировоззренческих систем, противостоящих либерализму, вернемся к периоду возникновения мировой капиталистической системы. Тогда могли обрести промышленность лишь страны, которые обладали возможностью обеспечить свой пролетариат дешевыми продуктами питания, сырьем и материалами для промышленного производства. Такую возможность давали только собственные колонии. Чтобы упрочить свое преимущество в Европе, предприниматели Англии и Франции делали все для расширения колониальных владений.

К концу XVIII — началу XIX в. Англия стала «мастерской мира». Второе место по объему производства промышленной продукции занимала Франция. Поколебать господствующее положение этих стран как наиболее развитых промышленных держав при сохранении тогдашнего распределения колоний было невозможно. Сложившееся положение полностью устраивало предпринимателей Англии и Франции — но не других европейских стран. Многие из них были лишены колоний и потому не могли обеспечить переход своей экономики от сельскохозяйственной к промышленной специализации. Им необходим был новый путь развития промышленности.

Первой страной, нашедшей такой путь, стала Германия. Она сумела обогнать в своем технологическом и экономическом развитии страны, которые первыми приступили к освоению промышленного производ-

ства, преуспели в колониальном захвате и тем самым закрепили свое монопольное положение в этой экономической нише.

Механизм перехода ко второй и третьей ступеням развития инновационного производства

На исходе XVIII в. Германия все еще являлась аграрной периферией Западной Европы. Как было показано выше, развитие промышленности не происходило в ней из-за отсутствия возможности обеспечения дешевым сырьем и продовольствием, из-за чего Германия была вынуждена сохранять сельскохозяйственную направленность своей экономики. Однако при стремительно богатеющих представителях высших социальных страт Англии и Франции для аристократического сословия и зарождающихся предпринимателей Германии это становилось все более болезненным и нетерпимым.

Тогда существовало только два способа развития промышленности. Первый состоял в захвате свободных территорий и превращении их в колонии. По этому пути пошли предприниматели США. Они обеспечили снижение затратности производства за счет использования более дешевого сырья и материалов. Вторым способом предполагал курс на инновационное развитие национального промышленного производства, научные исследования и централизацию управления экономикой. Именно по этому пути пошла Германия.

Для достижения поставленных целей понадобились новые мировоззренческая и институциональная системы. Именно создание в Германии новой, диалектической мировоззренческой системы и предопределило взлет в этой стране фундаментальной науки и инновационной деятельности. Раннее разрозненные немецкие государства пытались догнать передовые страны на основе освоения ими либеральной институциональной системы. Однако из этого ничего не получалось: у германских государств не было колоний, а значит — не было второй, обязательной составляющей создания целостного промышленного комплекса.

Невозможность добиться прогресса Германии на основе либеральной институциональной системы первыми осознали философы. Почти сразу после окончания наполеоновских войн в Германии начала складываться новая, диалектическая мировоззренческая система. Отцами-основателями этой системы были Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Она провозглашала приоритет общественных интересов над индивидуальными, выстраивала иерархическую социальную структуру и провозглашала позитивность централизма в управлении обществом.

После объединения Германии и прихода к власти канцлера Отто фон Эдуарда Леопольда фон Бисмарка-Шёнхаузена правительство Германии воспользовалось уже сформированной к тому времени диалектической мировоззренческой системой. На основе этого мировоззрения правительство Бисмарка приступило к формированию соответствующей институциональной системы. Первый канцлер Гер-

манской империи проводил политику централизации управления экономическим и социальным развитием Германии. В этот период высшие социальные страты германского государства находились под влиянием учения Г. В. Ф. Гегеля. В его политической и социальной теории централизация управления государством получила свое полное оправдание, а модель политического устройства, установленная в тот период в Германии, считалась наиболее продвинутой формой общественного устройства. Помимо Германии этот же метод развития страны и промышленности нашел признание в Австро-Венгерской и Российской империях.

Отто фон Бисмарк за годы своего фактического правления сумел осуществить комплекс крупных реформ, которые привели к появлению в Германии крупных акционерных компаний, банков, почты, разветвленной сети железных дорог, к повышению уровня народного образования и созданию наиболее продвинутой системы здравоохранения. Германская экономика начала быстро развиваться и к началу XX в. обошла английскую и французскую по многим позициям промышленного производства.

Основной вклад в достигнутый прогресс внесли германские ученые, разработавшие множество новых производственных технологий. Главная заслуга высших страт Германии в развитии науки состояла в том, что немецким ученым, в отличие от их собратьев в государствах с либеральной мировоззренческой системой, не мешали своевременно переходить к новым научным парадигмам, которые противоречили основам либеральной мировоззренческой системы. Однако, поскольку в общественном сознании Германии либерализм не являлся господствующей мировоззренческой системой, процесс формирования новых научных парадигм протекал в ней легко и свободно.

Развитие фундаментальной науки в Германии не встречало никакого запрета и диктата со стороны ортодоксов либерализма. Те новые теории и гипотезы, которые расходились с устоявшимися парадигмами и принципами в либеральной мировоззренческой системе, здесь не отбрасывались, а воспринимались позитивно и прагматично. Благодаря этому в немецкой науке были созданы новые парадигмы в естественных науках, положившие начало новой ступени развития фундаментального знания. Мировоззренческая система, основывающаяся на диалектическом подходе, являлась наиболее передовой и продуктивной методологической базой для того времени. Новые научные парадигмы, получившие легитимность благодаря принятию новой мировоззренческой системы, позволили обеспечить развитие всех отраслей знания, привнеся туда новые, диалектические методы познания.

Впоследствии достижения фундаментальных наук обеспечили прорыв и в сфере прикладных исследований. С появлением новой техники и технологий, а также за счет лучшей организации производства и народного образования, в чем проявилась прогрессивность германской институциональной системы, Германия начала опережать Англию и Францию по темпам и уровню экономического развития.

Новая система научных парадигм, составившая первую диалектическую мировоззренческую систему, обладала большим методологическим потенциалом и могла бы еще долго продуцировать новые научные открытия. Однако после достижения паритета в экономическом развитии с промышленными странами первого эшелона высшие социальные страты Германии стали тормозить развитие фундаментальных наук и всей диалектической мировоззренческой системы. Ведь этот процесс мог привести к изменению институциональной системы государства, что было не нужно высшему чиновничьему аппарату и крупным предпринимателям.

Господствующие элиты идут на изменение мировоззренческой и институциональной систем только в самых крайних случаях. Если же находится хоть какой-то альтернативный путь сохранения господства, высшие социальные страты сразу же переключаются на него, отбрасывая иные, рискованные версии. Именно такой путь и был обнаружен элитарными социальными слоями Германии после достижения их страной экономической и военной мощи, сопоставимой с Англией и Францией.

Суть этого пути состояла в развязывании войн за передел «колониального пирога». Расширение колоний обуславливалось стремлением к получению дешевого сырья для промышленности и продовольствия для населения, что снижало себестоимость продукции германской промышленности и сделало бы ее еще более конкурентоспособной. В случае удачного приобретения колоний уже ничто не могло бы поколебать положение Германии как ведущей промышленной державы мира. Промышленность Германии наконец-то смогла бы обрести свою вторую составную часть и стать целостной, ни от кого не зависящей.

В 1914 г. Германия приступила к перераспределению колоний. Во второй раз эта попытка была предпринята в 1939 г. Политика захвата колоний потерпела крах и завершилась разгромом Германии в 1945 г. После этого общественное сознание населения Германии было «перепрограммировано» правительствами англосаксонских стран. В ФРГ господствующие позиции заняла либеральная мировоззренческая система.

После этого у крупных предпринимателей Запада на мировой арене остался только один конкурент, не позволяющий им полностью монополизировать развитие фундаментальной науки, деятельность по созданию инновационных технологий и высокотехнологическое производство, — это Советский Союз.

В нем институциональная система основывалась на марксистской мировоззренческой системе, которая отражала реальность вернее, полнее и точнее, чем гегелевская мировоззренческая система, в свое время взятая на вооружение Бисмарком. Потенциал развития фундаментальной науки, заложенный в этой мировоззренческой системе, был намного выше, чем потенциал либерального мировоззрения, господствующего в западных странах.

Однако в полной мере этим мощным методологическим потенциалом советские ученые так и не смогли воспользоваться. В высших стратах советского общества произошла достаточно скорая трансформация от бескорыстно преданных идее большевиков к чиновничье-номенклатурному аппарату управленцев. Интерес сохранения своего господствующего положения был у представителей высших страт Советского Союза выше стремления к развитию своей страны. Поэтому при устранении внешней угрозы они сразу же начали воздвигать препоны на пути дальнейшего развития диалектической мировоззренческой системы. Ведь дальнейшее развитие мировоззренческой системы повлекло бы за собой соответствующее изменение институциональной системы, а далее — неизбежную смену кадров во власти.

Объективная закономерность, впервые проявившаяся в Германии и обусловившая собой трагедию 1914 и 1939 гг., повторилась и в СССР, но только на новом витке развития. Различие состояло в том, что Германия свернула с пути инновационного развития на путь военного передела «колониального пирога», а СССР свернул с инновационного курса на путь превращения в сырьевой придаток западных транснациональных корпораций.

Такой переход сформировался в 1970-е гг. Тогда многие арабские, африканские и даже европейские страны могли обеспечить своему населению средний и даже высокий уровень жизни за счет экспорта сырья.

Переориентировав экономику с машиностроения и инновационного производства в целом на добычу сырья, номенклатурный класс Советского государства приговорил страну к производственной деградации и распаду. Для ТНК западных стран конкуренция СССР, происходившая в области развития науки и инноваций, была полностью завершена к 1991 г.; наиболее жесткое противостояние в этой сфере длилось до 1970-х гг.

Таким образом, весь период противостояния англосаксонских стран с либеральной институциональной системой государствам, основывающимся на диалектической мировоззренческой системе и соответствующей институциональной системе, длился около 100 лет. В течение этого периода крупные предприниматели Запада не могли обустроить мировую экономическую систему по своему желанию. Та структура мировой экономики, которую выстраивали США, Великобритания, Франция и ФРГ, не отражала ту структуру экономики, которая могла быть присуща капитализму вне его борьбы с альтернативными экономическими системами.

Это был *капитализм мобилизационный*, находящийся в условиях напряженной идеологической, технологической, экономической борьбы с миром, где действовали государства с альтернативными институциональными системами. Приспосабливаясь к этим условиям, Запад вынужден был идти на не свойственные ему меры. Зато как только Советский Союз уничтожил свою институциональную систему, капитализм начал возвращаться в свое естественное состояние. В мировой экономической системе начались масштабная перестройка всей структуры производства и изменение механизма его функционирования [1].

Прогноз изменения структуры мировой экономики при монополизации инновационной деятельности

В общественном сознании распространено представление о том, что мировой экономике имманентно присуще такое свойство, как развитие. Это означает, что мировая экономика всегда будет развиваться только потому, что так устроен рыночный механизм, независимо от действий, предпринимаемых самими людьми. Предположение, что именно рыночный механизм обеспечивает постоянное и бесконечное развитие мировой экономики, основывается на подмене понятий. Рыночный механизм обеспечивает только равновесие между потребительским спросом и стоимостью труда, затраченного на изготовление продукта. Развитие производства обеспечивает не рынок, а развитие науки. Наука же развивается благодаря конкуренции в научной среде.

Как было показано ранее, реальная конкурентная среда в научной деятельности присутствует не постоянно. Пики напряжения в конкурентной среде приходятся на период, характеризуемый сменой парадигмы мировоззренческой системы, которая сопровождается сменой многих отраслевых научных парадигм. Поэтому, при самом общем подходе, основные периоды прорывов в развитии науки происходили четыре раза. Первый прорыв был обусловлен возникновением классической науки при завершении формирования католической мировоззренческой системы, второй — при завершении формирования либеральной мировоззренческой системы. Третий и четвертый прорывы связаны с возникновением и развитием диалектического способа мышления: первоначально — с появлением немецкой классической философии, а затем — с появлением марксизма.

Поэтому после Германии СССР оказался основным, если не единственным, конкурентом западных корпораций в сфере развития науки и инновационной сферы производства. После развала СССР западные транснациональные корпорации (ТНК) стали монополистами.

Существует мнение, что глобальных транснациональных корпораций в мировой экономике много, и между ними сохраняется конкурентная среда. Однако при этом игнорируется тот факт, что в каждой отрасли мировой экономики действует ограниченное число ТНК. При этом все они давно превратились в олигополии, экономические интересы которых тесно переплелись, а проблемы решаются, как правило, согласованно. Таким образом, фактическими регуляторами мировой экономики являются высшие управленческие звенья глобальных ТНК (техноструктуры этих ТНК). Поэтому только при наличии у них заинтересованности в развитии науки и создании новых инновационных технологий такие технологии действительно будут создаваться. Соответственно, если руководители ТНК не станут организовывать научную и инновационную деятельность, новые производственные технологии появляться не будут — не будет развиваться и вся мировая экономика. Может быть, что-то будет обеспечено за счет экстенсивного развития, но интенсивное развитие экономики будет прекращено.

Во времена политического, экономического и научно-технического противостояния стран Запада и Советского Союза руководители ТНК вынуждены были постоянно заниматься развитием науки и инновационной сферы производства. Сверни они свои усилия, Союз мог бы опередить их в инновационном развитии. Поэтому руководители ТНК вынуждены были постоянно и активно заниматься развитием науки, созданием новых производственных технологий.

Сейчас ситуация иная: у крупнейших ТНК нет больше никаких конкурентов. Соответственно уменьшился и их интерес к развитию науки и созданию новых инновационных технологий. Без конкуренции деятельность ТНК в этом направлении будет снижаться если не по объему вложений, то уж точно по продуктивности научной деятельности.

Каким образом подобное развитие событий отразится на мировой экономике? Прежде всего, произойдет оптимизация структуры технологических пирамид, управляемых глобальными ТНК. Производства таких масштабов, в которых было представлено производство технологических пирамид ТНК в период «холодной войны», им теперь не нужны. Поэтому они непременно будут снижать масштабы этого производства.

Развитие этого процесса мы видим на протяжении последних десятилетий. Кризис 2008 г., увеличение безработицы и конфликты в странах третьего мира — прямые следствия сокращения масштабов глобальной экономики. Пройдет не так много времени, и мировое производство окажется заметно меньше нынешних размеров. Дальнейшее развитие этих процессов будет приводить к тому, что многие страны станут выпадать из орбиты технологических и экономических связей ТНК.

В результате в мире увеличится безработица, возрастет бедность, активизируются международные конфликты. Развитие негативных процессов усилит социальное напряжение в той части мира, которая окажется отторгнутой от технологических и экономических связей руководителями глобальных ТНК. В государствах, выпавших из их технологических цепочек, возродится идея альтернативного либеральному способу экономического развития. Благо диалектическая мировоззренческая система еще не до конца забыта, а опыт бисмарковской Германии и СССР стереть из истории невозможно. Идеи централизованного управления экономикой вновь начнут привлекать сторонников и увеличивать свою популярность в народных массах, что приведет к возрождению и дальнейшему развитию диалектической мировоззренческой системы. Затем в государствах, в которых новая мировоззренческая система пустит глубокие корни, будет отстроена и новая институциональная система.

Подъем на новую ступень развития диалектической мировоззренческой системы обеспечит подъем фундаментальной науки. Следом на базе новых объективных закономерностей, раскрытых фундаментальной наукой, начнется развитие и прикладной науки. Процесс создания новых производственных технологий, существенно увеличивающих производительность общественного труда, вновь окажется неотъемлемым атрибутом общественного производства.

В мире появятся несколько самостоятельных и независимых центров, специализирующихся на развитии науки и инновационной деятельности. В этой сфере восстановится конкурентная среда, что приведет к восстановлению высоких темпов роста мировой экономики.

Литература

1. **Делягин М. Г.** Мировой кризис. Общая теория глобализации. М. : ИНФРА-М, 2003.
2. **Железова В. Ф.** Власть под псевдонимом. М. : Мысль, 1988.
3. **Ильенков Э. В.** Искусство и коммунистический идеал. М. : Искусство, 1984.
4. История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. М. : Мысль, 1991.
5. **Кун Т.** Структура научных революций. М. : АСТ : ЗАО НПП «Ермак», 2003.
6. **Мотрошилова Н. В.** Социально-исторические корни немецкой классической философии. М. : Наука, 1990.
7. **Хайек Ф. А.** Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992. ◆

Устойчивому развитию нет разумной альтернативы

© Вебер А. Б.

© Weber A.

Устойчивому развитию нет разумной альтернативы

There is no reasonable alternative to sustainable development

Аннотация. Обострение кризисных процессов в мире ставит под вопрос доминирующий сейчас тип развития. Ответом на угрожающие человечеству вызовы может быть только постепенный переход к модели устойчивого развития. Рассматриваются экологические, экономические, социальные, политические и этические аспекты этой проблемы. Оспариваются аргументы противников концепции устойчивого развития: в современных условиях алармизм, в котором упрекают защитников окружающей среды, уместней, чем самоуспокоенность.

Annotation. The aggravation of crisis processes in the world calls into question the now dominant type of development. The response to challenges, which are threatening to humanity, can only be found in a gradual transition to the model of sustainable development. The paper examines environmental, economic, social, political and ethical aspects of this problem. The arguments of opponents of the concept of sustainable development are contested: in modern conditions so-called alarmism, in which environmentalists are accused, is more relevant than complacency.

Ключевые слова. Устойчивое развитие, окружающая среда, вызовы человечеству, человеческое благополучие, самоограничение, этика ответственности, принцип предосторожности.

Key words. Sustainable development, the environment, challenges to humanity, human well-being, self-restraint, the ethics of responsibility, the precautionary principle.

Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние.

Арнольд Тойнби

Драматическое ухудшение международной обстановки придало особый смысл событию, которое прошло почти незамеченным российскими средствами массовой информации: 25 сентября 2015 г. саммит представителей всех государств—членов ООН одобрил программу целей устойчивого развития на предстоящие годы, чтобы ответить на новые, судьбоносные для человечества вызовы.

ВЕБЕР Александр Борисович — главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор исторических наук.

Понятие «устойчивое развитие», вошедшее в употребление, принято у нас за неимением более точного семантического эквивалента английского термина «sustainable development»; оно не вполне адекватно смыслу оригинала, акцент в котором делается на допустимом, приемлемом, жизнеспособном развитии. Но так или иначе именно в означенный период стало вполне очевидным: антропогенное воздействие на природную среду (складывающееся как производное численности населения, потребления на душу населения и побочного ущерба от материального производства) нарастает по экспоненте. Любые экспоненциальные процессы *предельны*. Неограниченный рост в ограниченной и невозпроизводимой среде невозможен. Воздействие человека на внешнюю природу превысило тот порог, за которым нарушается естественный механизм ее саморегуляции и самовосстановления. Человечество оказалось в ситуации, которую образно характеризуют как «синдром динозавра» [15. Р. 141].

Появилась необходимость переосмыслить, переопределить задачи общественного развития. Альтернатива была сформулирована так: это «такое развитие, которое учитывает потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [3. С. 11, 50]. Другими словами, речь идет о таком *развитии общества*, которое не подрывает природные (биосферные) условия существования человечества. Социальное развитие получило тем самым новую, более широкую трактовку, включив проблематику отношений в системе «человек—природа». Переосмысление понятия «развитие» привело к более четкому различению «роста» как преимущественно *количественных* изменений и «развития» — как изменений *качественных*.

Более полное раскрытие идея устойчивого развития получила в основном документе 2-й Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) «Повестка дня на XXI век». Документ этот в свое время подвергся критике с разных сторон, и критике во многом справедливой. В частности, за одностороннее упование на рынок, на либерализацию торговли (дань неолиберализму), за то, что решение экологических проблем связывалось преимущественно с использованием «традиционных» экономических и технологических рецептов. В дальнейшем концепция устойчивого развития проделала значительную эволюцию. Так, уже в докладе Независимой комиссии по народонаселению и качеству жизни («Забота о будущем», 1996) в понятие устойчивости были введены важные определения критериев *устойчивого* качества жизни, *устойчивого* потребления и *устойчивого* производства.

Вопрос о месте и роли рынка является ключевым с точки зрения возможности новой парадигмы развития. Адепты неолиберализма немало потрудились над мифологизацией роли рыночных институтов. В общественное сознание настойчиво внедрялся стереотип «свободного рын-

ка», представление о том, что свободная конкуренция наилучшим образом служит благу всех и каждого, что законодателем рынка является «его величество потребитель», получающий максимальную «свободу выбора», а экономический рост сам собою ведет к повышению жизненного стандарта и т. п.

Действительность оказалась иной. Доминирующая роль институтов рынка все больше вступала в противоречие с задачами общественного развития. И понятно почему: у рыночных стимулов ограниченный горизонт, они не ориентируют на инвестиции в будущее — в здоровье и образование граждан, в сбережение природных ресурсов и защиту окружающей среды. Показатели рыночного успеха не дают адекватного отражения все более значимых новых измерений качества жизни, они скорее вводят в заблуждение там, где речь должна идти об *общем благе* граждан в долгосрочной перспективе.

Показатели рыночного успеха
не дают адекватного отражения все более
значимых новых измерений качества
жизни, они скорее вводят в заблуждение
там, где речь должна идти об общем благе
граждан в долгосрочной перспективе.

Экономику можно считать устойчивой (в смысле *sustainability*) при условии минимизации расходования невозобновляемых природных ресурсов, их замещения возобновляемыми и восстановления последних до уровня, необходимого для биосферной устойчивости. Стихийное функционирование рынков не отвечает этому условию — оно не способно дать сознательный расчет экологических и иных побочных издержек экономического роста. Речь идет о ценностных установках, которые могут быть внесены лишь *извне* рыночной системы. Подчинить функционирование рыночной экономики критериям устойчивого развития, «приручить» рыночные силы — в этом одна из главных проблем современности.

Говорить о глобальном экологическом кризисе — не значит обвинять человечество в «злонамеренности», как это делают некоторые. Речь идет о том, что на определенной стадии социально-экономического развития совокупные результаты хозяйственной деятельности множества людей приводят к непредвиденным последствиям, которых никто в отдельности не желал. Логическим выводом отсюда является положение, известное как «теорема Эрроу»: коллективный выбор не сводится к сумме индивидуальных предпочтений, а значит — требует самоограничения, навязанного или добровольного («невозможно сведение индивиду-

альных функций полезности группы независимых и равноправных лиц в общую функцию полезности этой группы») [13. С. 130].

Осознание этого в обществе — долгий и трудный путь. Потому что здесь затрагиваются глубинные основы человеческой психологии, вековые традиции и привычки, частные интересы — будь то личные, групповые или национальные. В новых условиях на место культивируемой богатыми странами Запада озабоченности непрерывным ростом потребления, в чем-то далеко выходящего за пределы необходимых и разумных жизненных потребностей, должна прийти *этика самоограничения*, этика умеренности, достаточности и ответственности.

Исследователи констатируют некоторые признаки формирования новой ценностной парадигмы, новой культуры потребления; но поворот такого масштаба сам по себе не произойдет. Устойчивое развитие — это *направляемое* развитие. Направляемое не столько директивно, сколько обусловленными императивом устойчивости правилами, правовыми нормами, действующими в качестве элементов саморегулирования, самоуправления — подобно тому, как регулируется современное дорожное движение, требующее от его участников соблюдения правил вождения и указаний дорожных знаков, без чего дорожное движение было бы невозможно.

* * *

Неудивительно, что у концепции устойчивого развития оказалась сложная судьба. Получив сначала широкое признание в мире и одобрение ООН, она вскоре стала терять привлекательность в глазах сильных мира сего, увлекшихся перспективами рыночной глобализации, которые открыла информационно-коммуникационная революция. На Западе многие усмотрели в принципе устойчивого развития угрозу достигнутым там высоким потребительским стандартам; в развивающихся странах — препятствие для экономического роста и преодоления бедности.

Формальное признание принципа устойчивого развития сопровождалось выхолащиванием этой идеи, подменой ее требованием «устойчивого роста». Явное и неявное сопротивление исходило с разных сторон: от политиков, озабоченных текущими задачами дня или ближайшими выборами; от консервативных кругов, убежденных в способности «свободного рынка» решить все проблемы; от тех, кто усмотрел в концепции устойчивого развития угрозу свободе личности, «социалистическую» опасность; от некоторых ученых, превратно трактующих устойчивое развитие как «насаждение устойчивости», способное якобы подавить естественное развитие, и уверенных в том, что законы биосферной эволюции сами по себе гарантируют социальный прогресс, и т. п.

Есть и те, кому кажется, что роль антропогенного фактора преувеличивается, что нет пока достаточных доказательств серьезности уг-

розы, и потому с принятием предлагаемых мер не следует торопиться. Но надо понимать: речь идет об инерционных процессах, последствия которых в полной мере скажутся через десятилетия. И когда появятся предполагаемые «окончательные» данные (на самом деле они уже есть!), то слишком поздно будет что-то предпринимать. Поэтому в любом случае сохраняет свое значение *принцип предосторожности*. Он требует исходить из вероятности худшего варианта. В ситуации неопределенности «алармизм», в котором часто упрекают защитников окружающей среды, предпочтительней самоуспокоенности.

Можно встретить еще одно возражение: концепция устойчивого развития будто бы не оправдала себя, она «не работает». Возражение несостоятельное. Речь идет о долгосрочной цели, решаемой лишь в вековом масштабе. Силы сопротивления велики, и потребуются настоячивые, целеустремленные усилия нескольких поколений, чтобы достичь желаемого результата. Показательно: когда вместо отрицаемого принципа устойчивого развития предлагают «начать разработку новой концепции», то оказывается, что под «новым» имеются в виду все те же требования, что входят в понятие устойчивого развития [11. С. 12].

Работает или не работает концепция устойчивого развития? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. На разных уровнях ситуация выглядит по-разному. На глобальном уровне есть важные соглашения, но они соблюдаются не всегда и не всеми государствами, часто оставаясь лишь декларациями о намерениях. На национальном уровне принимаются те или иные меры для защиты окружающей среды, но большинство правительств оказалось не готово полностью принять выводы, вытекающие из принципа устойчивого развития. Есть еще средний уровень — муниципальные власти, отраслевые структуры, корпорации, осуществляющие свои локальные экологические проекты. Наконец, есть уровень *community* — местные общины, группы энтузиастов, неправительственные организации, деятельность которых менее заметна, но очень важна. Все это — свидетельства того, что практические результаты возможны и концепция может работать.

* * *

В России концепция устойчивого развития встретила неоднозначное отношение. У кого-то она вызвала подозрения, будто служит прежде всего интересам Запада и противоречит российским национальным интересам. Под флагом заботы о сохранении окружающей среды, заявляли критики, России пытаются навязать обязательства, которые ограничат ее экономическое развитие. Или даже хотят добиться сокращения в несколько раз российского населения. Некоторые комментаторы, подхватывая эти абсурдные домыслы, заявляли, что требования и цели устойчивого развития служат всего лишь орудием экспансии ТНК, идеологическим прикрытием этой экспансии.

Тем не менее российские власти посчитали нужным формально отреагировать на рекомендации ООН. Президент Б. Ельцин утвердил «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по окружающей среде и обеспечению устойчивого развития» (февраль 1994 г.). Спустя два года была утверждена «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (апрель 1996 г.). В развитие этих документов Министерство экономики разработало проект государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации (декабрь 1997 г.).

Проект подвергся серьезной критике со стороны видных российских ученых, указавших на его бессодержательность, и был направлен на доработку, надолго застряв в ведомственных кабинетах. Спустя еще три года Государственная Дума создала Комиссию по проблемам устойчивого развития, которая, после организованных ею парламентских слушаний, образовала Рабочую группу для доработки проекта стратегии. К этой работе были привлечены многие известные ученые Российской Академии наук и других научных учреждений. В конце 2001 г. комиссия представила разработанное ими комплексное исследование научных основ стратегии устойчивого развития России [6].

Предполагалось, что этот документ станет основой для доклада президента В. В. Путина на саммите ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002). Но этого не случилось. На самом деле тема устойчивого развития в тот период вовсе не интересовала власти. Рекомендации ученых остались не востребованными. Предложение о создании Национального комитета по устойчивому развитию не встретило понимания. Причина простая: в экономической политике доминировала продиктованная рыночными установками экспортно-сырьевая направленность, что никак не коррелировало с требованиями устойчивого развития.

Между тем проблемы с защитой окружающей среды приобретали в России все более острый характер. Выбросы вредных веществ в атмосферу от стационарных источников с 1999-го по 2006 г. возросли больше чем на 10%, а от автотранспорта — больше чем на 30%. К 2008 г. было накоплено около 80 млрд т отходов производства и потребления, и эта цифра продолжала расти [12]. Огромных масштабов достиг сброс сточных вод в водоемы — 55,6 млрд куб. м в 2000 г., 45,5 млрд куб. м в 2010-м [10. С. 67, 68]. Миллионы россиян в крупных промышленных центрах живут в неблагополучной экологической обстановке.

Тревожное положение складывалось в связи с климатическими изменениями. По данным Росгидромета, в России уровень потепления выше среднемирового; за 1907—2006 гг. оно составило 1,29° С — при 0,74° для всей планеты. Причем повышение приземной температуры в основном пришлось на последние 30 лет (1976—2006) [7]. По прогнозам, к середине XXI в. увеличение среднегодовой приземной температуры на территории России может достигнуть 2,6° С ($\pm 0,7$) — больше, чем на всей планете [7. С. 15].

Особая проблема для России состоит в том, что две трети ее территории приходится на зону вечной мерзлоты. Подтаивание ее верхнего слоя угрожает северным городам, трубопроводам, теплотрассам и другим коммуникациям. Темпы потепления в высоких широтах выше, чем в среднем по стране. По прогнозам, на большей части территории Сибири и Дальнего Востока температура к концу столетия может повыситься на 4–5°, а на Крайнем Севере — на 5–6°. Это привело бы там к огромным выбросам метана в атмосферу и тем самым — к экологической катастрофе не только регионального, но и мирового масштаба.

Изменение климата сопровождается более частыми и более масштабными природными катаклизмами. В 2010 г., когда страна испытала тяжелейшие последствия аномальной жары, пожаров и смога, на территории РФ было зарегистрировано в целом более 900 опасных природных явлений (шквалистые ветры, ливни и наводнения, засухи и пожары), из которых 467 нанесли значительный ущерб экономике и жизнедеятельности населения. Это наибольшие значения за все предыдущие 20 лет [9. С. 65].

Все это служило достаточно серьезными аргументами за то, чтобы экологическая модернизация стала одним из главных приоритетов российской внутренней политики. Об этом много говорилось, в том числе в официальных документах, но практически делалось мало. Можно напомнить, что в период перестройки, в условиях подъема в стране экологического движения, был создан Государственный комитет по охране природы, который под разными названиями просуществовал как самостоятельный орган до мая 2000 г. Он был наделен контрольно-надзорными функциями и многое делал. Но эта деятельность не вписывалась в экспортно-сырьевую направленность экономики и не отвечала интересам новых собственников, стремившихся к бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов.

В 2000 г., став президентом, В. В. Путин упразднил Государственный комитет России по охране окружающей среды, а также Рослесхоз, Госкомзем, Госкомитет по водному хозяйству — т. е. те ведомства, которые призваны были обеспечивать *вневедомственный* надзор в сфере природопользования. Их функции были переданы Министерству природных ресурсов, то есть ведомству, отвечающему за хозяйственную эксплуатацию природных ресурсов (Указ № 867 от 17 мая 2000 г.). Правда, позже к его названию было добавлено: «и экологии».

Важным шагом вперед могло бы стать принятие в 2009 г. «Климатической доктрины Российской Федерации». Это серьезный, взвешенный документ, опирающийся на исследования Росгидромета, подтвердившие антропогенную природу наблюдаемого глобального потепления. Как подчеркивалось в докладе Росгидромета о последствиях изменений климата для России, это не только научная проблема, но и проблема политического выбора. Авторы доклада указывали на приоритетность

этой проблемы в политике Российской Федерации как одного из факторов национальной безопасности.

Но глобальное соглашение по климату в тот период не состоялось, и открывшийся перед Россией шанс для масштабного внедрения энергоэффективных и низкоэмиссионных технологий для «зеленого» экономического роста и «зеленых» инвестиций не был использован. Не были использованы и открытые Киотским протоколом (ратифицированным Россией в 2004 г.) выгоды, связанные с возможностью продажи квот на выбросы парниковых газов.

Если на Западе, несмотря на увлечение политиков неолиберальной рыночной догмой, тема защиты окружающей среды все больше смещалась в центр публичного дискурса и публичной политики, то в России процесс развернулся в обратном направлении [14. С. 80]. Кратковременный подъем «зеленого» движения в годы перестройки сменился затем его упадком, вынужденным переходом экологических организаций в режим выживания. Среда для деятельности «зеленых» становилась все менее благоприятной. Не без участия некоторых представителей власти, крупного бизнеса и средств массовой информации деятельность экологов стали воспринимать как препятствие для экономического роста, а их самих — как чуть ли не «агентов влияния» Запада.

Ученым-экологам стали приписывать создание «хорошо оплаченных» заказных «страшилок» (прямо называя таковыми изменение климата, истощение озонового слоя, инфекционные пандемии), намеренное развязывание «апокалиптической истерии». Говорили об экофобии как «болезни», присущей российской интеллигенции, об «экологическом рэжете», даже об «экологическом терроризме». Намекали на огромные средства, получаемые будто бы защитниками окружающей среды. За этими инвективами явно или неявно проступал «меркантильный» мотив: «нам» экологические ограничения «невыгодны», они нам «не по карману» и т. п.

Особенно показательное обострение антиэкологического синдрома в связи с феноменом глобального потепления. Первой реакцией было: если для кого-то это и угроза, то для России — «шанс», поскольку открывается будто бы возможность повышения продуктивности сельского хозяйства, уменьшения энергоемкости производства и жизнеобеспечения, особенно в северных и восточных районах страны. Поэтому России всемирная борьба с глобальным потеплением не нужна. А «искусственно подогреваемое» возмущение общественности преследует своей целью «освоение средств», выделяемых на борьбу с «мнимыми проблемами» [5].

В серьезных изданиях можно было встретить и такое утверждение: устойчивое развитие и «вся эта современная экологическая идеология чаще всего лишь экологическая мифология или, хуже того, экологическая демагогия» [2]. Если бы это было только частное мнение тех или

иных журналистов и публицистов! Но это не так. Оно отражало позицию определенных кругов, представляющих интересы энергетического комплекса. Их эксперты в свое время подвергли нападкам и Климатическую доктрину, утверждая, будто она грозит России «катастрофой». В разрабатываемых и реализуемых на Западе проектах использования альтернативных источников энергии стали усматривать стремление ущемить интересы российских топливных компаний, ограничить их доступ на рынки других стран.

В нулевые годы, несмотря на начавшийся экономический подъем, к решению проблем экологической модернизации (на которую вновь было обращено внимание) в России так и не приступили. Процессы в этой области по-прежнему шли скорее в противоположном направлении. Что-то на разных уровнях — федеральном, региональном, местном, — конечно, делалось, но этого было абсолютно недостаточно. Инвестиции в основной капитал, направляемые на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, были крайне малы, выделялись неравномерно, а их доля по отношению к ВВП за 2000—2012 гг. сократилась с 0,3 до 0,2% [10. С. 32, 71].

Ввод в действие мощностей по охране водных ресурсов и атмосферного воздуха от загрязнения снизился в разы. Станций для очистки сточных вод за 2005—2010 гг. ежегодно вводилось в среднем на 0,9 млн куб. м воды в сутки по сравнению с 2 млн куб. м в 1990-м и 5,3 млн куб. м в 1980-м. Так же обстояло дело с системами оборотного водоснабжения: за 2005—2010 гг. в среднем ежегодно вводились мощности на 1,4 млн куб. м воды в сутки против 8,4 млн в 1990-м и 13,1 млн куб. м в 1980-м. Что касается установок для улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов, то за 2005—2010 гг. их вводилось в среднем на 5 млн куб. м газа в час, тогда как в 1990 г. — на 16,4 млн, а в 1980-м — на 18,4 млн куб. м [9. С. 72].

Может быть, сокращение ввода мощностей по охране окружающей среды было оправдано снижением потребности в этом? Ухудшение состояния окружающей среды говорит против такого предположения. К концу нулевых на территории России были выявлены, как сообщило на своем сайте Минприроды, 40 974 несанкционированные свалки твердых бытовых отходов на общей площади в 13 151 га! С августа 2011 г. удалось ликвидировать почти 28 тыс. таких свалок.

* * *

Лишь в последние два-три года появились признаки того, что российские власти решили, по-видимому, вернуть в политику принципы устойчивого развития и на деле заняться вопросами экологической модернизации. Побудили к этому не в последнюю очередь все более очевидные угрожающие последствия климатических изменений, а также необходимость занять более определенную позицию на ведущихся переговорах о новом международном соглашении по климату.

В декабре 2012 г. при Администрации Президента РФ была образована Межведомственная группа по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития (таково ее официальное название). Результатом обсуждений в этой группе стал ряд важных решений, касающихся участия России в международных усилиях по смягчению последствий изменений климата и адаптации к ним. В частности, в сентябре 2013 г. указом президента В. В. Путина была определена внутренняя национальная цель сокращения объема выбросов парниковых газов к 2020 г. на 25% относительно уровня 1990 г.

Представитель президента России по вопросам климата А. Бедрицкий (бывший глава Росгидромета), выступая в Лиме на 20-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (декабрь 2014 г.), сообщил, что Россия планирует в качестве долгосрочной цели ограничить к 2030 г. выбросы парниковых газов до уровня 70—75% от показателей 1990 г. Он подтвердил готовность России оказывать финансовое содействие климатическим проектам развивающихся стран и стран с переходной экономикой, в том числе в СНГ.

Законодательно утверждены новые экологические стандарты. Намечены меры по стимулированию внедрения наилучших доступных технологий, необходимых для продвижения экологической модернизации. Минприроды приступило к подготовке справочников по наилучшим технологиям. На базе справочников будут подготовлены планы по модернизации 160 предприятий в 26 отраслях народного хозяйства. Речь идет о предприятиях, на которые приходится до 60% загрязнений, в том числе таких, как «Норильский никель», Магнитогорский металлургический комбинат, предприятия цветной металлургии в Красноярске, водоканалы ряда городов, где необходимо создавать масштабные очистные сооружения, и т. п. Увы, к реализации этих планов предполагается приступить лишь в 2019 г.

Решение давно назревшей задачи перехода на современные экологические стандарты означало бы пусть и скромный, но все же шаг вперед в направлении реализации принципов устойчивого развития. Хотя Россия отстает в этом отношении от промышленно развитых стран Запада, у нее есть и определенные преимущества. В 1990-е гг., вследствие упадка промышленного производства, антропогенные выбросы в атмосферу заметно сократились, а в первом десятилетии XXI в. возвращение к экономическому росту было достигнуто без их заметного увеличения. Тем не менее сохранение тенденции снижения выбросов в будущем требует дополнительных мер по стимулированию перехода к низкоуглеродной, «зеленой» экономике. Насколько успешными будут эти меры, во многом зависит, конечно, от международной обстановки и обусловленных ею экономических возможностей.

* * *

Разразившийся осенью 2008 г. первый масштабный кризис эпохи глобализации не без оснований был воспринят в мировом сообществе как еще одно подтверждение исчерпанности того типа развития, который на протяжении десятилетий навязывался миру по неолиберальным рецептам. Истоки кризиса — в своеволии рыночных сил, в безграничных возможностях использования денежных инструментов для финансовых спекуляций, в алчности и безответственности топ-менеджеров крупнейших банковских корпораций. Необходимость реформирования, перестройки мировой экономической и финансовой системы получила широкое признание.

В условиях обострения кризисных процессов мировое сообщество оказалось перед необходимостью заново сформулировать цели развития на перспективу. В 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН, проходившая на уровне глав государств и правительств, определила Цели тысячелетия в области развития до 2015 г. В качестве ближайших задач намечалось к 2015 г. сократить вдвое долю мирового населения, живущего в крайней бедности, и вдвое же — долю людей, страдающих от голода. Первую задачу удалось выполнить, сократилась и доля голодающих, но до ликвидации нищеты и голода еще далеко.

Между тем к нерешенным старым проблемам прибавляются новые глобальные вызовы. Растущая в мире обеспокоенность складывающейся ситуацией отразилась в работе Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (июнь 2012 г.), проходившей с участием многих глав государств и правительств. В принятом конференцией программном документе «Будущее, которого мы хотим», подчеркнута необходимость дальнейшего продвижения идеи устойчивого развития «на всех уровнях», интеграции его экономической, социальной и экологической составляющих и учета их взаимосвязи для достижения целей устойчивого развития на всех его направлениях [1].

Конференции был представлен экспертный доклад, посвященный оценке реального богатства большой группы стран (это большинство населения мира), предпринятой с целью конкретизации перспектив устойчивого развития [16]. Переплетение экономического, социального и экологического кризисов последних десятилетий, говорилось в докладе, заставляет политических деятелей, лидеров бизнеса и гражданского общества, да и широкую публику задаться вопросом: является ли доминирующая в мире модель развития устойчивой с точки зрения человеческого благополучия? Все больше сомнений вызывают нацеленность на материальное богатство и экономический рост как ключевые якобы факторы благополучия. Но это не единственные факторы, и они не должны рассматриваться как самоцель. Не менее важны социальные и экологические фак-

торы — такие, как образование, здоровье, чистый воздух, чистая вода и, среди прочего, важные для душевного здоровья природные ландшафты.

В фокусе стремления к устойчивому развитию должно быть *благополучие человека* — такова исходная установка доклада. При каких условиях можно его обеспечить сегодня и в будущем? Что нужно, чтобы сохранить эти условия в интересах будущих поколений? Происходит ли какое-то движение в сторону устойчивого развития, и можно ли и каким образом это установить? По мнению авторов доклада, помочь найти ответ на эти вопросы может усовершенствованная ими методика количественной оценки *всего национального богатства, во всех его элементах*, а также анализ тенденций их изменения на протяжении почти двух десятилетий (1990—2008 гг.).

В большинстве стран, которые стали объектом исследования, оцениваемый (в том числе в расчете на душу населения) природный капитал в последние десятилетия сократился — при одновременном росте ВВП! Это тревожный симптом. Зафиксированное данным исследованием «проедание ресурсов» и их оскудение подтверждает выводы о превышении хозяйственной емкости природной среды, сделанные ранее другими учеными с использованием других методов.

Таким образом, есть все основания считать доминирующий в мире тип экономического развития неустойчивым (*unsustainable*). Авторы доклада предупреждают: то, что обещает выгоду в краткосрочном плане, может обернуться бедствием в долгосрочной перспективе. Богатым — будь то в богатых странах или в бедных — следует изменить поведение, ограничить свои материальные притязания во имя сбережения ограниченных земных ресурсов. Правительствам при планировании стратегии развития необходимо перейти от системы учета потока доходов (ВВП), не дающей адекватного представления о динамике общественного благосостояния, к показателям реального богатства, учитывая все его компоненты и их взаимозависимость.

В своем послании «Путь к достойной жизни: повестка дня на период после 2015 года», обращенном к лидерам стран—членов ООН (декабрь 2014 г.), Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал их четко сформулировать цели устойчивого развития на следующие 15 лет — до 2030 г. Отвечая на этот призыв, главы государств, правительств и другие представители всех государств—членов ООН на саммите в штаб-квартире Организации в Нью-Йорке в конце сентября 2015 г. одобрили итоговый документ под названием «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В этом новом масштабном плане действий определены 17 целей и 169 задач, решение которых должно вывести мир на траекторию устойчивого развития, создать условия для более безопасного, более благополучного и справедливого будущего для всех людей на планете.

* * *

Среди ключевых проблем, которые мировому сообществу предстоит решать в предстоящие годы, — проблема смягчения последствий глобального потепления. Они уже сейчас весьма ощутимы. Ущерб от опасных природных явлений за 2002—2013 гг. оценивается в 156 млрд долларов, но есть и более высокая оценка — 184 млрд долларов. Самое поразительное, что эти оценки в 13—15 раз превышают аналогичные показатели за период 1970—1979 гг. По сравнению с 1970 г. количество пострадавших от природных бедствий в 2000—2009 гг. увеличилось в 4,5 раза, достигнув 220 млн. Всего за 1970—2013 гг. природные катастрофы унесли 4,5 млн жизней, а пострадало более 4 млрд человек [8].

Исследования Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) привели к выводу: при нынешних темпах роста эмиссии парниковых газов приземная температура по сравнению с доиндустриальной эпохой может повыситься к концу столетия на 3,7—4,8° С или более, что грозит человечеству значительными бедствиями — более частыми природными катаклизмами, сокращением производства продовольствия и распространением массового голода, обострением конфликтов за доступ к ресурсам, а следовательно — вероятностью войн за территории и ресурсы. Чтобы избежать этого, необходимо удерживать рост температуры в пределах 2° С или меньше. А это предполагает глубокую декарбонизацию мировой энергосистемы, решительный переход от использования ископаемого углеродного топлива к возобновляемым источникам энергии.

Благодаря техническому прогрессу наращивание генерирующих мощностей возобновляемых источников энергии в последние годы заметно ускорилось. Только в 2014 г. их ввод увеличился в США на 37%, в Китае — на 68, в Европе — на 72%. Общий годовой объем инвестиций в возобновляемые источники энергии во всем мире оценивают в 600 млрд долларов [4]. Перспективы перехода в ближайшие десятилетия к безуглеродной энергетике становятся все более реальными.

Растет уверенность в том, что альтернативная энергетика, решая задачу смягчения последствий глобального потепления, открывает одновременно новые возможности экономического роста. А это — и новые возможности для частного бизнеса. Многие страны Европы значительно продвинулись по пути внедрения коммерческого и общественного электротранспорта. Стоимость активов автомобильной компании «Тесла» (США), специализирующейся на производстве электромобилей, выросла за два года на 660% [4]. Продвижение в этом направлении требует активной поддержки со стороны правительств.

Выводы опубликованного в ноябре 2014 г. очередного, пятого по счету, доклада МГЭИК, подтвердившего прежние прогнозы, ста-

ли еще одним важным сигналом, побудившим политиков умножить усилия для выработки, согласования и принятия всеобъемлющего международного соглашения по климату взамен Киотского протокола, первый срок действия которого истек в декабре 2012 г. Предполагалось, что новое соглашение будет принято на Копенгагенской конференции ООН по климату в 2009 г. Но она не оправдала возлагавшихся на нее надежд — переговоры натолкнулись на серьезные трудности как внутреннего, так и внешнего порядка. На последующих встречах по линии Рамочной конвенции ООН по климату удалось договориться о продлении действия Киотского протокола до 2020 г.; но это — паллиатив, т. к. сфера его действия и эффективность весьма ограничены.

Меры по смягчению последствий изменения климата — один из путей к реализации модели устойчивого развития. В пятом докладе МГЭИК рассматривается широкий набор политических практик, которые могли бы ускорить этот процесс, компенсируя дисфункции рынка (*market-failure*), которые его тормозят, — при том понимании, что это проблема коллективных действий на основе иных, чем рыночных, ценностных установок. Выводы и рекомендации пятого доклада получили в целом поддержку со стороны ООН, национальных правительств, международной общественности.

Под влиянием угрожающих последствий климатических изменений наметились важные подвижки в позициях государств, от которых в решающей степени зависят результаты борьбы с глобальным потеплением. Президенты США и Китая в совместном заявлении после встречи в Пекине (ноябрь 2014 г.) обязались предпринять новые шаги по защите климата. Барак Обама сообщил о намерении США к 2030 г. сократить эмиссию парниковых газов на 26—28% по сравнению с уровнем 2005 г. Си Цзиньпин объявил, что Китай планирует к 2030 г. повысить долю возобновляемой и ядерной энергии в энергетическом балансе страны до 20% (с 8% в 2008-м). Кроме того, впервые было сказано о решении Китая добиваться к 2030 г. снижения выбросов в атмосферу углекислого газа. Изменилась и позиция России: президентом Путиным подписан указ, установивший потолок выбросов к 2020 году не выше 75% от уровня 1990 г.

Настрой на поиск компромисса в вопросах защиты климата позволил сдвинуть переговорный процесс с мертвой точки. Важное событие произошло на конференции ООН по климату в Лиме (1—14 декабря 2014 г.): впервые после 22 лет переговоров все 196 стран—членов ООН выразили готовность определить свои обязательства по сокращению выбросов. После новых трудных переговоров конференция ООН по климату в Париже (30 ноября — 12 декабря 2015 г.) приняла наконец историческое решение, одоблив новое, всеобъемлющее и обязывающее международное соглашение о борьбе с изменением климата на планете.

* * *

Современное состояние международных отношений не благоприятствует, конечно, решению вытекающих из концепции устойчивого развития конкретных задач. В то же время сложившаяся ситуация дает основания говорить о более широком и глубоком смысле этой идеи, о том, что и условия перехода к устойчивому развитию и само его содержание связаны с преодолением крайностей глобального неравенства, более справедливым распределением богатства и доступа к ресурсам, консолидацией усилий мирового сообщества в решении наиболее острых международных проблем — таких, как вызов международного терроризма, угрозы распространения оружия массового уничтожения, этнические и межконфессиональные конфликты и т. п. Пренебрежение общечеловеческой солидарностью мстит за себя угрозами для всех.

Представление о целенаправленном изменении типа социального развития может показаться неприемлемым в свете жестокого опыта «коммунистического строительства» в XX в. Но тут важно различать два противоположных по своей сути подхода. Один — это максималистские утопии социальной гармонии и всеобщего счастья, ведущие к тоталитаризму. Другой — прагматический подход, подразумевающий не проецирование в будущее некой «совершенной» модели мира, а *предотвращение* опасных тенденций и угроз в настоящем, а следовательно — контроль самого общества над собственным развитием во избежание разрушительных последствий.

Успех проекта устойчивого развития не предопределен. Никакие международные соглашения и программы, никакие правовые нормы сами по себе не изменяют ситуации, если не произойдут изменения в сознании и поведении большинства людей. Будущее открыто, оно таит в себе возможность разных исходов, в том числе катастрофичных. Вопрос о перспективах устойчивого будущего человечества остается пока не решенным.

Литература

1. Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» от 22.06.2012. № A/conf.216/L.1. — https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf (дата обращения: 10.11.2015).
2. **Ваганов А.** Взрыв на макаронной фабрике // НГ-Наука. 2008. 22.10. — www.ng.ru/science/2008-10-22/9_vzryv.html (дата обращения: 10.11.2015).
3. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / пер. с англ. М., 1989.
4. **Никифоров О.** Инвестиции в климат // НГ-Энергия. 2015. 13.01. — www.ng.ru/energy/2015-01-13/11_climat.html (дата обращения: 10.11.2015).
5. **Никонов А.** История отморозенных в контексте глобального потепления. М.: ЭНАС, 2007.
6. Основные положения устойчивого развития России. М., 2002. — www.sbras.ru/win/sbras/bef/strat.html (дата обращения: 10.11.2015).

7. Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях в Российской Федерации. Общее резюме. М. : Росгидромет, 2008. — http://climate2008.igce.ru/v2008/pdf/resume_ob.pdf (дата обращения: 10.11.2015).
8. **Порфирьев Б., Макарова Е.** Экономическая оценка ущерба от природных бедствий и катастроф // Вестник Российской Академии наук. 2014. Т. 84. № 12.
9. Российский статистический ежегодник 2011. М. : Росстат РФ, 2011. — www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/Main.htm (дата обращения: 10.11.2015).
10. Российский статистический ежегодник 2013. М. : Росстат РФ, 2013. — www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm (дата обращения: 10.11.2015).
11. **Снакин В. В.** Глобальные тенденции в эволюции биосферы // Век глобализации. 2014. № 2.
12. Стенограмма парламентских слушаний «О состоянии и проблемах правового регулирования в области обращения с отходами производства и потребления». 24.04.2008. — <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29640> (дата обращения: 10.11.2015).
13. **Эрроу К.** Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М. : ИД ГУВШЭ, 2004.
14. **Яницкий О. Н.** Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика). Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
15. **Laszlo E.** The Choice: Evolution or Extinction? Los Angeles, 1994.
16. The Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress towards sustainability. Cambridge ; N. Y. et al. : Cambridge University Press, 2012. — www.unep.org/pdf/IWR_2012.pdf (дата обращения: 10.11.2015). ◆

Достижения и ошибки советской политэкономии

© Беляев Л. С.

© Belyaev L.

Достижения и ошибки советской политэкономии Achievements and mistakes of soviet political economics

Аннотация. Проанализирован положительный опыт развития экономики СССР до середины 1950-х гг. и ошибки, допущенные позднее из-за недостаточной разработки экономической теории социализма. Особое внимание уделено оценке и оплате сложного и разнообразного труда, учету затрат труда и ценообразованию, включая реализацию «труда для общества». Рассмотрены причины поражения социализма в СССР, в их числе ошибочность внедрения разновидности хозрасчета предприятий, основанной на максимизации прибыли.

Annotation. Positive experience of the USSR economic development until mid-1950s and mistakes made later due to insufficient development of the economic theory of socialism are analyzed. Special attention is paid to the evaluation of complicated and various labor and pay for it, as well as to the consideration of labor expenditure and pricing, including labor for the public good. The reasons for the failure of socialism in the USSR are analyzed. These include erroneous implementation of a self-supporting basis for enterprises, which is based on profit maximization.

Ключевые слова. Политическая экономия, экономические законы и противоречия, затраты труда, планирование, ценообразование.

Key words. Political economics, economic laws and contradictions, labor expenditure, planning, pricing.

Октябрьская революция 1917 г. в России положила начало эпохе перехода человечества от капитализма к социализму. Несмотря на временную неудачу в СССР и странах—членах СЭВ, глобальный процесс перехода продолжается в Азии (Китай, Вьетнам, КНДР) и Южной Америке (Куба, Венесуэла и др.).

В период, когда в России свершилась Октябрьская революция, *экономическая теория социализма фактически отсутствовала*. Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс осуществили глубокий анализ капиталистического способа производства, обосновали закономерную замену его социалистическим, а затем коммунистическим общественным строем и указали основные черты экономики социализма и коммунизма, зачастую без четкого разграничения первого и последнего. Они рассматривали социализм как «первую фазу» коммунистического общества, предполагая свершение

БЕЛЯЕВ Лев Спиридонович — главный научный сотрудник Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева (ИСЭМ) Сибирского отделения РАН, профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

революции в передовых капиталистических странах. Не разрабатывая подробно экономику «первой фазы» и ее отличия от «высшей фазы», они не рассматривали возможность социалистической революции в слаборазвитых странах.

Дореволюционная Россия была преимущественно аграрной страной с относительно слабо развитой промышленностью, но со значительным многонациональным населением и огромной территорией, богатой природными ресурсами. СССР оказался «самодостаточным» государством в смысле обеспечения себя продовольствием, основными видами промышленного сырья, интеллектуальным потенциалом, а также своей обороноспособностью. Это позволило отразить иностранную интервенцию, выиграть Гражданскую войну и приступить в тяжелейших условиях разрухи, голода и холода к восстановлению и последующему развитию народного хозяйства.

Экономическая теория социализма, включая политэкономии, создавалась при этом фактически с нуля по мере приобретения практического опыта, зачастую методом проб и ошибок. О достижениях советских экономистов свидетельствует факт превращения СССР к середине 1950-х гг. во вторую (после США) страну в мире по экономическому и военному потенциалу, несмотря на колоссальные потери и разрушения, причиненные Великой Отечественной войной. В то же время расстройство экономики и отход от социализма в СССР в 1980—1990-е гг. стали возможными лишь вследствие ошибок в экономической теории, особенно в политической экономии социализма. В настоящей статье будут рассмотрены только некоторые, наиболее важные, с точки зрения автора, положения политэкономии. При этом разграничиваются период до середины 1950-х гг., когда развитие теории проходило в целом успешно, и последующий, в котором были допущены роковые ошибки.

Основные особенности социализма

Насколько можно уяснить из произведений классиков марксизма, социализм как *первая фаза* коммунизма характеризуется:

- обобществлением всех средств и продукции производства, т. е. единой («общенародной») собственностью на них. Нужно полагать, что отсутствует не только частная, но и кооперативная собственность на средства и продукцию производства;

- прекращением в связи с этим разделения общества на классы. Социалистическое общество едино по отношению к обобществленной собственности, по правам и обязанностям его членов;

- реализацией принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», на котором основываются социалистические производственные отношения;

- достаточно высокими уровнями развития производительных сил, образования, культуры и сознательности трудящихся, позволяющими реализовать указанный социалистический принцип.

Отличия социализма от капитализма очевидны: отсутствие частной собственности, классов, эксплуатации человека человеком и др. От коммунизма же (его *высшей фазы*) социализм отличается, главным образом, невозможностью полного удовлетворения потребностей всех членов общества — недостаточным развитием производительных сил и сферы услуг (а также все еще относительно низким образовательно-культурным уровнем трудящихся) для реализации коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Поэтому при социализме предметы личного потребления приходится распределять *по труду*, а не *по потребностям*.

Обобществленный характер производства требует для управления им планирования в масштабе страны (или группы стран) в отличие от планирования в рамках частных фирм, компаний и корпораций при капитализме. Распределение же предметов потребления по труду делает необходимыми количественную оценку и соизмерение труда разных профессий, квалификации и должностей, т. е. труда различных видов и сложности. Естественно, что труд должен измеряться при этом иными, более сложными единицами, чем часы рабочего времени, как это станет возможным при коммунизме. Процессы планирования и количественного измерения труда взаимосвязаны через ценообразование — для планирования нужны оценки затрат (живого и овеществленного труда) на производство всех видов продукции, и такими оценками, естественно, могут выступать оценки труда работников, сделанные с целью распределения предметов потребления по труду. При этом в ценах на предметы потребления (и платные услуги) должен найти отражение *труд для общества*, который каждый трудящийся обязан выполнять в дополнение к *труду для себя* (для своего личного потребления). В дальнейшем проблемы планирования, количественной оценки труда и ценообразования при социализме будут рассмотрены более подробно.

При социализме сохраняется государство, реализующее власть трудящихся. Главной причиной его сохранения К. Маркс и В. И. Ленин считали необходимость обеспечения (реализации) принципа распределения по труду. Даже если отпадет функция защиты от агрессии (в условиях капиталистического окружения), а управление обобществленным производством перейдет к некоторому «негосударственному» общественному органу, то «остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общественную собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта... Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм» [9. С. 5—28; 6. С. 95]. Пока сохраняется государство, оно, естественно, будет выполнять функцию управления обобществленной собственностью, включая планирование, ценообразование и др., а также развивать социальную сферу в широком ее понимании.

Описанное состояние социализма не было полностью достигнуто в СССР, однако, по мнению автора, именно на достижение такого состояния должно было быть направлено социально-экономическое разви-

тие страны, начиная с 1950-х гг. И. В. Сталиным ставилась задача подъема сохранявшейся кооперативной собственности колхозов до уровня общенародной, и это могло быть постепенно осуществлено [10]. К сожалению, как уже отмечалось, с конца 1950-х гг. реформирование экономики СССР пошло в ошибочном направлении.

Предполагая свершение социалистической революции в передовых капстранах, классики марксизма указывали на *неизбежность переходного периода от капитализма к социализму*, периода становления социализма. В этот период будут происходить ограничение и постепенная ликвидация частной собственности, централизация кредитно-денежной системы, увеличение числа национальных предприятий и др. [13. С. 87—88]. Этот переходный период будет несравненно более длительным и трудным при победе революции и начале строительства социализма в слаборазвитых странах. Его экономика будет существенно отличаться от экономики «зрелого» социализма, охарактеризованного выше.

Переходный период от капитализма к социализму

В XX в. выявились, наряду с другими, *две тенденции*:

— условия для социалистической (народно-освободительной) революции создаются в первую очередь в отсталых странах со слаборазвитой промышленностью;

— разрыв в экономическом развитии передовых и отсталых капиталистических стран неуклонно растет.

Империалисты передовых капиталистических стран находят все новые формы эксплуатации народов слаборазвитых стран, и естественный путь преодоления отсталости для последних состоит в свершении освободительной революции с переходом к построению социализма.

Основоположники научного коммунизма открыли и обосновали *историческую закономерность смены общественно-экономических формаций*: рабовладельческой на феодальную, феодальной на капиталистическую, а последней на социалистическую и коммунистическую. При этом *смена происходит после того, как производительные силы достигли предела своего развития, возможного при предыдущей формации, и одновременно создали материальные условия для производственных отношений последующей формации*. Эта закономерность подтверждена всей историей стран, достигших высокого уровня развития производительных сил при капиталистической формации.

Свершение социалистической (пролетарской или народно-освободительной) революции в слаборазвитой стране противоречит рассматриваемой закономерности. Казалось бы, нужно ждать, пока в стране полностью не созреет капитализм. Однако опыт свидетельствует, что разрыв в экономическом развитии между передовыми и отсталыми капстранами лишь возрастает. Можно ждать до бесконечности и не дожидаться. Как же разрешить это противоречие?

Возможность и пути его разрешения показал *опыт строительства социализма в СССР и КНР*. Оказалось, что в отсталой аграрной стране

со слаборазвитой промышленностью и низким уровнем образования, культуры и сознательности населения после победы пролетарской революции необходимо, наряду со всемерным развитием государственного (социалистического) сектора экономики, сохранить на какое-то время капиталистический способ производства (или вернуться к нему), но под контролем советского (народного) государства и в интересах трудящихся. Россия (СССР) первой столкнулась с таким противоречием в начале 1920-х гг., и В. И. Ленин впервые нашел путь его разрешения в виде введения новой экономической политики (нэп) и «государственного капитализма». Благодаря этому, а также энтузиазму народа, преимуществам планового хозяйства и мобилизационному режиму, вызванному угрозой интервенции, страна к началу 1940-х гг. превратилась в индустриальную, «пробежав» за 15 лет путь, который передовые капитаны проделали до этого за сто и более лет. Соответственно, допущенный капиталистический способ производства (частно- и государственно-капиталистический сектор экономики) просуществовал в СССР менее 15 лет.

Гораздо сложнее ситуация сложилась в Китайской Народной Республике, которая к моменту своего образования (1949 г.) была намного менее экономически развита, чем Россия в 1917 г. Сначала она довольно успешно развивалась, благодаря помощи СССР; но в 1960-е эта помощь прекратилась, и до конца 1970-х гг. экономика КНР находилась в трудном положении при продолжавшемся росте ее многочисленного населения. Быстрое развитие экономики Китая началось в 1980-е гг. с проведением реформ под руководством Дэн Сяопина.

Реформы состояли в допущении рынка и предпринимательства, частной собственности, привлечении иностранных инвестиций, широком развитии внешней торговли и т. п. при сохранении государственных предприятий и планирования. Эти реформы во многом сходны с российскими нэп и «государственным капитализмом» 1920-х, хотя и являются гораздо более глубокими. Можно полагать, что Дэн Сяопин, находившийся в то время на учебе в СССР, хорошо знал работы В. И. Ленина. Он неоднократно подчеркивал, что реформы проводятся в целях и на пути построения социализма. На протяжении более 30 лет КНР демонстрирует темпы развития экономики, превышающие темпы всех остальных стран мира и сопоставимые с темпами развития СССР в 1920—1930-е гг. На последнем, XVIII съезде Компартии Китая подтвержден курс на строительство социализма, однако предстоит решить еще много проблем и преодолеть многие трудности. Превратить страну в богатое, демократичное, гармоничное социалистическое государство предполагается лишь к 2050 г., т. е. еще несколько десятилетий будут создаваться материальные условия для социалистических производственных отношений. Это и неудивительно, если учесть степень бывшей отсталости Китая и численность его населения.

Таким образом, для ускорения своего развития отсталые страны, вставшие на путь строительства социализма, должны сохранять (или вводить заново) и развивать в течение необходимого времени частнокапита-

листический сектор экономики, наряду с развитием государственного сектора. Контроль со стороны пролетарского государства позволяет свести к минимуму недостатки капиталистического производства — эксплуатацию человека человеком, социальное расслоение, безработицу и др. (избежать их невозможно). Одновременно планомерное развитие государственного сектора и централизованное регулирование экономики создают возможности *очень быстрого экономического роста, какой невозможен в слаборазвитой стране ни при капиталистическом строе, ни при отсутствии капиталистического сектора в пролетарском государстве* (и помощи других социалистических стран).

В этот переходный период необходимо также решить множество социальных и экономических проблем для обеспечения социалистических производственных отношений. С одной стороны, нужно создать такую систему образования и трудоустройства трудящихся, чтобы каждый мог работать в соответствии со своими способностями. С другой — правильно оценивать и соизмерять затраты труда разных профессий, квалификации и должностей для распределения предметов личного потребления по труду. Одновременно должна осуществляться воспитательная и просветительская деятельность по выработке соответствующего мировоззрения трудящихся по их отношению к труду, общественной собственности, к своим потребностям, правам и обязанностям. Необходимы также организация и совершенствование планового управления экономикой, политической системы народовластия, законодательства и др. В СССР все это проводилось с различной степенью успеха, однако достичь настоящего «зрелого» социализма не удалось из-за ряда неправильных теоретических положений, рассматриваемых ниже.

Оценка затрат труда и ценообразование при социализме

Проблема оценки и соизмерения различных видов труда является *краеугольной* для социалистического производства. Оценки затрат труда нужны, во-первых, для установления цен на продукты производства, которые используются для планирования и определения эффективности производства, а во-вторых — для оплаты работников по труду и последующего распределения предметов личного потребления. Одновременно при оценке труда и установлении цен необходимо учитывать *труд для общества* (или *продукт для общества*), принципиально отличающийся по своей природе и назначению от прибавочной стоимости при капитализме.

Необходимость непосредственного количественного измерения разнородного труда составляет *одну из главных особенностей и трудностей* управления социалистическим производством (в отличие от капиталистического и коммунистического). Трудность состоит в отсутствии вполне объективных методов такого измерения. Здесь неизбежны элементы субъективности; однако, несмотря на трудности, такие методы должны быть разработаны и постоянно совершенствоваться, используя

такие критерии, как напряженность и опасность труда, необходимые опыт, образование и т. п. С. Г. Струмилин еще в 1928 г. писал: «...поэтому советская калькуляция уже теперь должна наряду с денежными расходами уделять гораздо больше внимания, чем это делалось доньше, учету *трудовых* затрат и в денежном, и в натуральном их измерении. А в будущем ей придется калькулировать исключительно трудовые затраты, *приводя к трудовой единице* все виды издержек производства и обращения» [11. С. 570].

При количественном измерении разных видов труда необходимо учитывать не только его продолжительность (что привело бы к «уровню», но и его сложность (квалификацию, интенсивность и т. п.), поэтому требуются какие-то единицы, отличные от часов рабочего времени. Наиболее естественным средством такого измерения могут служить деньги, вследствие чего *при социализме сохраняется денежное обращение*. Деньги нужны в первую очередь для оценки сложного труда. Исходя из этого вытекают и остальные их функции.

Принцип «каждому по труду» означает, что *заработная плата трудящихся*, предназначенная для личного потребления, *должна соответствовать их вкладу в общественно необходимый труд*. Иными словами, заработная плата должна быть равна в денежном эквиваленте труду, выполненному работником (при условии, что этот труд полезен обществу). Коль скоро создана система количественной оценки труда разных профессий, квалификации и должностей, о которой говорилось выше, то должно быть справедливым и обратное: *труд, затраченный работником в процессе производства, может измеряться выплаченной ему заработной платой*. Это положение (утверждение) представляется достаточно естественным и очевидным. Фактически оно признавалось и предполагалось действующим в СССР — но *не получило логического завершения* в качестве основы для оценки затрат труда и формирования цен из-за ошибочного перенесения на социалистическое производство капиталистической категории «стоимость». Между тем в обобществленном социалистическом производстве отсутствуют эксплуатация человека человеком и какая-либо «прибавочная стоимость» товаров, присваиваемая частным собственником.

Фактически, при социализме категория «стоимость» (продукта, товара) теряет свой смысл. При капитализме стоимость товара есть затраты общественно необходимого труда на его производство, т. е. стоимость определяется затратами труда. При социализме, как уже говорилось, появляется необходимость (и должна быть создана возможность) непосредственной оценки (измерения) труда. Об этом неоднократно писали К. Маркс и Ф. Энгельс [9. С.14; 12. С. 321]. Поэтому вместо стоимости следует говорить о «*трудоемкости*» *продукта, которая представляет затраты живого и овеществленного труда на его производство*. Если труд измеряется зарплатой, то *трудоемкость* продукта равна сумме заработной платы, выплаченной как при непосредственном его производстве, так и ранее при производстве расходуемых материалов, а также оборудования и сооружений в части их

амортизации. Следовательно, трудоемкость можно выразить формулой без прибавочной стоимости, а о реализации труда для общества будет сказано позднее.

В соответствии с индивидуальной или среднеотраслевой «трудоемкостью» должны устанавливаться основные «учетные» цены на все виды продукции (средства производства и предметы потребления), которые используются при планировании и взаиморасчетах между предприятиями. Снижение трудоемкости служит признаком (критерием) повышения эффективности производства. Трудоемкость близка к понятию «себестоимость», использовавшемуся в СССР, и даже совпадает с ним, если в себестоимость включается только зарплата, а цены на используемые материалы, оборудование и т. п. также устанавливаются по выплаченной при их производстве зарплате. Существовавшее заблуждение, что в цены должна входить еще и прибавочная стоимость, постоянно вызывало затруднения у советских экономистов, так и не пришедших к единому мнению о том, как определять ее: пропорционально зарплате или основным фондам, а также в какой пропорции. Искусственное включение в цены продукции какой-либо прибавочной стоимости, не имеющей для социалистического производства теоретического обоснования, приводило к искажению цен и соответственно — к ошибкам в планировании и других экономических расчетах.

Для реализации труда для общества советскими экономистами был найден оригинальный и достаточно естественный механизм, состоящий в том, что на предметы личного потребления, которые продаются населению, устанавливаются *розничные цены*, как правило, *превышающие трудоемкость* (себестоимость) их производства (хотя иногда они могут быть и ниже трудоемкости). Доход предприятий, образующийся из-за разницы *розничных* и *учетных* цен на предметы потребления, поступает в государственный бюджет в виде *налога с оборота* (введенного в СССР в 1930 г.) и используется затем для формирования фондов накопления (расширения производства), общественного потребления и других общегосударственных нужд. Часть налога с оборота может поступать в региональные и местные бюджеты. Такой путь реализации труда для общества гораздо больше соответствует социалистическому производству, чем включение неведомой прибавочной стоимости в цены продукции. Во-первых, при этом предполагается полная оплата труда, а во-вторых — то, что труд для общества совершается всеми трудящимися, т. е. не только в производственной сфере.

Следовательно, на предметы личного потребления (и платные услуги), помимо учетных цен (по трудоемкости), устанавливаются также розничные цены. Принципы их назначения существенно отличаются от таковых для учетных цен. Здесь должны учитываться социальная значимость предметов потребления, спрос на них (дефицитность, новизна), качество и др. Так, цены на лекарства, детскую одежду, книги, проезд в общественном транспорте, услуги ЖКХ и т. п. могут устанавливаться ниже трудоемкости, а на спиртное, табак, предметы роскоши — наоборот, значительно выше трудоемкости их производства. Важно только,

чтобы в целом по стране (и регионам) соблюдался баланс общих денежных выплат населению и суммы цен всех предметов потребления и услуг, предлагаемых ему.

Известно, что социалистический принцип «от каждого по способностям, каждому по труду» не обеспечивает материального равенства членов общества. Люди обладают неодинаковыми способностями, имеют разную численность семьи и др. Путем различных отклонений розничных цен от трудоемкости можно смягчить материальное неравенство трудящихся. Этому существенно способствуют также фонды общественного потребления (образования, здравоохранения, социальной защиты), которые распределяются фактически «по потребностям», т. е. по коммунистическому принципу.

Недостаточная разработка политэкономии социализма остановила дальнейший прогресс. Были провозглашены «полная победа» социализма и начало перехода к коммунизму. Основные ошибки состояли в признании сохранения при «полном» социализме товарного производства и действия закона стоимости, а также во внедрении хозрасчета предприятий со стремлением к максимальной прибыли.

Таким образом, при социализме труд должен непосредственно оцениваться количественно в денежном исчислении; в соответствии с этой оценкой должна выплачиваться трудящимся заработная плата, которая может служить для определения трудоемкости производства различных продуктов. Исходя из трудоемкости, назначаются основные *учетные* цены, используемые при планировании, обмене продукцией в производственной сфере и оценке эффективности производства. Для предметов потребления (и услуг) вводится еще одна система розничных цен, посредством которой аккумулируется в государственном бюджете труд для общества.

Все это постепенно создавалось и развивалось в СССР до середины 1950-х годов. Однако недостаточная разработка к тому времени политэкономии социализма остановила дальнейший прогресс. Были провозглашены «полная победа» социализма и начало перехода к коммунизму. Основные ошибки состояли в признании сохранения при «полном» социализме товарного производства и действия закона стоимости, а также во внедрении хозрасчета предприятий со стремлением к максимальной прибыли.

Законы и противоречия социалистического производства

В СССР основным экономическим законом социализма считалось «обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [10. С. 95]. Этот закон, сформулированный И. В. Сталиным, в дальнейшем не подвергался сомнению, претерпевая лишь редакционные изменения. Он указывает *главную цель* социалистического производства.

Кроме того, в социалистической экономике действуют два важнейших закона, из которых трудно выделить главный:

— закон *минимизации затрат живого и овеществленного труда*. Его часто называют еще законом экономии времени (рабочего) или экономии труда;

— закон *планирования производства, включая его расширение*. Этот закон интерпретируется также как закон планомерного, или пропорционального, развития.

Выделение этих двух законов корреспондируется с высказыванием К. Маркса: «Поэтому экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится даже в гораздо более высокой степени законом» [3. С. 119]. Он объединяет даже оба закона в один «сверхзакон».

Закон минимизации затрат труда, или экономии рабочего времени, действует во всех общественно-экономических формациях. Однако в капиталистическом производстве он находится в подчиненном положении у закона максимизации прибыли, поэтому может нарушаться. Аналогично он не соблюдался в СССР при введении в 1960-х гг. хозрасчета предприятий с его стремлением к максимальной прибыли. При социализме этот закон становится одним из основных. Ему соответствует минимум *трудоемкости* продукции. Производственные планы всех уровней должны быть оптимальными в свете этого закона. Затраты труда должны минимизироваться, естественно, при некотором заданном объеме (и ассортименте) производимой продукции и определенных ограничениях на располагаемые ресурсы. Приходится сожалеть, что советские экономисты уделяли этому закону недостаточное внимание, т. к. хозрасчет предприятий с максимизацией прибыли явно ему противоречит.

Планирование производства осуществляется фактически всегда в рамках наличной собственности. Капиталистические фирмы, компании, корпорации планируют свое производство, притом все более совершенно. Особенность социализма — обобществление всех средств производства, что приводит к необходимости планирования в масштабах всей страны. Существовало представление, что планирование всего

производства, вплоть до отдельных предприятий, должно осуществляться централизованно из одного единого центра. Трудности такого планирования при большой и сложной экономике, какой она стала в СССР в 1950—1960-е гг., очевидны. Поэтому экономика должна структурно перестраиваться, становиться *многоуровневой с иерархическим планированием и управлением*.

Представляются необходимыми как минимум три уровня: страна в целом, производственные и территориальные объединения предприятий и отдельные предприятия. Тогда централизованное планирование, заменяющее стихийный капиталистический рынок, может осуществляться лишь на уровне страны в укрупненной номенклатуре продукции и плановых заданий объединениям второго уровня, число которых обозримо. Наиболее важно при этом обеспечить материальные балансы обмена продукцией (в физических единицах) между объединениями. Дальнейшее планирование на уровнях объединений и отдельных предприятий совершается уже децентрализованно, аналогично частным капиталистическим корпорациям и компаниям.

Организация совнархозов в СССР в 1950-е гг. представляла первую попытку совершенствования структуры управления экономикой, которая оказалась неудачной из-за недостаточной теоретической проработанности. Следовало не переходить с отраслевого на территориальное управление, а создать территориальные объединения, сохранив отраслевые министерства как горизонтально интегрированные объединения предприятий. В дальнейшем совнархозы были упразднены (хотя нужно было бы преобразовать их в территориальные объединения предприятий, не входящих в отрасли), а отраслевое управление восстановлено. Созданию объединений предприятий (в том числе комбинатов) как промежуточному уровню между министерством и отдельными предприятиями стали уделять все большее внимание. Особое значение переходу на многоуровневую иерархическую структуру экономики придавалось в сформировавшемся в 1960—1970-е гг. экономико-математическом направлении науки [3]. К сожалению, остался незамеченным опыт передовых капиталистических стран по формированию вертикально интегрированных объединений (корпораций), специализирующихся на производстве важнейших конечных видов продукции (автомобилей, самолетов, кораблей, электронной техники и т. п.) [4. С. 2—37]. Такая вертикальная интеграция производственных предприятий, научно-исследовательских, проектных и строительно-монтажных организаций успешно применялась в СССР при создании оборонной техники, освоении ядерной энергии и космоса, однако не была распространена на гражданское производство.

Еще один несомненный закон социалистической экономики — *закон сохранения природы* (название условное). Уже сейчас совокупное развитие производительных сил стран мира достигло уровня, угрожающего существованию жизни на нашей планете. Необходим широкий комплекс мер по сохранению и восстановлению природной среды,

включающий ограничения на вредные выбросы и отходы, использование возобновляемых источников энергии и безотходных технологий и т. п. Требуются также разумные ограничения потребностей и изменения образа жизни людей. В плановой социалистической экономике реализовать такие меры и ограничения гораздо легче, чем в капиталистической.

Социалистическому производству присущи, конечно, определенные *противоречия*. Главным из них является постоянная недостаточность текущего состояния экономической базы для удовлетворения непрерывно возрастающих потребностей общества. Его разрешение возможно путем ускоренного развития экономики, что определяет главную цель социалистического производства и является, по сути, движущей силой его развития.

Имеются также противоречия или различия между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. Пути их разрешения достаточно хорошо известны, и мы не будем на этом останавливаться.

Особого внимания требует *противоречие в социалистических производственных отношениях между руководителями и рядовыми работниками* (между теми, кто управляет, и теми, кто исполняет). Руководители разных рангов объективно необходимы для управления производством, а также и государством (пока оно не отомрет). При этом рядовые работники находятся в подчиненном положении к руководителям, а сами руководители — к руководителям более высокого уровня. Такая ситуация является естественной и неизбежной, однако она содержит определенное противоречие: отношение к обобществленной собственности у руководителей и рядовых работников одинаковое, но между ними — неравное. И это противоречие требует специального внимания и мер по его разрешению, так как руководители, обладая властными полномочиями, потенциально могут и злоупотреблять ими в корыстных целях.

Четкого выделения этого противоречия нам не встречалось в трудах классиков марксизма, однако в последних работах В. И. Ленина имеются указания на необходимость тщательного подбора и подготовки руководящих кадров и расширения участия рабочих и крестьян в контроле за работой руководящих органов [7. С. 383—388; 8. С. 389—406]. Он отмечал, что организация такого контроля — дело исключительно трудное; но без этого Советская власть неминуемо осуждена на гибель. Фактически В. И. Ленин предлагал меры по разрешению данного противоречия, которые должны быть организационно-политическими и охватывать как внутривнутрипартийную деятельность ВКП(б), так и деятельность государственных и хозяйственных органов. К сожалению, позднее проблеме взаимоотношений руководителей и рядовых работников не уделяли должного внимания. Постепенно сформировался слой «номенклатурных» партийных, государственных и хозяйственных руководителей, который обладал существенными привилегиями, вызывавшими возмущение остальных трудящихся. Единство советского народа было нарушено, что способствовало гибели СССР.

Оценка эффективности производства и хозрасчет предприятий

Важное значение в социалистической экономике имеют правильная *оценка эффективности производственной деятельности* предприятий и их объединений и соответствующая *система материального поощрения* их работников. С учетом рассмотренных важнейших экономических законов социализма для этого должны использоваться два основных критерия:

1. Выполнение плана по объемам, ассортименту и качеству производимой продукции (ассортимент и качество не менее важны, чем объемы).

2. Снижение трудоемкости продукции (а следовательно — и ее цен).

Могут вводиться также дополнительные критерии в зависимости от особенностей конкретных производств и видов продукции.

В СССР аналогами второго критерия являлись снижение себестоимости продукции или повышение производительности труда. Однако по мере все более глубокого внедрения хозрасчета предприятий (с конца 1950-х гг.) главным критерием эффективности становилась прибыль. Выполнение плана свелось к *валовому* объему произведенной или реализованной продукции в стоимостном (денежном) выражении. Выдерживать ассортимент, и особенно качество, продукции предприятиям было невыгодно. Появилось стремление к повышению цен своей продукции для увеличения *валового* объема и прибыли, в том числе за счет повышения затрат труда и применения более дорогих материалов или расходования их в больших количествах. Экономика становилась *затратной*, т. е. хозрасчет и прибыль явно противоречили экономическим законам социализма.

Максимизация прибыли вызывает в первую очередь стремление предприятий к повышению цен на свою продукцию. Если цены не устанавливались централизованно, то они просто завышались до пределов, допустимых по тем или иным условиям. Для централизованно назначаемых цен всячески обосновывалась необходимость их повышения. Учитывая, что плановые цены устанавливались по принципу «себестоимость плюс некоторая рентабельность (прибыль)», предприятия (а вместе с ними отраслевые главки и министерства) показывали в отчетных и обосновывающих материалах как можно большую себестоимость, включая материало- и энергоемкость. Следовательно, стремление к повышению цен и даже себестоимости продукции, которое вызывал внедряемый хозрасчет предприятий, явно противоречило закону минимизации затрат живого и овеществленного труда. Одновременно задание планов производства в стоимостном выражении искажало смысл планирования, одной из главных задач которого является поддержание материальных (вещественных) межотраслевых балансов, т. е. нарушался и этот закон социалистической экономики. Нужно отметить еще, что максимизация прибыли отдельных предприятий противоречит главной цели

социалистического производства — максимальному удовлетворению потребностей всего общества («работа на прибыль» противоречит «работе на человека»).

Внедрение *хозрасчета* предприятий, являющегося фактически капиталистическим способом ведения хозяйства с капиталистическим же стремлением к максимальной прибыли, имело для советской *обобщественной* экономики катастрофические последствия. Предприятия оказались разобщенными, все внешнее окружение стало для каждого из них «враждебным»: конкуренты, производящие такую же продукцию; потребители (покупатели), продать которым желательно подороже; поставщики, у которых желательно купить подешевле. Если в капиталистическом производстве такое раздробление обусловлено частной собственностью на средства производства и является естественным, то в социалистической экономике оно приводит к потере одного из главных преимуществ обобщественного производства — возможности планомерного, непротиворечивого развития всего народного хозяйства с единой целью.

Далее, руководители обобщественных предприятий (и их трудовые коллективы) не имели страха (риска) банкротства и потери собственности, который преследует капиталистических собственников и заставляет их снижать издержки, модернизировать производство и т. п. Государство не допустит ликвидации предприятия, выпускающего нужную продукцию — пусть даже не вполне эффективно. Поэтому можно идти на ухищрения ради прибыли. Все это привело к расстройству советской экономики, росту цен, нарушению денежного баланса в стране, дефициту предметов потребления, появлению «теневой» экономики и т. д.

В период горбачевской «перестройки», когда состояние экономики стало явно ненормальным, появились работы, в которых вскрывались причины недостатков и предлагались меры по их исправлению. Большой интерес представляет систематизированный сборник статей, вышедший в 1990 г. [1]. В ряде вошедших в него статей (В. М. Якушева, В. Н. Минеева, С. С. Губанова и некоторых других) главной причиной застоя 1970—1980-х гг. называется переход к хозрасчету и прибыли [1. С. 29—51, 122—145, 186—299]. Подчеркивается, что для экономики СССР того времени попытки совместить плановость и рынок противостественны и антинаучны, что хозрасчет — это специфическая форма буржуазного коммерческого расчета, а стремление к максимальной прибыли противоречит целям социалистического производства. Указывается на необходимость планирования, нормирования и учета затрат труда. Предлагались пути и меры по изменению стратегий перестройки, выводу социалистической экономики из застоя и дальнейшему ее развитию. Однако «команда», подобранная Горбачевым, уже не прислушивалась к таким предложениям.

Для материального поощрения коллективов и работников предприятий (и объединений) за успешную производственную деятельность, по нашим представлениям, целесообразно создание специ-

ального *бюджетного Фонда материального поощрения*. Выплаты из этого фонда (сверх зарплаты, выплачиваемой «по труду») будут стимулировать повышение эффективности производства, но они не должны включаться в трудоемкость продукции, чтобы не исказить действительные затраты труда. Распределение средств фонда между объединениями, а затем между предприятиями и отдельными работниками осуществляется по результатам их деятельности за очередной прошедший период на основе двух указанных критериев. Для этого, естественно, должны быть разработаны соответствующие общегосударственные методические указания и инструкции. Создание и использование такого фонда дополнительно усложняют, конечно, управление социалистической экономикой, однако материальное поощрение коллективов и работников необходимо, и такой путь является альтернативой хозрасчету, неприемлемому в обобществленном производстве (подробнее см. [3]).

Причины неудачи строительства социализма в СССР

Анализ экономических и социально-политических преобразований в СССР позволил выявить основные причины его распада. Их было, по нашему мнению, четыре, причем к распаду привело *сочетание* этих причин. Если бы какая-либо из них отсутствовала, то СССР продолжил бы свое развитие. Причины эти следующие:

1. *Великая Отечественная война 1941—1945 гг.*, навязанная Советскому Союзу. Война нанесла стране тяжелейшие потери и разрушения, прервала социалистическое строительство примерно на десять лет и имела долгосрочные последствия из-за гибели большой или даже большей части наиболее активных и преданных социализму людей. Не будь войны, экономика СССР уже к 1950 г. достигла бы уровня 1960—1965 гг.; процесс демократизации общества, начатый в 1936 г. с принятием новой Конституции, получил бы закономерное продолжение; гораздо большее внимание было бы уделено развитию теории социализма во всех ее аспектах и др. Наконец, та часть цвета нации, которая не вернулась с войны, составила бы «критическую массу» народа, не допустившую возврата к капитализму. В конечном итоге, не будь этой войны, СССР не распался бы в начале 1990-х гг.

2. *Капиталистическое окружение и «холодная война» с СССР*, начатая в 1946 г. США и другими странами, образовавшими военный блок НАТО. Серьезность этой причины, ее опасность и последствия достаточно очевидны. Однако капиталистическое окружение существовало с самого начала, и СССР ему противостоял. После Второй мировой войны международное положение СССР улучшилось — появились другие социалистические страны, включая миллиардный Китай. Был создан ракетно-ядерный щит, гарантирующий военную безопасность страны. «Холодная война» в этих условиях могла быть проиграна лишь в случае расстройтва внутреннего положения СССР. С другой сторо-

ны, совершенно очевидно, что реставрации капитализма не случилось бы, если представить себе на минуту отсутствие капиталистического окружения. Следовательно, это была неустраняемая, но не единственная причина.

3. *Недостаточная разработанность политической экономики социализма*, выразившаяся в ошибочном внедрении хозрасчета предприятий, основанного на максимизации прибыли. Именно хозрасчет, являющийся фактически капиталистическим способом ведения хозяйства, привел к расстройству социалистической экономики СССР, сделал ее *затратной* и невосприимчивой к научно-техническому прогрессу. Были утрачены преимущества планового хозяйства, падали темпы его развития, начало увеличиваться отставание от передовых капстран. Одновременно ухудшалась обстановка в советском обществе, исчезал энтузиазм и усиливались разочарование, недоверие и недовольство, появились стремление к обогащению, коррупция, спекуляция, «теневая» экономика. Расширение и углубление хозрасчета явились одной из причин неудачного строительства социализма в СССР.

Однако этого бы не произошло, не будь одновременно других причин. Если представить себе, например, отсутствие двух уже рассмотренных причин, то период «увлечения хозрасчетом» был бы просто периодом некоторого спада экономического развития, периодом поиска путей методом проб и ошибок. Со временем ошибка была бы осознана и исправлена. То, что это не было понято своевременно, можно объяснить снижением внимания к теории социалистической экономики в трудные предвоенные, военные и послевоенные годы, а также определенным догматизмом, отсутствием свободных дискуссий и общим застоём в советской экономической науке.

4. *Неразрешенность противоречия между статусом руководителей и рядовых работников*, которое объективно существует в рамках социалистических производственных отношений. При одинаковом положении по отношению к обобществленной собственности руководители и рядовые работники оказываются не равны друг другу в отношениях между собой. Это противоречие охватывает не только сферу непосредственного производства, но относится также к руководителям государственных, и особенно партийных, органов.

Вопрос о подборе руководителей и контроле за их деятельностью возник с первых дней Советской власти. Ему уделял большое внимание В. И. Ленин. В 1930-е гг. он обострился снова — ввиду существенных изменений социально-экономических условий в стране и требований к руководителям, из которых начал формироваться некоторый привилегированный слой. Принятые меры представляли собой в основном усиление контроля за руководителями «сверху», со стороны ЦК ВКП(б) и самого И. В. Сталина. В результате к началу войны и во время войны был сформирован во многом уникальный корпус квалифицированных, энергичных и добросовестных руководителей всех уровней. Однако должный контроль «снизу», включая усиление роли Советов, не был оформлен в организационно-правовом виде.

В дальнейшем, начиная с «оттепели» 1950-х гг., рассматриваемое противоречие только усиливалось. Это привело к консолидации слоя номенклатуры, появлению у ряда руководителей стремления к обогащению, к учащению случаев коррупции и т. д. Наряду с хозрасчетом это способствовало зарождению «теневой» экономики. Одновременно усиливались недоверие к руководству и недовольство рядовых трудящихся, что под влиянием зарубежной и диссидентской пропаганды переросло в недоверие и недовольство Советской властью и социализмом вообще.

Можно ли было разрешить это противоречие, вылившееся в одну из причин распада СССР? По нашему мнению, можно — хотя и трудно: для этого было необходимо, чтобы чрезвычайная важность этого противоречия была, во-первых, осознана, а во-вторых — поставлена задача его преодоления. Вряд ли кто-то будет утверждать, что строительство социализма невозможно лишь из-за потребности иметь руководителей производства, государственных и партийных органов. Компартия Китая выработала систему замены высшего руководства партии и государства с периодичностью десяти лет и заблаговременной подготовкой новой «команды».

Но и эта, четвертая, причина сама по себе не привела бы к гибели СССР. При отсутствии любой из трех других причин она была бы со временем осознана и устранена. Аналогичным образом в СССР сохранилась бы и Советская власть, не возникни процесса формирования слоя номенклатуры и перерождения верхушки КПСС, — даже при наличии остальных трех названных выше причин. Совершенно невозможно представить себе, что события, подобные начавшимся в 1980-х гг., могли произойти при том составе корпуса руководителей всех уровней, который страна имела в 1950-е гг.

* * *

В нашем представлении политэкономия социализма, как и вообще теория социалистической экономики, находится в стадии формирования. Настоящего, «зрелого» социализма еще не сложилось ни в одной стране мира. Разработка экономической теории в странах, ставших на путь строительства социализма, шла по мере накопления практического опыта, притом с учетом условий и особенностей конкретной страны. Следует ожидать значительного разнообразия теорий, выработанных на основе опыта разных стран. Однако будут и определенные общие положения экономики социализма, которые наиболее важны и интересны.

Модель экономики, представленная выше, соответствует условиям СССР (конкретной страны), сложившимся в 1950—1970-е гг. Для других стран и условий XXI в. в эту модель потребуются, конечно, внести изменения и дополнения. Вместе с тем мы надеемся, что ряд положений, изложенных в настоящей статье, будет учтен в процессе дальнейших исследований.

Литература

1. Альтернатива: выбор пути (перестройка управления и горизонты рынка) / рук. авт. кол. В. Н. Бобков, А. А. Сергеев. М. : Мысль, 1990.
2. Архив Маркса и Энгельса. М. : Политиздат, 1935. Т. 4.
3. **Беляев Л. С.** Очерки политической экономии социализма. Иркутск : Сибирская книга, 2013.
4. **Глушков В. Н.** Кибернетика. Вопросы теории и практики. М. : Наука, 1986.
5. **Губанов С. С.** Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция // Экономист. 2008. № 9.
6. **Ленин В. И.** Государство и революция // **Он же.** Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1974. Т. 33.
7. **Ленин В. И.** Как нам реорганизовать Рабкрин // **Он же.** Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1970. Т. 45.
8. **Ленин В. И.** Лучше меньше, да лучше // **Он же.** Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1978. Т. 45.
9. **Маркс К.** Критика Готской программы // **Маркс К., Энгельс Ф.** Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат, 1985. Т. 3.
10. **Сталин И. В.** Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Политиздат, 1952.
11. **Струмилин С. Г.** На плановом фронте, 1920—1930 гг. М. : Госполитиздат, 1958.
12. **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. М. : Политиздат, 1961. Т. 20.
13. **Энгельс Ф.** Принципы коммунизма // **Маркс К., Энгельс Ф.** Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат, 1985. Т. 1. ◆

Конец или возрождение идеологии?

© Гаджиев К. С.

© Gadzhiev K.

Конец или возрождение идеологии?

The End or revival of ideology?

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и критически проанализировать идеи конца идеологии, возникшие во второй половине 1950–1960-х гг., их системные характеристики и предназначение. Статья обосновывает тезис о том, что никакого конца идеологии не было и не могло быть, поскольку политику невозможно представить без идеологии. Показано, что в этом вопросе последняя точка над *i* была поставлена в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. с разворачиванием так называемой неоконсервативной волны, когда консерваторы, которые почти всегда высказывались против идеологии, выступили за реидеологизацию политики. В этом же контексте трактуются идеи «конца истории» Ф. Фукуямы, столкновения цивилизаций С. Хантингтона, экспорта демократической революции неокон.

Annotation. The article attempts to identify and critically analyze ideas of the end of ideology that emerged in the second half of the 1950–1960s, their system characteristics and purposes. The main purpose of the article is to justify the thesis that in the reality there was not and could not be the end of ideology, since the policy can not be imagined without ideology. It is shown that in this regard the last point on the *i* was put at the end of 1970th — first half of the 1980^s with the unfolding of the so-called neo-conservative wave, when the conservatives, who are almost always spoken out against the ideology, advocated reideologization of policy. In the same context, interpreted the F. Fukuyama's idea of “the end of history”, S. Huntington's idea of clash of civilizations, neocon's idea of export of the democratic revolution.

Ключевые слова. Политика, идеология, конец идеологии, возрождение идеологии, консервативная волна, конец истории, столкновение цивилизаций, неокон.

Key words. Politics, ideology, the end of ideology, the revival of the ideology, conservative wave, the end of history, the clash of civilizations, the neocons etc.

XX век был веком конфликтов и борьбы различных идеологических течений. Более того, после Второй мировой войны конфликт между двумя военно-политическими блоками в условиях биполярного миропорядка приобрел системный характер. Эта борьба велась путем навязывания одной из двух идеологий — коммунистической и буржуазной, понимаемых в самом широком смысле. Тем не менее парадоксальным образом в условиях фронтальной идеологической борьбы еще во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. была выдвинута теория деидеологизации, или «конца идеологии». Однако, как показали последующие процессы, идеология отнюдь не исчезла

ГАДЖИЕВ Камалудин Сераджудинович — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук.

и продолжала играть ключевую роль в политической жизни как отдельно взятых стран, так и мирового сообщества в целом.

* * *

Целая плеяда представителей интеллектуальной элиты Запада — таких, как Д. Белл, С. М. Липсет, Р. Арон, Э. Тоффлер, Э. Шилс и др., взялись за разработку теории трансформации индустриального общества в постиндустриальное, а затем в информационное общество с качественно новыми системными характеристиками и закономерностями функционирования и развития. К идее деидеологизации позитивно относились Р. Дарендорф, Э. Фишер, Л. Колаковски и другие европейские исследователи. Их объединяла мысль о том, что деидеологизация, или «конец идеологии», стала ключевой составляющей возникшего к тому времени нового общества.

Лозунг «конца идеологии» впервые был выдвинут на международной конференции «Будущее свободы», проходившей в Милане 12—17 сентября 1955 г. под эгидой Конгресса за свободу культуры [11]. Участники конференции призывали к деидеологизации как своего рода «идеологическому разоружению». В том же году известный французский социолог и политолог Р. Арон опубликовал книгу «Опиум интеллектуалов», одна из глав которой имела заголовок «Конец идеологического века?». В ней обосновывался тезис о несостоятельности в сформировавшихся к тому времени условиях, по мнению автора книги, трех основных идеологических течения: национализма, либерализма и марксизма. Однако вся острота критики была направлена против марксистско-ленинского понимания государства, навязывающего, по мнению автора, «правильное толкование каждодневных событий... толкование всего развития и в конечном счете — смысл человеческого бытия. Оно хочет подчинить своей псевдоистине творчество духа, деятельность общественных групп. Защищая свободу проповеди, неверующий защищает свою собственную свободу» [8. Р. 233]. Свою позицию Арон обосновывал утверждением об отсутствии объективных условий для существования в западном обществе идеологии вообще. Он называл идеологию «опиумом интеллигентов», от которого необходимо избавиться.

Наиболее законченное выражение эта идея получила в книге Д. Белла «Конец идеологии» (1960), получившей широкую популярность. Обосновывая основной тезис своего труда, Белл пытался убедить читателя в том, что процесс деидеологизации начался с переходом западного общества в постиндустриальную стадию развития, в результате чего идеология утратила свое значение в общественно-политической жизни. По его мнению, в основе этого процесса лежало исчезновение классов, на смену которым пришли социальные страты, владеющие уникальными знаниями и информацией. Белл писал, что в постиндустриальном обществе отпадает необходимость в традиционных идеологиях и предлагаемых ими приоритетах и ориентирах общественно-политического устройства, поскольку «определенный образ жизни, права, нормы и ценности, стремления, привилегии, культура — все то, что когда-то состав-

ляло исключительное достояние высших классов, — распространяется теперь на всех». Как утверждал Белл, под «концом идеологии» он подразумевал, что «прежние политические идеи и радикальные движения истощили себя и не обладают способностью возбуждать страсти или приверженность к себе среди интеллигенции» [9. Р. 20—23].

В этом вопросе с Беллом солидаризировался другой американский социолог, С. М. Липсет, который придерживался мнения, что в западном мире «решены коренные проблемы индустриальной революции: рабочие достигли полного гражданства в производственной и политической жизни, консерваторов уже не отталкивает государство благосостояния; демократическая левая признала, что безудержный рост государственной мощи скорее наносит ущерб свободе, чем способствует решению экономических задач. И это торжество демократической социальной революции на Западе означает конец политической деятельности для тех интеллектуалов, которые воодушевились идеологическими и политическими мотивами» [1. С.11].

Концепция деидеологизации была связана с идеями и теориями пост-индустриального общества и конвергенции социализма и капитализма, разработанными в основном той же группой исследователей. По их предположению, процессы экономического и технологического развития должны были толкать обе системы в одном и том же эволюционном направлении: Советский Союз будет в растущей степени опираться на рыночные механизмы, тогда как западный мир обратится к планированию. Соответственно, мир движется к системе, в которой будут реализованы положительные стороны как капитализма, так и социализма. Одну из наиболее подробно разработанных версий этой теории предложил в своих работах известный экономист и социолог Дж. К. Гэлбрейт. Он, в частности, предсказывал, что Соединенные Штаты и Советский Союз в будущем будут сближаться друг с другом, конвергировать, в результате чего рынок будет смягчаться планированием, а планирование оживляться рынком [2. С. 58—81]. В результате конфликт идеологий исчезнет. Своего рода заключительным аккордом в легитимации теории конвергенции стала совместная монография Дж. К. Гэлбрейта и советского экономиста С. Меньшикова [3].

* * *

Однако, как показал опыт последующих десятилетий, идеология неистребима, без нее невозможно представить себе серьезную политику. Английский политолог А. Макинтайр не без оснований говорил об «идеологии конца идеологий» [5. С. 44]. Итальянский исследователь Н. Боббио справедливо констатировал: «Идеологии отнюдь не исчезли, более того, они живы как никогда. На смену идеологиям прошлого пришли другие — новые или претендующие называться новыми. Дерево идеологий всегда зелено» [10. Р. 47].

Не случайным представляется тот факт, что от идей деидеологизации отказались (одни раньше, другие несколько позже) большинство самих ее авторов и приверженцев — например Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезин-

ский, Р. Нисбет и др. Так, З. Бжезинский пытался объяснить, что в своих рассуждениях о «закате идеологии» он имел в виду только догматизм, избыточное стремление к систематизаторству. Как утверждал Д. Белл, «содержание концепции “конца идеологии” отнюдь не предполагало, что... отныне интеллигенция навсегда отреклась от поисков новой идеологии» [12. Р. 24].

Последняя жирная точка над *i* в этом вопросе была поставлена в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. с развертыванием так называемой неоконсервативной волны. Достаточно отметить, что консерваторы, которые почти всегда высказывались против идеологии, выступили за реидеологизацию политики. Устами Н. Глейзера, Н. Подгореца, И. Кристола и других они провозглашали, что неидеологическая политика — это аморальная политика. И рейганизм, и тэтчеризм были основаны на вновь сформулированной идеологии неоконсерватизма.

Положение вещей радикально изменилось с окончанием «холодной войны» и распадом СССР. Развалилась прежняя идеолого-политическая ось двухполюсного миропорядка, во многом потеряло смысл само идеолого-политическое понятие «Запад». Разрушение идеологических мифов, диктовавших международно-политическое поведение ведущих стран в течение большей части послевоенного периода, означало эрозию и подрыв идеологической базы того противостояния, которое привело к расколу мира на два противоборствующих лагеря. Человечество вступило в эпоху неопределенности, безверия, разочарований и потери иллюзий. Старые боги оказались развенчаны и низвергнуты с пьедесталов, секулярные идейно-политические конструкции и утопии, равно как и великие религиозные учения прошлых эпох, какими мы их знали на протяжении всего XX столетия, в значительной мере перестали выполнять роль мобилизующих идеалов. Они либо исчерпали себя, либо потерпели банкротство, либо существенно ослабли.

В результате складывалось впечатление, что с распадом СССР и социалистического лагеря, окончанием «холодной войны» и исчезновением двухполюсного миропорядка, основанного на системном идеологическом конфликте двух блоков, всякого рода идеологии стали реликтами истории. Или иначе говоря, эти события как бы возвестили об окончательной смерти всякой идеологии. Соответственно, идея «конца идеологии» возродилась с новой силой и в новой ипостаси.

В сфере идеологии образовалась своего рода огромная «черная дыра». Это дало повод некоторым псевдопророкам заявить о «конце истории», «конце идеологии» и наступлении новой эры прагматического либерализма. Конец XX в. ознаменовался дискуссиями и спорами о статусе, роли и перспективах идеологии в современном мире. Тон и направление этим спорам и дискуссиям дали те представители интеллектуальной и политической элиты, которые заявили об окончательной победе западной демократии и, соответственно, превращении идеологии в реликт прошлого.

Так, Ф. Фукуяма в своей нашумевшей статье «Конец истории?» (1989) утверждал, что в результате распада СССР и прекращения идеологиче-

ской конфронтации между Востоком и Западом началось «завершение идеологической эволюции человечества» и формирование некоего «деидеологизированного» мира. По его мнению, западный либерализм, западная либеральная демократия одержали полную и окончательную победу, и будущее человечества лежит на путях трансформации в либеральную демократию, в общество, основанное на ценностях, принципах и установках либерализма [6. С. 134–135, 145].

За довольно примитивной по научным критериям статьей Фукуямы появилась весьма интересная, не лишенная оригинальности концепция С. Хантингтона. Суть его главного тезиса заключалась в формуле «The West against the rest» («Запад против остального мира»). «Основным источником конфликтов, — утверждал он, — будет не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой... наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими различным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов» [7]. Таким образом, полагал Хантингтон, центральной осью мировой политики станет конфликт между передовым Западом, обладающим значительной военной и экономической мощью и стремящимся принести в другие регионы свои основополагающие ценности, и остальным миром, защищающим ценности собственной культуры. На основе подобных рассуждений автор делал вывод, что завершился век столкновения идеологий и наступил век столкновения цивилизаций.

Однако, как представляется, аргументы и рассуждения Хантингтона затронули не столько суть рассматриваемой проблемы, сколько ее формальную сторону. Дело в том, что любые столкновения — независимо от того, идет ли речь о государствах, империях или цивилизациях, — происходят на основе соответствующих парадигм, социокультурных, политико-культурных кодов, в политических и геополитических реалиях, в конечном счете воплощающихся в идеологических системах.

Еще дальше в том же направлении, что и Хантингтон, продвинулись так называемые неоконсерваторы США, идеи и установки которых служили одной из основ внешнеполитической стратегии президента США Дж. Буша-младшего с ее идеей экспорта демократической революции. Идеи же о конце истории и идеологии, постэкономическом обществе и проч. на деле оказались лишь суррогатами, не имеющими ничего общего с реальным положением вещей. Можно согласиться с мнением французского исследователя А. Дель Валля, что «конец истории — это в любом случае иррациональная концепция, которая не опирается ни на какие факты. Это почти что религиозное верование» [4].

При всей примитивности аргументов сторонников концепции «конца истории» с ними можно согласиться в одном: мы действительно являемся свидетелями конца истории, но истории евроцентристского (или евро-американо-центристского) мира, созданного европейцами и американцами в их собственных интересах и интерпретируемого ими по

своему усмотрению. Да, конец истории евро-американо-центристского мира — реальность, от которой никуда не уйти. Однако, признав, что знаменитая киплингская формула «Бремя белого человека» окончательно стала артефактом из архива исторического лексикона, следует отметить, что на мировую авансцену в качестве равновеликого субъекта истории уже вступил «желтый человек», одновременно на этот статус все настойчивее претендует и «человек смуглый». Началась новая история полицентрического миропорядка. Западным, в первую очередь американским, триумфаторам после первоначальной эйфории 1990-х гг. постепенно приходится осознавать, что «конец истории» и «конец идеологии» так и не успели начаться. Остается только воскликнуть: «Идеология умерла! Да здравствует идеология!» и «Истории пришел конец! Да здравствует история!»

* * *

Основные тенденции развития современного мира показывают, что рассуждения о смерти идеологии и потере ею роли как одного из важнейших факторов, оказывающих существенное влияние на характер и направления этого развития, не имеют под собой оснований. Вместе с тем идеи и теории, которые десятилетиями демонстрировали свое соответствие реалиям и способность предложить необходимые направления и инструменты решения общественных проблем, продемонстрировали свою несостоятельность. Требуется переоценка многих привычных ценностей, смена самой парадигмы мироустройства.

Как правило, в политической жизни важны не столько те или иные идеи сами по себе, сколько то, как и в каком контексте, в каких целях они провозглашаются и используются. Одни и те же идеи могут быть применены как в созидательных, так и в разрушительных целях. К примеру, ценности, принципы, идеи прав и свобод человека, гражданского общества, правового государства и др., выдвинутые такими мыслителями Нового времени, как Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, И. Кант, Т. Джефферсон и составившие основу либерализма, сыграли одну из ключевых ролей в развитии человечества на путях беспрецедентного социального, экономического, научно-технологического и политического прогресса.

Не секрет, что некоторые, изъятые из контекста, превратно истолкованные идеи, доведенные до логического завершения, могут быть использованы для обоснования радикальных и даже экстремистских идеологий, будь то анархизм, либертариизм, индивидуализм — с одной стороны и различные варианты авторитаризма и тоталитаризма — с другой. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить современные версии консерватизма с их прототипами XIX и первой половины XX в. или классический либерализм XIX в. с современным социальным либерализмом, которые во многих основополагающих аспектах радикально отличаются друг от друга. Каждая эпоха вырабатывает и исповедует собственные «-измы», хотя часто к ним присовокупляют и префикс «нео-». Так происходило с теми же либерализмом и консерватизмом. В действительности в большинстве случаев мы имеем дело с новыми явления-

ми, порожденными современными реалиями, хотя к ним искусственно привязываются названия, ярлыки и стереотипы, заимствованные из прошлого.

Существуют некие внутренние механизмы и особенности зарождения, достижения зрелости и постепенного самоисчерпания мобилизационных и интеграционных возможностей разного рода идей, теорий, идеологий, призванных в каждый конкретный исторический период выявить и провозгласить соответствующие духу времени доктрины, претендующие на раскрытие закономерностей общественно-исторического развития. Начиная примерно с последней четверти XX в. эрозия многих левых, социалистических и коммунистических идей и идеологических конструкций стала свершившимся фактом. Однако, как убедительно продемонстрировал опыт последних десятилетий, крах какого-либо одного (например, коммунистического) идеала не обязательно означает победу другого, казалось бы, более совершенного (например, либерального) идеала. Неудача левого проекта в его традиционной версии отнюдь не служит свидетельством совершенства и безальтернативности западного либерального пути общественно-исторического развития.

Ведущие течения западной общественно-политической мысли, в том числе и либерализм, за редким исключением продемонстрировали свою неспособность адекватно реагировать на новые вызовы времени.

Сейчас все более очевиден тот факт, что ведущие течения западной общественно-политической мысли, в том числе и либерализм, за редким исключением продемонстрировали свою неспособность адекватно реагировать на новые вызовы времени. Они не в состоянии разработать и предложить соответствующие новым реалиям масштабные позитивные идеи, проекты и альтернативы социокультурного и политико-культурного развития современного мира, которые могли бы служить в качестве объединяющих и мобилизующих народы идеалов. Люди перестают верить как реформаторам, так и революционерам. Великие программы, как и всякого рода отрицания и табу, более не воодушевляют и не вызывают ни энтузиазма, ни страха.

С учетом этого следует рассматривать тот факт, что социальный и экономико-технологический прорыв в Восточной Азии сопровождался мощными культурологическими и социально-психологическими сдвигами, в ходе которых народы региона в значительной мере преодолели комплекс неполноценности в отношении Запада. Существует определенный круг идей, ценностей, принципов, установок, которые в совокупности составляют так называемую «азиатскую модель», или «азиатскую идею», лежащую в основе бурного экономического восхождения

стран региона. Ключевым является слово «азиатская», поскольку в данном случае речь идет не просто о какой-либо конкретной национальной, а именно об азиатской модели. «Азиатизация Азии» — так японский журналист Й. Фунабаши красноречиво назвал статью, посвященную проблеме возрождения азиатского сознания.

«Азиатские ценности» все настойчивее противопоставляются западным либеральным и социал-демократическим ценностям. Родовое противоречие современного западного общества состоит не в выборе, а в конфликте между коллективными и частными началами. Азиатская же идея строится на стремлении интегрировать их в единую систему. Примечательно, что, признавая всеобщий характер прав человека, Бангкокская декларация, принятая азиатскими государствами в апреле 1993 г., подчеркивала, что они должны рассматриваться в контексте динамического и изменчивого процесса утверждения международных норм, памятуя о важности национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных традиций. Сторонники азиатской идеи на собственном опыте убедились, что способны делать почти все, если не все, — причем не хуже, если не лучше, чем западные народы, — и на равных конкурировать с ними в важнейших сферах общественной жизни. В качестве частных случаев азиатской идеи в дополнение к «японской модели» («японское чудо») выдвигаются «китайская модель», «модель новых индустриальных стран» и др., которые бросают вызов американской идее и англосаксонской модели рыночной экономики. Впрочем, в условиях неуклонного усложнения мировой экономики все труднее становится определить, какие из этих моделей в должной мере соответствуют социокультурной и политико-культурной матрице каждого отдельно взятого народа.

В то время как весь незападный мир как будто принимает принципы рыночной экономики, а некоторые народы — также те или иные институты политической демократии, на самом Западе усиливается интенсивность критики наследия Просвещения и его детищ в лице индивидуализма, прогресса и политической демократии. К тому же Запад не раз давал козырные карты в руки вождей и идеологов различных форм тоталитаризма и авторитаризма. Проблема состоит, помимо прочего, в том, что в целом Запад пока так и не сумел выдвинуть убедительный миф или идеологическую систему, соответствующую новым реалиям мира.

* * *

В современном мире большинство сообществ, движений, организаций знают, чего они *не хотят*, но не имеют представления о том, чего *хотят*. Создается впечатление, что все более растущее число людей желает свержения и богов, и властителей. Однако они сталкиваются с ситуацией, когда нет смысла их свергать, поскольку невозможно искоренить дух этих богов и властителей из общественного сознания. Под вопрос поставлена сама возможность и правомерность каких бы то ни было программных, политико-идеологических построений в качестве мобилирующих идеалов. В связи с этим возникает множество вопросов. Спо-

собна ли вообще демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей? Может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной «-изм» заполнить тот вакуум, который образовался после утраты привлекательности традиционных идеологических систем? Какие именно факторы и приоритеты определяют основные векторы развития человечества?

При поисках ответов на эти и другие вопросы необходимо исходить из того, что идеологии, призванные служить в качестве связующих звеньев тех или иных сообществ, социальных классов и слоев, не могут исчезнуть навсегда. Неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, которые заполняют образовавшийся вакуум, принимая иные очертания. Каждое поколение, каждое сообщество людей не может не творить собственную историю, не может не создавать собственную модель общественно-политической самоорганизации, свой образ жизни с присущим ему комплексом ценностей, установок и принципов, которые так или иначе включают в себя значительный элемент идеологизации. Другое дело, что в разных общественно-исторических условиях они принимают разные очертания.

Наше время не самое благоприятное для полета гуманитарной мысли. Компьютеризация гуманитарного знания обедняет и упрощает его, ведет к потере трагического мироощущения и насаждению квантитативного, сугубо бухгалтерского отношения к реальности. В нашей стране эта тенденция получила, среди прочего, воплощение в различных формах ЕГЭзации системы образования (возможно, и нужной в точных науках, но неприемлемой в гуманитарных). По сути дела, она снижает, если не сводит на нет, способности подрастающего поколения адекватно понимать и творчески осмысливать тенденции общественно-исторического развития и перспективы современного мира.

Не случайно восхождение и утверждение гегемонии компьютера совпали с прогрессирующим упадком гуманитарного мировидения. Именно благодаря компьютеру в сознании современного человека удивительным образом сочетаются всезнание и неосведомленность, чувство всемогущества и вопиющей неуверенности. Всевозрастающий эзотеризм научных знаний ведет к тому, что каждый может ориентироваться только в собственной узкой сфере. Широкое распространение образования парадоксальным образом сочетается с фрагментацией, диверсификацией, расчленением знаний и потерей способности целостного, всеохватывающего мышления. Но это вовсе не означает потерю потребности людей в целостности, органичности восприятия мира.

Нынешняя ситуация характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием цельных и последовательных теорий и идеологий. Мировые процессы приобретают настолько быстрые темпы, что сама реальность становится как бы эфемерной, постоянно ускользающей, неуловимой, теряется ясность очертаний социальных и политических феноменов, их границы становятся аморфными, зыбкими. Возрастает роль вероятностных, событийных начал, динамизма и неустойчивости, необратимости и индетерминизма. В результате уси-

ливается чувство неопределенности, непредсказуемости и случайности мировых процессов. Люди оказываются неспособны вовремя осознать и адекватно реагировать на происходящие изменения. Более того, многообразие возможностей, открываемых научно-техническим прогрессом, стирает четкую грань между практически возможным, вероятным и достижимым. В определении реального статуса того или иного государства увеличивается значение полицентричности миропорядка, многофакторности и динамичности происходящих в нем процессов. В результате реальность как бы выходит за пределы возможностей исследователя «поймать», ощутить и изучить, сколько-нибудь объективно проанализировать ее, без чего часто становится невозможно принятие решений, соответствующих происходящим переменам.

Налицо парадокс. С одной стороны, отвергаются традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий. С другой стороны, создаются условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий. Несмотря на все попытки демифологизации, развенчания сакрального, в современных условиях мифы, большей частью секулярные, постоянно производятся и воспроизводятся. При распаде и эрозии влияния традиционных религиозных и идеологических систем место коллективных идеалов и мобилизующих мифов, образно говоря, недолго остается вакантным.

Возникает благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, а с другой — универсалистских, космополитических, анархистских, либертаристских идей и установок, не признающих целостности, дисциплины, ответственности и т. д. При таком положении дел для дезориентированных масс национализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в современных условиях как идеологии правого и левого радикализма, так и более уважаемые конструкции консерватизма и либерализма возрождаются, мимикрируя и приспособляясь к новым реальностям. Не случайным представляется и всплеск так называемых возрожденческих движений в исламском и индуистском мирах, национализма и партикуляризма, разного рода фобий почти во всех регионах земного шара. Хотя, конечно, сам феномен «возвращения священного» и «нового религиозного сознания» в секуляризованном обществе выглядит несколько абсурдным.

Вот почему представляется не совсем корректным рассматривать религиозный фундаментализм, национализм, расизм и нетерпимость во всех их проявлениях исключительно через призму истории, как некие реликты прошлого, несовместимые с настоящим, тем более с будущим. Между тем, когда не совсем четко определена природа этих явлений, они очень часто изображаются в качестве некоего возрождения давно преодоленных тем или иным сообществом феноменов прошлого. В ре-

зультате они предстают в качестве неких фантомов, не имеющих почвы в современном мире.

Важно подчеркнуть, что фундаментализм с его упором на идеи возврата к «истокам», разделением мира на «наших» и «чужих» может быть не только исламским, но и католическим, протестантским, православным, либеральным, рыночным, праворадикальным, большевистским и т. д. Все они представляют собой своеобразную реакцию на нарастание сложности и секуляризацию мира. Так что почва для их появления и распространения в современных условиях, несомненно, имеется.

Но в связи с этим возникает множество новых вопросов, на которые еще никто не сформулировал ясных ответов. Где найти те идеи или идеалы, которые способны служить в качестве духовных основ современности? Не поисками ли ответов на эти и другие вопросы вызван всплеск новых религиозных движений, дающий о себе знать повсюду в мире, и не противоречит ли он процессу секуляризации современного общества? Не оказалась ли ложной перспектива окончательного преодоления религиозной веры в процессе модернизации и связанной с ней секуляризации сознания?

Однозначных ответов на вопросы, затрагивающие основополагающие аспекты жизни народов, нет. И это не удивительно, если учесть происходящие на наших глазах и все ускоряющиеся сдвиги поистине глобального масштаба. Порожденные сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, эти сдвиги в значительной степени лишены прежних четких идеологических оснований и способны ввести в смятение миллионы людей. Последствия этого усиливают конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями.

Очевидно, что современный сложный, многогранный, плюралистический во всех отношениях мир невозможно обозначить каким-либо одним вектором развития и втиснуть в прокрустово ложе какой-либо одной идеи, формулы, модели. Осознание этого факта приобретает дополнительную значимость в условиях, когда новейшие информационно-телекоммуникационные, био-, нано- и иные высокие технологии стали универсальным средством экономического, военно-промышленного, политического и геополитического развития. Впервые в истории человечества электронные средства массовой информации, которые функционируют в соответствии с рыночными принципами конкурентоспособности и эффективности, определяют ценности и модели социальных ролей. Те культурные стереотипы, социально-психологические образы действительности и установки, которые создаются средствами массовой информации, становятся неким аналогом светской религии.

Они лишены отличительных признаков «левизны» и «правизны» в традиционном смысле этих понятий. Главными становятся эффективность, рейтинг. Создается впечатление, что «технологический императив» приобрел едва ли не прочность аксиомы. А экономический рост, как

верно подметил Д. Белл, стал «своего рода новой общемировой метафизической религией». Технологии по своей природе нейтральны, — они располагаются по ту сторону добра и зла. Существует реальная угроза того, что научно-технологический и экономический прогресс, оторванный от духовной сферы, культуры, морали, идеалов, при определенных условиях может привести к нравственной деградации общества.

Можно утверждать, что мировое информационно-идеологическое пространство превращается в поле битвы за влияние, власть, престиж, в арену глобальной войны идей, различных моделей общественного устройства и образов жизни, доктрин, имиджей и авторитетов за передел мировых рынков, за мировое лидерство. Взаимно дополняя и одновременно соперничая друг с другом, эти идеи и модели оказывают возрастающее влияние как на перспективы развития человечества в целом, так и на судьбу отдельно взятого человека.

Литература

1. **Гальцева Р., Роднянская И.** Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М., 2012.
2. **Гэлбрейт Дж. К.** Новое индустриальное общество. М., 1969.
3. **Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С.** Капитализм, социализм, сосуществование. М. : Прогресс, 1988.
4. **Дель Валь А.** Так ждаты ли нам конца истории? — <http://inosmi.ru/world/20140615/221004010.html> (дата обращения: 27.12.2016).
5. **Деменчонок Э. В.** Современная технократическая идеология в США. М., 1984.
6. **Фукуяма Ф.** Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
7. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций? — <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (дата обращения: 27.12.2016).
8. **Aron R.** L'Opium des intellectuels. Paris, 1955.
9. **Bell D.** The End of Ideology. Glenon, 1960.
10. **Cotroneo G.** Le nuove frontiere del pensiero politico dopo la fine della ideologie // Il liberalismo come pratico della libertà. A cura di G. Pagano. Napoli, 1997.
11. V Conferenza Internazionale Congresso per la libertà della Cultura «L'Avvenire della Libertà». Milano, 12—17 settembre 1955.
12. The Public Interest. 1970. № 21. ◆

Правда и ложь идеологии: марксизм и постмодернизм

© Славин Б. Ф.

© Slavin B.

Правда и ложь идеологии: марксизм и постмодернизм

Truth and Lie of Ideology: Marxism and Post-Modernism

Аннотация. По мнению автора статьи, основоположники марксизма никогда не считали идеологию проявлением только «ложного» или «иллюзорного» сознания. На самом деле идеология бывает правдивой и ложной, научной и иллюзорной, она может возвышать и принижать человека; одним словом, ее роль в обществе трудно переоценить. В связи с этим в статье предпринят анализ и сравнение таких современных идеологий, как марксизм и постмодернизм.

Annotation. According to the author of the article, founders of Marxism never considered ideology as manifestation only of “false” or “illusory” consciousness. Actually, ideology may be truthful and false, scientific and illusory; it can upraise or belittle the person. In a word, its role in society can hardly be overestimated. In this regard, the article gives a detailed analysis and comparison of such modern ideologies as Marxism and Post-Modernism.

Ключевые слова. Философия, идеология, иллюзия, наука, политика, марксизм, постмодернизм, классы, социализм, капитализм.

Key words. Philosophy, ideology, illusion, science, policy, Marxism, Post-Modernism, classes, socialism, capitalism.

Критерием жизненности любой идеологии всегда является ее конечное соответствие действительности. Каждый раз, когда идеология отвечала вызовам времени и потребностям масс, она стимулировала поступательное движение общества, и, напротив, ее отрыв от реальной жизни приводил к политическим ошибкам и человеческим трагедиям.

Среди современных философов и идеологов левого и правого толка распространено однозначное мнение о «ложном», или «иллюзорном», характере любой идеологии. Как же смотрели на идеологию Маркс и Энгельс? По моему мнению, они никогда не считали идеологию проявлением только «ложного», или «иллюзорного», сознания. Эти эпитеты, как правило, относились у них к носителям сугубо идеалистической философии или представителям «вульгарной» политэкономии, не желающим замечать противоречий собственных взглядов и реальной действительности.

Есть идеология и *идеология*. Говоря о научном происхождении идеологии и ее специфике, классики марксизма писали: «...для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности» [5. С. 25].

Как отмечает современный исследователь творчества К. Маркса А. Баллаев, здесь нет ни слова «о лжи» идеологии — что лишний раз, по его мнению, подтверждает последовательное следование Маркса глубокой традиции «философии тождества». К сожалению, сам А. Баллаев, критикуя тех, кто считает идеологию только «ложным сознанием», в свою очередь приходит к выводу о том, что «в своей основе идеология — самообман, иллюзия». По его мнению, она составляет «иллюзорную часть» или «сторону сознания» [1. С. 111, 136, 125, 134]. На мой взгляд, такой вывод не менее односторонен, чем критикуемые им утверждения о «ложном» характере идеологии.

Следует отметить, что трактовку идеологии как сугубо «ложного», или «иллюзорного», сознания нередко переносят на сам марксизм, подвергая его критике за утопизм и неадекватность действительности. При этом марксизм объявляется то своеобразной «светской религией» (Э. Гелнер), то «утопией» (К. Манхейм), то орудием «манипуляции» (Р. Пайпс). К тому же критики марксизма никак не хотят замечать принципиального различия взглядов его основателей и той идеологии советских времен, которая базировалась на догматических установках «Краткого курса истории ВКП(б)», являющегося на самом деле фальсификацией марксизма, сближающего его со светской религией.

С точки зрения марксизма, в идеологии, принадлежащей к сфере «идеального», отражается социальная практика человека с ее нравственными и правовыми нормами, политикой, мировоззрением, искусством, литературой и т. д. Являясь совокупностью идей и взглядов, в которых осознается отношение людей к окружающей их действительности и друг к другу, идеология выступает важнейшей стороной современного общества. Она во многом определяет смысл жизни людей, их духовную и гражданскую идентичность.

Особенно следует отметить органическую связь идеологии и политики: идеология во многом выступает концентрированным выражением политики, ее стратегии и тактики. Поскольку политика нассквозь пронизана классовыми интересами, постольку идеология выражает, или концентрирует, эти интересы — т. е. идеология всегда имеет классовый характер. В этом смысле различают феодальную, буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую идеологии, в которых выражено отношение этих классов к действительности.

На самом деле идеология бывает правдивой и ложной, реальной и иллюзорной, она может возвышать и принижать человека — одним словом, ее роль в обществе трудно переоценить. XXI в. с его глобальными экологическими проблемами, атаками международного терроризма, мировыми экономическими кризисами, межнациональными и социальными конфликтами предъявляет жесткие требования к идеологии, призванной объяснить противоречия и перспективы развития современного человеческого сообщества.

Идеологию нередко пытались и пытаются обосновывать с помощью аргументации, в частности, таких естественных наук, как физика, география, биология и др. При этом нередко данные науки используются для того, чтобы доказать неизменный и даже вечный характер общественных отношений и идей, выражающих эти отношения. В этом смысле естественнонаучное обоснование идеологии выполняло и выполняет консервативно-охранительную функцию в обществе.

Однако с развитием естественных наук все большую роль в них начинают играть методы, связанные с анализом качественных изменений природных объектов. Это сближает их с общественными науками. В связи с этим становится более понятным утверждение основателей марксизма о том, что «мы знаем только одну-единственную науку, науку истории» [5. С. 16]. Здесь речь идет не столько о традиционной исторической науке, сколько об историзме как принципе или методе, одинаково необходимом для рассмотрения как общественных, так и природных явлений. Отсюда становится прозрачной и другая их мысль о том, что со временем «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [5. С. 124]. К сожалению, сближению естественных и общественных наук, на мой взгляд, мешает философская традиция, подвергающая сомнению саму возможность существования общих законов исторического развития природы и общества [9. С. 29—35; 10. С. 485—486]. Но такие законы есть; их и фиксирует диалектика как логика и теория познания.

Рассмотрим теперь, что же связывает общественную науку и идеологию, и чем они отличаются друг от друга. Прежде всего, для общественной науки и идеологии общей является та реальная действительность, которую они отражают как специфические формы общественного сознания. Различие состоит в том, что общественная наука отражает эту действительность в теоретических понятиях и законах, а идеология не только в понятиях, но и в образах, ценностных суждениях, политических программах, лозунгах и т. п. Общественная наука всегда на стороне объекта, идеология — на стороне субъекта. Занимаясь познанием социальных объектов, наука ставит своей целью выявление истины, не зависящей от сознания человека.

Что же касается идеологии, то она напрямую обращена к людям и их сознанию. В частности, она выражает политические идеи и взгляды различных общественных объединений, социальных групп, этносов, наций и т. д. Идеология часто использует понятия и выводы общест-

венной науки, но наука не терпит «идеологизации», которая мешает ей объективно смотреть на мир. Конечная цель науки — познание мира, цель идеологии — его изменение. В этом смысле идеология связывает науку с практической деятельностью людей. Особенно это относится к научной идеологии, которая по своему определению должна исходить из науки и опираться на ее выводы. Историки науки и идеологии часто отмечают противоречивое взаимодействие и взаимовлияния этих двух сторон общественного сознания. Думаю, здесь правы те, кто считает, что не только в идеологии есть элементы науки, но и в науке элементы идеологии, связанные с мировоззрением людей [3].

Повторим: идеология как часть общественного сознания может адекватно и неадекватно выражать действительность. По мнению Маркса, неадекватность, «ложность» или «иллюзорность», идеологии является следствием «ограниченности» «материальной деятельности» людей и их «общественных отношений» [5. С. 24]. Ограниченный, или более точно, отчужденный характер общественных отношений — вот конечная причина «иллюзорного» или «ложного» характера, например, буржуазной идеологии в современном обществе. С преодолением такого отчуждения (теоретического или практического) исчезает и иллюзорный характер идеологии. Именно такой идеологией и стал, в частности, социализм, который Ф. Энгельс вполне сознательно, а не «неосторожно» объявил (А. Баллаев) наукой.

Это была новая наука об условиях и законах освобождения рабочего класса и всего человечества от эксплуатации, несправедливых и антигуманных отношений в современном мире. Ее новизна заключалась в том, что она была не отвлеченным академическим теоретизированием, а основой практического изменения общественных отношений. На этой основе и сформировалась научная социалистическая идеология, призвавшая массы трудящихся к изменению несправедливого мира. Говоря философским языком, в такой идеологии органически соединялся теоретический и практический разум. Вот почему слово «социализм» одинаково применимо и к названию науки, и к названию идеологии.

Марксизм — это целостное мировоззрение, органически включающее в себя как материальные, так и идеальные стороны реальной жизни. Его не следует трактовать как сугубо экономическое учение, противостоящее духовным ценностям и идеалам [7]. Сторонникам такого, по сути дела, вульгарного прочтения марксизма можно возразить известной фразой Маркса о том, что если они считают себя марксистами, то в этом случае «ясно одно, что сам я не марксист» [12. С. 324].

К науке и научной идеологии всегда тяготели зарождающиеся прогрессивные силы, нуждающиеся в объективной картине мира. Напротив, старение этих сил вело их к отказу от науки, с одной стороны, и к критике научной идеологии, с другой. Методологическим инструментом подобной критики сегодня является философский релятивизм, находящий свое наиболее полное выражение в идеологии постмодернизма.

В свое время Герберт Маркузе, критикуя буржуазное общество, в котором партия, защищающая капитализм, называется «социалистической»,

деспотическое правительство считается «демократическим», а сфабрикованные выборы объявляются «свободными», очень удивлялся тому, что подобную ложь может принимать «общественное и частное мнение» [6. С. 127]. Сегодня он удивился бы гораздо больше, узнав, что постмодернисты предлагают вообще отказаться от категории объективной истины и основанных на ней идей и научных концепций («метанарративов»). По их мнению, рассуждения о научной истине, высоких моральных ценностях, социальных идеалах есть атавизм, есть пережиток давно ушедшей эпохи Просвещения, эпохи Модерна и т. д. Один из авторов понятия «постмодернизм» Ж.-Ф. Лиотар писал, что оно «обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве, в конце XIX века» [4. С. 139]. По мнению ведущих представителей постмодернизма, необходимо разорвать связи с прошлым и заменить «современность» «постсовременностью» (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гватари и др.).

Постмодернисты предлагают отказаться от категории объективной истины и основанных на ней идей и научных концепций («метанарративов»). По их мнению, рассуждения о научной истине, высоких моральных ценностях, социальных идеалах есть атавизм, пережиток давно ушедшей эпохи Просвещения, эпохи Модерна и т. д.

Родившись как своеобразное отрицание авторитарных и тоталитарных порядков современного мира с их некритической догматикой в духовной сфере, с «языком тотального администрирования» и действительностью, похожей на общество, описанное Оруэллом, постмодернизм предлагает сделать основными средствами познания такие сугубо абстрактные понятия, как «текст», «ризома» (отсутствие какой-либо структуры и центра), «след», «смысловая неразрешимость» и т. д. (Ф. де Соссюр, Ж. Деррида, М. Фуко). Мало того, с позиций последовательного постмодернизма, даже в этих явно не субъектных понятиях не следует искать какого-либо объективного содержания, ибо определенность в языке и политике может способствовать лишь манипулированию сознанием людей. Как известно, любая истина, с точки зрения постмодернистов, «репрессивна» [2].

В результате такого сугубо релятивистского подхода к явлениям современной общественной и культурной жизни происходит полное смешение обыденных, научных и нравственных понятий, становятся неразличимыми такие фундаментальные ценности человечества, как жизнь

и смерть, добро и зло, истина и заблуждение, наука и утопия. В итоге подобной «игры» с важнейшими понятиями науки и нравственности становится невозможной вообще познавательная деятельность человека, не говоря уже о сознательном формировании научного мышления, функционировании систем образования и воспитания, осуществляющих связь поколений.

В этом плане наиболее радикальные критики постмодернизма убедительно показывают всю ложность его отказа от объективных критериев в науке, идеологии и нравственности. «Идея отрицания объективной истины, — пишет философ Л. К. Науменко, — влечет за собой утверждение объективной истины. Ибо отрицание истины тоже выдается за истину. Лучшее опровержение Делеза — сам Делез. Если истина репрессивна, то и репрессивность истина. За что же тогда упрекать истину? И за что упрекать палача, насильника, диктатора, наконец — просто хама? Ведь если бог истины умер, а с ним и субъект, то остается только “аппетит”, а он не подсуден, не истинен и не ложен, не нуждается в “смысле”, ибо он сам и есть этот смысл» [8. С. 276].

Однако, несмотря на свою внутреннюю противоречивость и познавательную иллюзорность, идеология постмодернизма до сих пор остается в моде. Мало того, по рыночным меркам она ценится достаточно высоко. Не случайно на основе постмодернистского «разума» сегодня пытаются анализировать экономические и политические явления общественной жизни, пишутся философско-эстетические трактаты, создаются произведения литературы и искусства. И хотя теоретическая и эстетическая ценность подобных трудов невелика, они дают определенный духовный срез современного общества, демонстрируя при этом его отчужденное и кризисное состояние.

В этом плане постмодернизм есть своеобразный «диагноз» нашего времени с его откровенной ложью «верхов» и пассивностью «низов», с его постоянным извращением понятий истины, добра и красоты. В этом убеждаешься каждый раз, когда современные средства массовой информации и пропаганды в угоду своим хозяевам называют, например, вооруженную агрессию крупнейшей сверхдержавы против небольшой азиатской страны «защитой демократических ценностей». Когда с трибуны ООН официальные представители этой сверхдержавы вводят в заблуждение мировое общественное мнение относительно подлинных причин такой агрессии. Когда постоянно отождествляются интернациональные ценности левых организаций с правыми взглядами националистов и неонацистов. Когда массовое движение антиглобалистов представляют всего лишь как сборище хулиганов, бьющих витрины магазинов. Когда в ранг высокой культуры возводятся сенсационные поделки и даже физиологические откровения известных представителей так называемого современного искусства. На мой взгляд, относясь терпимо к подобным методам оболванивания людей и даже поощряя их, современное общество начинает постепенно отрицать само себя, ибо оно не сможет долго существовать без использования подлинно научных понятий и всеобщих идеалов правды, справедливости, добра и красоты.

Постмодернисты часто называют себя «клиницистами» современной культуры. И они в определенной мере таковыми являются. Но, отождествив себя с этой культурой и ее болезнями, они не в состоянии их лечить. Поэтому правы те критики постмодернизма, которые не верят в «искренность» его идейных установок и деклараций. По их мнению, постмодернизм «не играет, он нас разыгрывает. Его улыбка — это маска. И верить ей нельзя» [8. С. 280].

Что же собой представляет современный постмодернизм как идеология? Каково его влияние на сознание людей и в частности — на представителей художественной интеллигенции России?

На мой взгляд, постмодернизм есть идейное течение современной буржуазной мысли эпохи зарождения глобального капитализма и крушения советской модели реального социализма. Классический капитализм эпохи модерна рухнул, социализм в его тоталитарной, сталинской версии тоже «приказал долго жить». Одним словом, «все смешалась» и «перевернулось» в новом глобальном доме. Это смешение и переворачивание породили соответствующую идеологию: ею и стал постмодернизм. В этом смысле постмодернизм есть реакция на современный капитализм, где разрушены границы добра и зла, истины и заблуждения, прекрасного и безобразного.

На самом деле эти границы и критерии, конечно, существуют, но господствующая духовная элита буржуазного общества это не хочет замечать. Ей выгодно, когда говорят, что теория социализма устарела, что уже давно нет классов, эксплуатации, истины и справедливости. Отсюда многие сюжеты и тексты постмодернистов, которые философски обосновывают подобные утверждения. В действительности, конечно, продолжают существовать эксплуатация, классы и классовая борьба, стремление миллионов людей к справедливости, истине и красоте. Однако все это постмодернизм объявляет устаревшими высказываниями (нарративами), лишенными содержания. Все течет, и в этом глобальном потоке социальной жизни нет ничего, за что можно было бы ухватиться: нет центра и периферии, нет высокого и низкого, даже смерть и жизнь являются истинами относительными, которыми можно пренебречь. Одним словом, все относительно в этом мире.

Откуда, например, возникла идея постмодернизма об устарелости и ложности больших нарративов? Думаю, из реальной действительности. Например, долгое время считалось истиной сталинское высказывание о «полной и окончательной победе социализма» в СССР; но оно оказалось ложным. Ложными оказались и великие нарративы буржуазной эпохи Модерна с его ценностями: Свобода, Равенство, Братство. В этом смысле постмодернизм по-своему «ухватил» реальность, но «ухватил» односторонне. В чем его гносеологический недостаток? В релятивизме. От того, что многие большие нарративы и ценности оказались ложью, вовсе не следует, что все нарративы и ценности есть ложь. От того, что многие идеологии оказались иллюзорными, вовсе не следует, что все идеологии есть ложь и иллюзия — как думают постмодернисты и подыгрывавшие им некоторые марксисты. Так, исходя из ложности «немецкой

идеологии» младогегельянцев, вовсе не вытекает ложность марксистской идеологии — как думают некоторые отечественные критики «русского» марксизма.

Идея постмодернистской деконструкции есть, по сути дела, ложная релятивистская идея, не признающая возможности существования абсолютной истины и правды. Это идея фактического разрушения любого смысла, любых нравственных, научных и идеологических ценностей. Что же тогда остается, за что же тогда ухватиться? По мнению бывшего либерального марксиста, а затем православного священника Сергея Булгакова, человек не может нормально и осмысленно жить, если он не стоит на твердой почве. Поскольку все материальное, включая Землю, не может являться такой почвой (все материальное течет и изменяется во времени), то Булгаков приходит к идее Бога, как вечного и неизменного творца этого мира.

Но для постмодернистов Бог тоже есть большой нарратив, который не может обладать истиной, поскольку последняя сугубо относительна. Где же тот пункт, на который можно опереться в познании и жизни? На чем «сердце может успокоиться»? У постмодернистов ответа на эти ключевые вопросы нет. Практики, как критерия истины, для них не существует. В этом смысле постмодернизм переживает кризис и, возможно, он скоро сойдет со сцены¹.

Однако, чтобы окончательно уйти в небытие, постмодернизм, я полагаю, должен был дойти до крайности, до своего собственного отрицания. И на мой взгляд, он уже к этому подошел — в частности в литературе наших русских постмодернистов. Рассмотрим это на конкретном примере. Неделю назад супруга принесла мне одно из последних литературных произведений В. Сорокина с просьбой прочитать и дать ему оценку. С ее слов, она ничего в нем не поняла, а хотела бы обсудить со студентами. Я не хотел читать, потому что знал более ранние вещи этого автора и имел о них свое, в основном негативное, мнение. Жена меня уговорила. Стал читать его рассказ «Настя». Никто из вас не читал? Советую это сделать — хотя заранее предупреждаю: для его прочтения нужны крепкие нервы.

Рассказ начинается с описания главного его героя — молодой и романтической девушки Насти. Она во многом напоминает светлый образ Наташи Ростовской у Льва Толстого. Настя смотрит в открытое окно и радуется жизни. Ей исполнилось 16 лет. Она полна безоблачных мечтаний и надежд на лучшую и красивую жизнь. Приходят гости, чтобы отметить ее день рождения, дарят ей подарки. Один из родственников дарит ей «золотую брошь с латинской надписью.

— “Transcendere!” — прочитала Настя. — А что это?

— “Преступи пределы!” — перевел Лев Ильич.

— Ну, брат! — Отец замер с вилкой у рта, покачал крутолобой головой. — А меня упрекаешь в буквальном понимании!» [11. С. 12].

¹ Далее я использую текст моего выступления на семинаре в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, посвященном теме «Марксизм и постмодернизм».

О каком же «буквальном понимании» сказал отец Насти? Оказывается, речь идет о философии Ницше, которая была предметом обсуждения родственников незадолго до застолья, посвященного, чему бы вы думали? Ни много ни мало, как предстоящему... зажариванию и съедению Насти в день ее рождения. Автор долго и в сугубо натуралистической манере описывает данный процесс. Он специально углубляется в детали, подробно раскрывая процесс привязывания живой Насти к лопате, погружения этой лопаты в печь и т. д.

— *Участники дискуссии:* Дальше не надо!

— *Б. Ф. Славин:* Я хочу, чтобы вы почувствовали современный постмодернизм в его «лучших» литературных формах.

Итак, В. Сорокин подает свою зажаренную героиню к столу и подробно описывает процесс ее коллективного поедания под философские разговоры о смысле жизни. При этом он не упускает различные детали и вкусовые нюансы этого совершенно иррационального пиршества. Вот такой «простенький» пример современного постмодернистского литературного творчества.

Скажу сразу: на мой взгляд, этот рассказ есть апогей всей современной постмодернистской литературы. Здесь в предельно образной форме автор показывает, что в человеческом мире не существует никаких границ: ни интеллектуальных, ни нравственных. Он провозглашает «выход за любые пределы» и любые табу в человеческих отношениях.

Откровенный каннибализм — вот единственная положительная ценность современной эстетики постмодернизма, пропагандируемая В. Сорокиным. Абсолютов ныне не осталось ни в жизни, ни в искусстве — все относительно и все возможно, вплоть до воспевания смерти и сугубо физиологических потребностей. Напомню, что каннибализм был закономерным явлением, когда человек только начал выходить из животного состояния. Он возрождался лишь в экстремальных условиях человеческого существования типа блокадного Ленинграда, но никогда не был и не мог быть сутью человеческой жизни, ибо жизнь есть отрицание смерти, есть борьба с ней.

Не свидетельствует ли искусство слова, воспевающее смерть как единственную ценность, о глубоком кризисе этого искусства и эстетики, лежащей в его основе? Нужен ли современному обществу такой постмодернистский «подарок»? Мне жена рассказала, что обсуждение упомянутого рассказа В. Сорокина в студенческой аудитории вызвало у абсолютного большинства студентов негативное к нему отношение, и лишь одна студентка пыталась трактовать этот рассказ как «символический протест» против «потребительского общества». Оставим подобную трактовку на ее эстетической совести.

Однако в чем же идеология постмодернизма отражает современность? Прежде всего в том, что она фиксирует в ней всеобщее отчуждение и антигуманизм общественной и политической жизни, когда уничтожаются в войнах и террористических актах ни в чем неповинные люди, когда в одночасье миллионы людей остаются безработными, когда духовной ценностью называют то, что таковой не является. На самом деле разве

могут быть ценностью такие явления и процессы современной жизни, когда мертвое и вещное возводится в предмет культового поклонения, а все живое и человеческое объявляется тривиальностью?

Что же следует противопоставить подобным тенденциям? На мой взгляд, одно: возвращение к идеологии и ценностям, выражающим истины и интересы подавляющего большинства человеческого сообщества.

Мировой экономический кризис наглядно показывает, что нынешний буржуазный мир не вечен, не вечна и его идеология постмодернизма. Люди не хотят соглашаться с системой, которая порождает насилие, «финансовые пузыри», безработицу, коррупцию и другие «прелести» буржуазных отношений. Они требуют иного мира, где нет виртуальных денег и капитала, где понятия «нравственность» и «справедливость» не являются ложными нарративами, где труд господствует над капиталом, а жизнь — над смертью. Старый мир должен уйти — об этом все чаще говорят и простые люди, и трезвые политики. Не случайно сегодня раскупают «Капитал» К. Маркса, показавшего, как можно избавиться от кризисного развития человечества. Этот нарратив Маркса как никогда актуален. Уверен, что с уходом старого мира уйдет и постмодернизм, уступив место новому реалистическому мировоззрению и новой классике в литературе и искусстве.

Литература

1. **Баллаев А. Б.** Читая Маркса. М. : Праксис, 2004.
2. **Делез Ж.** Логика смысла. М. : Раритет, 1998.
3. **Кара-Мурза С.** Идеология и мать ее наука. М. : Алгоритм, 2002. Гл. I.
4. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна // Полития. 2005—2006. № 4.
5. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология // **Они же.** Сочинения. М. : Политиздат, 1955. Т. 3.
6. **Маркузе Г.** Одномерный человек. М., 2003.
7. **Мухачев В.** Вспоминая Маркса // Свободная Мысль. 2008. № 3. С. 95—108.
8. **Науменко Л. К.** Революция и диалектика // Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М. : Ленанд, 2009.
9. **Поппер К.** Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1.
10. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. Т. 2.
11. **Сорокин В.** Пир. М. : Ad Marginem, 2001.
12. Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 2—3 ноября [1882 года] // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 35. ◆

Идеология для России: пути и препятствия

Публицистические размышления

© Золотухина-Аболина Е. В., Золотухин В. Е.

© Zolotukhina-Abolina E., Zolotukhin V.

Идеология для России: пути и препятствия. Публицистические размышления

Ideology for Russia: Strategies and obstacles. A Publicist's Thoughts

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска идеологии для России. Авторы отмечают, что вопрос об идеологии обсуждается давно, но обсуждение пока не дало практических результатов, хотя есть ряд идей, которые могли бы послужить основой для ее создания. Это прежде всего идея о «могучей России сегодня», которая должна предполагать ориентацию на достойный уровень благосостояния всего населения, на справедливость и высокую культуру. Однако разработка и проведение в жизнь такой идеологии невозможны в силу трех причин: либерально-рыночной, социал-дарвинистской ориентации власти; игнорирования когорты обществоведов-патриотов; и самое главное — раскола и противоречий во властно-управленческом аппарате, который занят исключительно своими корыстными интересами и не стремится ни к эффективной экономике, ни к вдохновляющей идеологии для России.

Annotation. The article is devoted to the problem of the looking for the new Russian ideology. The authors note that the question of the Russian ideology was discussed a long time ago but the discussion didn't give any practical results till the present time though there are ideas which could be a ground for its creation. Primarily it is an idea of the "strong Russia today" orientating to the welfare of the population, equality and high culture. However, the creation and implementation of this model is impossible because the regime is liberal and social-darwinist, scholars in humanities are disregarded and the mostly the power apparatus is splitted, corrupted and uninterested nor to the effective economy neither to the fascination ideology.

Ключевые слова. Идеология, Россия, благосостояние, справедливость, культура, власть, либерально-рыночная ориентация, социал-дарвинизм, своекорыстие.

Key words. Ideology, Russia, welfare, equality, justice, culture, power, liberal market orientation, social-Darwinism, self-interest.

Истоки вопроса

Проблема «идеологии для России» обсуждается уже не первый год. Вопрос о ней фактически встал уже тогда, когда к концу 1990-х была окончательно сокрушена прежняя советская система ориентиров, еще некоторое время проявлявшая завидную инерцию. Разрушение прежних ценностных основ общества было не случайной акцией, оно длилось (не без помощи наших «геополитических партнеров») все «годы

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Елена Всеволодовна — профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук.

ЗОЛОТУХИН Валерий Ефимович — профессор кафедры истории и философии Ростовского государственного строительного университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук.

перестройки» и последующий период, вплоть до начала двухтысячных годов. Тогда из истории России и ее недавнего прошлого изымалось все позитивное, перечеркивались достижения страны, низвергались героические фигуры, патриотизм становился предметом иронических улыбок и прямых издевок. Либерально-рыночную власть в те годы вполне устраивало увлечение молодых людей бандитской романтикой, девушек — карьерой «ночных бабочек», обывателя — турецкими и китайскими шмотками в магазинах. Многим казалось, что ничего другого и не надо; главное — мы отказались от «ошибок и злодеяний прошлого» и стройными рядами движемся в прекрасное капиталистическое будущее (совсем как нашим украинским братьям сегодня кажется, что они вот-вот попадут в европейский рай). В тот период идеология объявлялась ненужной и невостребованной, потому что на повестке дня не стоял вопрос консолидации страны, а, напротив, активно поощрялись центробежные тенденции. В ходу была басня о «деидеологизации», будто бы царящей во всяком цивилизованном государстве. Несомненно, это был обман.

Но прошло время, в начале двухтысячных сменился лидер, возникла задача консолидации того, что осталось от Советского Союза, и обнаружилось, что идеология все-таки нужна. Ведь она — неотъемлемая часть любой общественной жизни, система ценностей и целей, на которую ориентируются люди. Она и объединяет, и дает жизненный смысл, и обеспечивает чувство идентичности, и вдохновляет, и сообщает поступкам тот пафос, который приводит к реальным достижениям. Как же без нее? Тогда-то и пошли разговоры о том, какой надо быть идеологии в современной России. И продолжаются эти разговоры по сей день — хотя и без большого успеха, вяло и скучно, а иногда даже переходят в шуточный режим — вроде того, что, мол, «не воруйте!» — вот и вся идеология.

Почему так происходит? Разве перевелись конструктивные идеи в головах россиян? Потерялась у них способность ставить серьезные задачи и вдохновляться прекрасными идеалами? Вроде, нет. Вот, к примеру, какой «ценностный костяк» можно было бы предложить в качестве ведущего идеологического тренда.

Благосостояние, справедливость, культура

Разумеется, находить каркас единого, консолидирующего мировоззрения мононациональным и монорелигиозным государствам легче, чем многонациональным и предполагающим свободу совести. Исторически сложившаяся культурная монолитность дает основания для идеологий национализма и религиозной исключительности. Но федерация народов России с их различными национальными особенностями, с ее полирелигиозностью и светским сознанием стоит перед сложной задачей поиска единого основания идентификации. Впрочем, при всех мировоззренческих расхождениях и некоторых исторических претензиях, которые народы предъявляют друг другу, в целом у людей доминирует ориентация на сегодняшний день. Повседневное сознание таково, что

метафизические вопросы, как и проблемы исторической памяти, отступают перед задачами насущного момента: всем хочется жить сытно, заниматься тем, что интересно, весело общаться и иметь для себя и своих детей захватывающие перспективы. Иначе говоря, никто не хочет быть обижен и отвергнут. Иначе говоря, объединяющим началом самых разнородных групп в единой стране — России являются *универсальные человеческие интересы*, которые можно удовлетворить *здесь, на этой земле, у себя дома* во взаимодействии с соседями.

Речь идет именно о возможности жить полноценно в *своей* стране, на *своей* исторической земле, в *своем* климате, среди *своих* родных людей и в компании *своих*, местных, животных и растений. Речь не идет о том, чтобы бежать в поисках достойного существования на край света, меняя фамилию, язык и род деятельности. В том-то и смысл выдвижения нескольких фундаментальных ценностей в качестве ведущих, что они должны ложиться на патриотическую основу и собой упрочивать ее. Это уже, кажется, начинает понимать наше правительство, выдвинувшее государственную Программу патриотического воспитания на ближайший период [1]. Субъект идеологической ориентации в данном случае — вся Россия, взятая как единство. Нам представляется, что ядром и сутью всероссийской идеологии должна быть *«могучая Россия сегодня»*, *могучая* — потому что люди имеют полное право гордиться ею и гордиться собой, а *сегодня* — потому что ныне живущие поколения должны радоваться жизни в собственной стране и делать все, чтобы она процветала. Это процветание связано с реализацией таких целей, как достижение благосостояния, справедливости и высокого уровня культуры.

Итак, первый важнейший «маяк», на который следует ориентироваться и народу, и власти, и каждому отдельному человеку, — это *благосостояние*, понятное и как материальное, и как социальное. Еще Аристотель, чей 2400-летний юбилей мы отмечаем в этом году, писал, что счастье не обходится без обеспеченности. В наши дни совершенно ясно, что человек должен иметь достойный уровень жизни, возможность удовлетворять свои потребности, не ходить с протянутой рукой, быть способным зарабатывать честным трудом, дать образование и обеспечить развитие детям. Возможно, благосостояние не является особой ценностью для экономически успешных стран, но для России, претерпевшей в конце XX в. либерально-бюрократическое разорение, высокий уровень и качество жизни народа — важнейшие ценность и задача.

В то же время было бы абсурдно ориентировать всех на достижение богатства, поскольку, как уже показал нам в конце прошлого столетия Ж. Бодрийяр, во всяком, даже самом развитом обществе воспроизводится «закон структурного неравенства» — всегда есть имущественные контрасты. Ориентация исключительно «на богатство» породила бы у многих лишь усиление зависти и упрочение комплекса неполноценности; однако каждый должен знать, что достичь высокого уровня жизни своими усилиями и талантами — достойно и похвально, и что общество готово создавать для этого условия. Представление о «должном уровне благосостояния», разумеется, исторически изменчиво.

Но если социум ставит себе ориентир соответствовать этому подвижному индикатору благополучия, он может достичь такого соответствия. Тогда не будет в ходу космополитическая установка «Где платят — там и родина».

Второй важный ценностный ориентир для России — *справедливость*. Современная ситуация потому так тяжело переживается людьми, что они видят огромный разрыв между бедными и богатыми, даже сверхбогатыми согражданами, да к тому же нажившими свое богатство нечестным путем. Среди граждан родной страны нет «богов-небожителей», поэтому при нормальном положении дел доходы разных групп населения не могут находиться в состоянии ошеломляющего контраста. Труд людей должен адекватно вознаграждаться — тогда и трудолюбие будет процветать, и не придется сетовать на низкий уровень производительности. Права и возможности разных групп населения обязаны быть трезво соотнесены, и регулировать их — дело здраво ориентированного государства, понимающего, как избежать социального раскола.

Справедливость как ориентир политики и жизни предполагает не только равенство в ряде экономических и правовых вопросов, но также достойное вознаграждение за подвиги, а за преступления — наказания. Особо значимы честность судебной системы, проработанное и адекватное право, наличие социальных «лифтов» для трудолюбивых и талантливых. Если справедливость выступает как реальная ценность, которой следует власть, то и каждый человек сочтет своим долгом проявлять это качество в тех ситуациях, о которых он должен выносить суждение.

Ценность *культуры* как одного из столпов идеологии предполагает, что людям в России предоставляется возможность быть грамотными, эрудированными, творческими, развивать свои таланты, обладать широким кругозором и способностью размышлять. Ориентация конкретных индивидов на культуру означает интерес к истории и литературе, религии и философии, умение гармонично общаться и следовать установкам морали. Для государства это предполагает поддержку и поощрение культурного развития граждан, их нравственности и гуманитарной образованности, их художественных склонностей. Кроме того, ориентация на «высокую культурность» включает в себе уважение наших соотечественников к самим себе. В умах должно доминировать спокойное и достойное принятие себя как граждан своего Отечества, а не вечное покаяние за «грехи прошлых поколений» — как того хотели бы противники России.

«Россия обеспеченная, справедливая, культурная — сегодня и впредь!» — чем не благородная идеологическая задача? Чем не ценный ориентир для каждого, кто живет на нашей земле? И при такой оптимистичной и гуманной идеологии, почему не жить под лозунгом «*люби свое и уважай чужое*»? Он был бы совсем неплохой заменой как пролетарскому интернационализму, так и трепетному обожанию западных ценностей.

Однако любая попытка создать реальный «идеологический корпус» наталкивается в современной России на *ряд препятствий*.

Препятствия идейные и организационные

Правила жизни в любом обществе определяет власть. Вольно было теоретикам марксизма, тому же Г. В. Плеханову, считать, что историю делает народ, массы. Народ-то делает историю, да только под водительством узкого круга лиц. Сам по себе народ живет своей обыденной жизнью, порой трудно выживает, приспосабливается, но, кроме ситуаций крайней нужды, сам не решает, как общество должно строить политику и какую насаждать веру. Он выдвигает лидеров, которые прочерчивают траектории и, как нынче модно выражаться, «составляют дорожные карты». Проблема в том, что политическая элита России не может договориться между собой не только о том, какое мировоззрение должно быть у россиян, но и о том, на каких вообще принципах должна строиться жизнь страны.

Проблема в том, что политическая элита России не может договориться между собой не только о том, какое мировоззрение должно быть у россиян, но и о том, на каких вообще принципах должна строиться жизнь страны.

Тот проект, который мы кратко очертили в предыдущих строках, на самом деле напоминает коммунистические идеи. Люди постарше помнят про «материальные блага, которые польются полным потоком», про лозунги распределения при коммунизме «от каждого по способностям, каждому по потребностям», а при социализме «от каждого по способностям, каждому по труду». Собственно, речь шла как раз о благосостоянии, справедливости, культуре и развитии каждого. История показала, что избранные Советской властью средства оказались не так хороши, как хотелось, — но сама идеология была вполне человечна и гуманна. В свое время мы сетовали на то, что благостные призывы и скромные концерты и кинофильмы, проводившие эту идеологию, скучноваты, — но отмена этой «гуманной скучноватости» обернулась откровенным разгулом цинизма и прославлением пороков со всех страниц и экранов. Сейчас устали уже и от этого. Не пора ли вспомнить о лучшем?

Но нет. К сожалению, вспоминать некому. В 1990-е гг. наша экономическая и политическая элита взяла курс на либерально-рыночные ориентиры, где социальные контрасты — естественны и закономерны, где «война всех против всех» — нормальное состояние, где властвует атеистическая насмешка над слабым и страдающим (Бог-то умер!), где кто сильнее, тот и прав. Речь не идет о реальной жизни «европейского человечества» в конкретных странах, где нередко многое куда лучше, чем у нас, — адекватней, справедливей, обеспеченней. Речь идет о захвачен-

ности ведущих российских лидеров — политиков и экономистов — либерально-рыночными идеологемами и о стремлении получать советы от геополитических противников России, которые парадоксальным образом являются их, лидеров, идейными единомышленниками... Как же господам-либералам вернуть тему обеспеченности, справедливости и культуры для граждан? Они не могут этого сделать и по корыстным, и по идейным соображениям. Они вдохновлены образами господства крупного капитала, пропитаны высокомерием и настоящей классовой ненавистью по отношению как к «работягам-ватникам», так и к «заумным интеллигентам», не забывшим еще про «любовь к народу».

Поэтому все попытки «дать российскому сообществу идеологию» наталкиваются на возврат, реверс обратно к рыночно-либеральной доктрине, где человек человеку — волк, на стремление заменить свое чужим. При этом нынешним либералам вовсе не светят лавры Петра Первого, продвинувшего Россию вперед, потому что им не нужны ни промышленность, ни сельское хозяйство, ни наука. Их вполне устроила бы Россия просто как территория, на которой «продвинутые страны» торгуют друг с другом. А люди? Людей — заменить иностранцами. Как высказался года три назад один наш молодой знакомый из Высшей школы экономики в отношении преподавателей российских вузов: «Да вас всех вышвырнем и трех американцев на ваше место привезем». Интересно, что именно так все сейчас и происходит. Какая уж тут «российская идеология»?

Возможно и даже скорее всего, в правящей элите наблюдается раскол, что есть среди нее и «народники-государственники», и «либералы-западники». Но «западники», уповающие на рынок и преследующие цели личного обогащения, пока побеждают. Они сильнее. Именно они стремятся везде, где возможно, заменить русский язык английским, внедрить во всем иноземные стандарты (даже если те не слишком хороши), привить нам и упрочить чувство второсортности. Действительно, какую идеологию они могут дать? Они атеисты и прагматики — и православный загробный рай вместе с поучением «отдать и рубашку» им несимпатичен, это «не их фишка». Они антикоммунисты — и «будущий коммунизм», предназначенный для всех, а не только для них самих, им тоже претит. Они социал-дарвинисты — и способны предложить идеологию только либерального толка, где побеждает самый беспринципный, а «слабое» звено с неизбежностью выбывает из игры. Но такая идеология ведет к распаду, а не к консолидации, к дисперсии, рассеянию, разбеганию, фрагментации общества и атомизации людей.

Помимо этого, у той части правящей элиты, которая не страдает избыточным либерализмом и, по сути, хотела бы вернуться к «разумному, доброму, вечному», есть свои несколько странные предпочтения, которые не способствуют созданию светских мировоззренческих ориентиров высокого качества. Это убеждение, что формирование мировоззрения могут осуществлять исключительно церковь или СМИ, представленные лояльным журналистским корпусом. А где же гуманитарии, преподающие в вузах, техникумах, школах? Ведь именно они составляют и теоре-

тический, и пропагандистский костяк, именно они, «доценты с кандидатами», способны генерировать новые идеи для страны и проводить их в жизнь, общаясь с молодежью.

Конечно, столичные интеллектуалы в последние десятилетия показали себя достаточно скверно. Индивидуалистическая «жажда личной свободы» порой ведет их к откровенному космополитизму и антироссийским настроениям. Но в стране вполне хватает и патриотов — философов, историков, экономистов, культурологов — тех, кто взятку не берет и совести не продавал, кому доверяют и с кем советуются студенты и ученики. Патриотическое гуманитарное сообщество вполне способно участвовать в выработке всероссийской светской идеологии, в то время как церковь ограничена своей паствой, а журналисты нередко просто не знают теории и видят свое воздействие на аудитории лишь во взвинчивании эмоций и игре на примитивных страстях. Специалисты-гуманитарии — опора для той власти, которая действительно захочет видеть Россию сильной и здоровой.

Препятствия практические

Существует еще одно препятствие, которое тормозит в нашей стране создание внятной для людей идеологии, препятствие, возможно, наиболее серьезное и крайне трудно преодолимое. Это *практико-политические*, а не только идейные противоречия в правящей экономической и политической элите.

Ну предположим, мы возьмем те ориентиры и лозунги, которые были представлены выше, и начнем через СМИ, церковь и когорту патриотов-гуманитариев активно внедрять эти идеи в массы. Мгновенно обнаружится, что *практика власти им не соответствует*. Прежде всего потому, что ни законодательная, ни исполнительная действующая власть, которые «заказывают музыку» для всей страны, не стремятся на деле ни к заявленному благосостоянию всего народа, ни к справедливости, ни к развитию культуры. Для них это «только слова», способ «поставить галочку», чтобы больше не отвлекаться на «ненужное». А те, кто желает и способен реально совершенствовать и экономику, и управление, и духовную жизнь России, просто остаются за пределами власти, за ее порогом. Что же дадут прекрасные лозунги без их исполнения? Очередные разочарования.

Каждый день мы видим, что личные корыстные интересы властвующих элит оказываются доминирующими, вызывают раскол правящей верхушки, создают ситуативные, выгодные узкому кругу альянсы, не ведущие к благу России. Идет борьба за финансы, личное влияние, собственные удобства, делятся природные богатства, присваивается еще «недоприсвоенное», средства массово вывозятся за рубеж. Страна как целое мало интересует того, кто взялся ею управлять, — так же, как богатых бюрократов не занимает ни вуз, ни завод, ни больница, которыми они поставлены руководить. В обществе нарастают бессмысленность и хаос, порождающие у населения вместо благих порывов актуализацию старо-

го лозунга «Спасайся, кто может». Трудно не согласиться со словами Глеба Павловского, который пишет: «В остатке нет ничего, кроме привычки людей к тому, что всем помыкают начальники, неспособные управлять. И помыкают бесцельно. Слово—чемпион 2015 года — “абсурд”, оно звучит от коридоров Кремля до самых до окраин» [2].

Вспоминается старая грустная шутка: «Кому он нужен, этот кот Васька?» Бюрократия гнет свое, олигархи — свое. Верховная власть раздваивается, то объявляя приоритет Русского мира, то забывая о нем, правой рукой грозя Соединенным Штатам, а левой — обрушивая образование и мелкий бизнес, медицину и науку. Очевидно, власти все же стоит определиться, чего она хочет. И если раньше вопрос стоял так: «демократии или севрюжины с хреном?», то теперь несколько иначе: «все же быть Россией или стать колонией Запада?». Всегда очень хочется остановиться на компромиссе, но бывают ситуации, когда «третьего не дано», и все компромиссы находятся уже внутри одного или другого решения. «На двух конях сидеть — седалища не хватит», — как выразился граф Калиостро, герой фильма «Формула любви».

«Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет», — писал наш великий баснописец И. А. Крылов. Государство должно найти согласие в самом себе, идеологию для самого себя, ту идеологию, которая способна объединить народы России с одной стороны, власть и народ — с другой. Мы не знаем, как и когда это произойдет, но уверены, что в основу такой идеологии точно не будет заложена либеральная доктрина.

Литература

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы». — <http://www.orthedu.ru/obraz/14526-gosudarstvennaya-programma-patrioticheskoe-vozpitanie-grazhdan-rossiyskoy-federacii-na-2016-2020-gody.html> (дата обращения: 27.01.2016).
2. «Кремль живет, под собою не чужа страны». Глава ФЭП Глеб Павловский о российской системе управления // Gaseta.ru. 2015. 26.12. — http://www.gazeta.ru/politics/2015/12/25_a_7991945.shtml (дата обращения: 27.01.2016). ◆

Место идеологии в системе мотивации личности

© Сургуладзе В. Ш.

© Surguladze V.

Место идеологии в системе мотивации личности

Ideology place in system of personal motivation

Аннотация. В условиях необходимости обеспечения информационной безопасности Российской Федерации возрастает интерес к месту идеологии в жизни общества. В статье анализируется значение идеологии с точки зрения иерархии потребностей Абрахама Маслоу. Автор пытается понять, зачем человеку нужна идеология, и приходит к выводу, что создаваемая идеологией картина мира при определенных условиях может удовлетворять практически всем уровням потребностей пирамиды Маслоу.

Annotation. The article deals with the importance of ideology from the point of view of the hierarchy of needs of Abraham Maslow. The author tries to understand why people need ideology and comes to the conclusion that ideology creates a picture of the world that under defined conditions can satisfy almost all needs of Maslow's pyramid.

Ключевые слова. Идеология, идентичность, самосознание, А. Маслоу, потребности, пирамида потребностей, иерархия потребностей.

Key words. Ideology, identity, self-consciousness, A. Maslow, needs, pyramid of needs, hierarchy of needs.

Общественное сознание не терпит пустоты

Лев Троцкий

В современном, становящемся все более многополярным мире особую актуальность приобретают вопросы осмысления закономерностей развития идеологий. В 1990-е гг. Самуэль Хантингтон первым обоснованно и академически весомо заявил о том, что на смену биполярному мировому порядку приходит новая сложная система международных отношений, особенностью которой будет возвращение стран мира к историческим корням, религии, культурной самобытности. Глобальные идеологии советского марксизма и западного либерализма теряли свое значение и уходили с исторической сцены, освобождая место другим, уже не глобальным, а локальным идеологиям. Когда Хантингтон заявил о «столкновении цивилизаций», о том, что грянут возрождение локального самосознания и

формирование многополярного мира, его аргументы вызвали массу возражений [8]. Прежде всего, против него выступили ученые из лагеря вильсонянцев, американских мессианистов, считавших, что с распадом СССР наступит новая эпоха господства западных ценностей, «конец истории» [7].

Сегодня можно констатировать, что прозорливее оказался Хантингтон. Верх одержали не идеологические построения ярых поборников экспорта демократии, а комплексный исторический и культурологический анализ, основанный на изучении длительных тенденций исторического развития. То, что мир XXI в. не будет «западным», констатировали и аналитики ЦРУ. В вышедшем в конце 2012 г. докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры» отмечается возрастание роли локальных идеологий [9].

Национальное самосознание, идентичность и глобализация стали на рубеже XX—XXI вв. ключевыми понятиями. В связи с этим приобретает интерес теоретическое рассмотрение роли и значения идеологии — как для отдельного индивида, так и для общества в целом.

* * *

Идеология и самосознание, идентичность тесно переплетаются между собой потому, что идеология стремится занять позиции самосознания, перерасти в него или, как это часто бывало в истории, несмотря на всю утопичность подобных попыток, «перевоспитать» его и переделать. Комплексные, тоталитарные идеологии пытались изменить человека и его сложившиеся представления, социальную генетику, весь комплекс отношений человека к миру и обществу, который складывался на протяжении веков. Быть может, самой заметной, сложной и провалившейся задачей в этом направлении была борьба идеологов СССР с религией. В данном случае они вторгались в сферу тысячелетней культуры, в самые основы индивидуального и коллективного самосознания. И это явилось ошибкой, поскольку значительно проще попытаться примирить идеологию с уже сложившимся самосознанием и характером, менталитетом, чем пытаться изменять их в угоду идеологии.

Идентичность можно определить как «способность человека испытывать и формировать свою жизнь как единое смысловое целое» [10. Р. 36]. То же самое справедливо и для идеологии. Определяя место и роль последней для человека с позиций иерархии его потребностей, важно подчеркнуть, что многие высказываемые здесь доводы в пользу объективного значения идеологии для человека могут быть более широко применены и к самосознанию, идентичности.

Книга Абрахама Маслоу «Мотивация и личность» вышла в 1954 г. и с тех пор сохраняет значение классического труда в истории исследований потребностей человека [3]. Хотя пирамиды потребностей в

этой книге не было, схема была названа именем автора, т. к. оказалась наглядным воплощением идей, развиваемых его последователями. За десятилетия, прошедшие после публикации книги, пирамида потребностей пополнилась разными вариациями, схема была детализована, но основное содержание и ключевые принципы сохранились.

Пирамида потребностей Маслоу — удобный инструмент для оценки самых разных сторон жизни индивида и общества. Она применима и к проблематике идеологии и самосознания, помогая ответить на вопрос, насколько может быть велика потребность общества в идеологических ценностях.

Базовая модель Маслоу предполагает следующую иерархическую структуру потребностей.

Первый уровень. *Физиологические потребности*, от которых человек зависит как живое существо, нуждающееся в поддержании своего организма: необходимость удовлетворения голода, жажды, полового инстинкта, сна и дыхания.

Второй уровень. *Потребности безопасности*, удовлетворение которых становится актуальным после насыщения физиологических потребностей. Это обеспечение таких условий существования, которые позволяли бы беспрепятственно и по возможности наиболее комфортно удовлетворять потребности физиологические. Сюда относятся и психологическое спокойствие, потребность чувствовать стабильность настоящего и защищенность будущего, которые могут достигаться (если речь идет о развитом современном обществе, а не в временах пещерного человека) посредством накопления средств, обеспечения себя безопасным жилищем, страхованием здоровья и имущества и т. д.

Два первых базовых уровня потребностей являются общими не только для людей, но и для животных. Это уровни, которые характеризуются необходимостью поддержания собственной жизни.

Третий уровень. *Социальные потребности*. Это уровень, с которого начинается человек как социальное существо, нуждающееся во взаимодействии с другими людьми. Именно здесь возникают потребности в принадлежности к общности, самоидентификации, необходимость заводить знакомых и друзей, единомышленников и соратников, любимых.

Четвертый уровень. *Потребности престижа*. Это потребности уважения и признания, когда социальные отношения и связи прочно установлены, и индивиду требуется не просто общение, но утверждение собственного авторитета в глазах окружающих людей и общества в целом. На этом уровне потребностей имидж, престиж и социальный статус приобретают особую актуальность.

Пятый уровень. *Духовные потребности*. Это потребности в самореализации, раскрытии своих талантов и возможностей, самовыраже-

нии и творчестве. Именно для их удовлетворения люди читают книги, посещают музеи и консерватории, развивают свои способности, путешествуют, добиваются идеалов, распространяют идеи и отстаивают ценности.

Важно подчеркнуть, что потребности индивида подвижны и в реальной жизни могут комбинироваться по-разному. В зависимости от индивидуальных черт характера одни ценности могут превалировать над другими или вообще отсутствовать. В то же время на характер накладывают свой отпечаток процесс социализации личности, история ее взаимодействия с обществом, в связи с чем потребности также могут меняться или же, в зависимости от конкретных условий, оставаться неизменными на протяжении всей жизни.

Возможен и вариант поэтапного «прохождения» индивида через все пять ступеней — например от нищего детства и сложной юности к вершинам успеха, который венчается духовными потребностями самореализации и личностного роста. С другой стороны, есть люди, в силу характера и склонностей готовые пожертвовать центром пирамиды потребностей Маслоу — социальными потребностями ради достижения реализации духовных потребностей — вершины пирамиды.

Пирамида потребностей Маслоу отражает спектр переживаний и ценностей, которыми может руководствоваться индивид, но является только общей и далеко не исчерпывающей схемой приоритетов. Она хороша для масс, но может не работать применительно к личностям, особенно если эти личности неординарны. Выдающиеся вожди, революционеры, идеократы часто не вписываются в нее. Однако ее полезно учитывать при общей оценке потенциала идеологии, ее приемлемости для общества, массового сознания.

Интересно отметить, что закономерность систематизированной Маслоу иерархии человеческих потребностей констатировали и некоторые древние авторы. Так, описание постепенного развития личности со сменой потребностей на протяжении жизни можно обнаружить в текстах индийского автора III—IV вв. Ватсьяяны. Он разделил жизнь человека, его ценности и потребности на три периода: *кама* — период чувственных влечений, *артха* — период созидания богатства, характерный для зрелого возраста и социальной реализации человека, и *дхарма* — период мудрости и стремления к самосовершенствованию, который достигается к старости. При этом индийский мудрец подчеркивал, что у разных людей значение этих этапов развития личности может иметь иную последовательность; но лучше, когда процесс происходит постепенно, и потребности человека эволюционируют в соответствии с его возрастом — чувственные влечения и социальная активность предшествуют духовному самосовершенствованию. Кроме того, Ватсьяяна подчеркивал, что поведение человека должно соответствовать его социальному статусу. Для пра-

вителя важнее всего постигнуть дхарму, тогда как для «живущей красотой» индийской гетеры рупадживы важно практиковаться в каме [1. С. 14–22].

Пирамида Маслоу интересна в качестве инструмента, опираясь на который можно выявить ценность идеологии и самосознания для индивида и общества. Особенно актуальной представляется третья ступень потребностей — социальные, к которым относится потребность быть членом группового единства. Именно на этом уровне проявляется потребность членов общества в общих ценностях — в том числе и в идеологии.

Идеология и базовые потребности

На базовых уровнях человеческих потребностей (физиология и безопасность) идеология на первый взгляд не может играть существенной роли.

Тем не менее на социальном, коллективном уровне требования дешевого хлеба, «жизненного пространства» и безопасности на протяжении столетий выступали основой идеологического обоснования собственной власти самыми разными правящими режимами. От римских императоров, которые снабжали римских граждан «хлебом и зрелищами» и гарантировали нерушимость римских границ, до «жизненного пространства» для немцев, обещанного Гитлером, мы сталкиваемся с базисом пирамиды Маслоу.

На социальном, коллективном уровне требования дешевого хлеба, «жизненного пространства» и безопасности на протяжении столетий выступали основой идеологического обоснования собственной власти самыми разными правящими режимами.

Вопросы выживания являются основой любой серьезной политической доктрины или демагогической риторики рвущихся к власти партий. Даже половые потребности находили свое отражение в политических программах, а значит — оказывались вовлечены в спектр идеологической борьбы. Правда, это скорее тенденция последнего столетия с его эмансипацией женщин, борьбой за равноправие сексуальных меньшинств и контрацептивной революцией. Но и в предыдущие эпохи человеческой истории половой инстинкт оказывался в центре внимания идеологий и политических программ. Тогда он носил сугубо запретительный антисексуальный характер отстаивания

чистоты, морали, религиозных ценностей [4. С. 158—160]. По сути, это была трактовка одной из базовых потребностей человека с точностью до наоборот. Это был аскетический вариант решения проблемы. Вильгельм Райх рассматривал авторитарную семью в качестве стержня авторитарного режима, и в пользу его взгляда можно привести массу аргументов.

Если вопрос хлеба, воды и жизненного пространства, как правило, считалось возможным решить положительно, то вопрос полового влечения решался отрицательно и зажимался в рамках официальной морали и религиозных норм, рассматривавших его как отвратительнейшую особенность человеческого рода и пытавшихся всячески подавить его. Но даже на примере этого отрицания видно, что и половой инстинкт нельзя считать совершенно чуждым идеологического рассмотрения и влияния идеологии. Таким образом, уже на базовом уровне потребностей человека идеология может регламентировать жизнь и влиять на нее. Тем более важную роль играют базовые потребности человека в поверхностной демагогической риторике.

На уровне самосознания базовые потребности всегда служили фундаментом религиозной картины мира и досконально регламентировались. Регламентация касалась всего: от приема пищи до брачных отношений. В данном аспекте такие монотеистические религии, как христианство и ислам, выступают целостными, всеобъемлющими, комплексными и всесторонними идеологиями.

Их акцентированность на базовые потребности человека и регламентация естественны, т. к. они зарождались в глубоком прошлом. Ждать такого же пристального внимания к базовым потребностям от идеологий в современном развитом обществе было бы странным, потому как секуляризация мира сделала его более демократичным в отношении еды и общения между полами. Можно утверждать, что к началу XXI в. фундаментальное значение базовых потребностей человека для его самосознания снизилось. Это видно уже по тому, как исчезают сакрализация пищи, молитва перед едой и демократизируется общение между полами и даже в рамках одного пола. То, что было святым, становится обыденным, а что было запретным и постыдным, нередко выставляется напоказ или перестает быть таковым.

Идеология и социальные потребности

Наиболее полно функции идеологии раскрываются применительно к третьему, социальному, уровню человеческих потребностей по Маслоу.

Ясность формулируемых идеологией целей, определенный набор провозглашаемых ценностей и сплачивающие массы призывы и действия, мобилизация людей — все эти факторы могут поддерживать социальные потребности: *чувство принадлежности к единой общино-*

сти, веру в то, что индивид является членом общества и не безразличен ему, совместную деятельность и общую коллективную идентичность.

Именно социальный уровень потребностей человека, обеспечиваемый идеологией, придает ей объективную ценность — ценность сплоченности масс людей, единства их воли, взглядов и действий. Другой вопрос — для кого эта ценность является большей: для идеологов, ведущих за собой массы, или для ведомых масс? В каждом конкретном случае положение различно. Однако, учитывая опыт тоталитарных идеологий, можно утверждать, что массы, несомненно, получают от них и позитивный заряд, хотя не одному обществу было суждено испытать крах питаемых идеологией иллюзий и целых государств. Если бы у тоталитарных идеологий не было положительных ценностей, люди не вспоминали о счастливых годах, проведенных в детско-юношеских лагерях фашистской Италии и нацистской Германии.

Авторитарные режимы старались обеспечивать социальные потребности, консолидировать общество вокруг идеологизированных институтов — юношеских организаций, армии, спортивных союзов. Массовый характер идеологического воздействия обеспечивался поддержанием в обществе чувства *сопричастности*. Именно удовлетворение потребности людей быть сопричастными чему-то великому приводит к ностальгии по явлениям социальной жизни, которые были характерны для режимов массовых идеологий XX в.

Общее чувство определенности, порядка, ясных ценностей и целей, чувство единства коллектива, вера в государство и прогресс — явления, которые дорогого стоят, поскольку содействуют психологическому спокойствию личности, снимая с нее выбор и давая ей возможность плыть по течению общепринятых понятий и норм. В определенном смысле это привилегия быть несвободным, переложить ответственность на других. Питаемый идеологией энтузиазм, позитивный напор, ценимое людьми понимание целей и задач, возможность вручить свою судьбу в руки направляющих деятельность общества идеологов часто приводят к краху всей системы. Люди привыкают повиноваться и идут в бездну за безответственными лидерами, в результате чего все достижения оказываются опрокинутыми, а идеология проклинается. Расцвет фашистской Италии с ее массовым юношеским энтузиазмом (гимном партии была песня «Юность») окончился крушением и режима, и итальянской монархии; национал-социалистическая Германия оказалась раздавленной мощью союзников и разделенной; Советский Союз распался на части, оказавшись ввергнутым в пучину социальных потрясений и националистических выступлений.

Если идеологии удастся стать частью жизни масс, завоевать их внимание и занять место в их сознании, если идеология не является демагогическим провозглашением лозунгов, а последовательно проводится в жизнь хотя бы в отдельных своих аспектах, она приобрета-

ет реальную ценность, становится идеей, обретающей материальную силу.

Идеология и потребности престижа

Значимость общности ценностей и целей, социальных связей, коллектива, чувство единения с обществом и государством, развитое чувство коллективной идентичности, удовлетворение этих потребностей средствами идеологии приводят к *самоуважению* и в случае успешного внедрения идеологии в экономическую и политическую практику — к *успеху и уважению, признанию со стороны других*. Фашизм, коммунизм, либерализм, христианство и ислам были именно такими идеологиями, которые смогли стать моделями для очень разных обществ. Даже если у кого-то они и не вызывали уважения со стороны, то при благоприятном стечении обстоятельств и умелом ведении дел становились Значимым Другим, а это равносильно признанию, т. к. заставляет окружающих соотносить свои действия с этим Значимым Другим и постоянно оглядываться на него.

Известно, что великие идеологии всегда ставили престиж своих обществ, государства, правительства, вождей превыше всего. Престиж государства и нации на протяжении тысячелетий выступал в качестве основного мотива, ради которого людей призывали идти на страдания и смерть, совершать военные и трудовые подвиги. Также хорошо известно, насколько живо реагируют члены общества на внешнеполитические успехи своих государств, на свою внешнюю славу. Успех вовне, престиж государства часто оказывался и до сих пор оказывается одним из важнейших факторов влияния на общественное мнение внутри страны. Люди часто готовы терпеть бедность и неустроенность, если видят, что их государство пользуется уважением окружающего мира.

На индивидуальном уровне идеология способна обеспечивать человека необходимыми атрибутами успеха. В конкретной форме потребности престижа удовлетворялись вручением орденов, медалей, званий, почетных грамот, благодарностей, которые были вписаны в общий идеологический контекст режима. Как правило, успешное удовлетворение социальных потребностей влекло за собой удовлетворение потребностей престижа. Комплексные идеократические режимы были заинтересованы в том, чтобы включить каждого члена общества в иерархическую структуру, посредством которой можно было не только обеспечивать всеобщий контроль, но и способствовать упорядоченному поощрению, удовлетворять потребности престижа в тесной спайке с удовлетворением социальных потребностей.

Идеология и духовные потребности

Многое может дать идеология и в сфере духовных потребностей. Во всех идеологизированных государствах всегда было много людей, ко-

торые смогли реализоваться в рамках официальной идеологии. Сферы их самореализации — музыка, живопись, литература, архитектура и другие области деятельности. Можно с уверенностью сказать, что Советская власть предоставила возможность реализоваться талантам очень многих людей, сделала доступным массовое среднее и высшее образование. Нашли применение своим талантам актеры театра и кино, архитекторы, творившие здания сталинского ампира и проектировавшие станции московского метро, инженеры и рабочие, трудами которых проводилась индустриализация. Эти личные достижения порой сопровождались страданиями, работой в неволе и репрессивным подавлением. Однако не все идеологии в такой мере регламентировали все сферы человеческой жизни, чтобы можно было утверждать, будто любая идеология не может обойтись без подавления духовной сферы жизни человека.

Таким образом, даже аспект духовных потребностей человека может быть удовлетворен в рамках идеологии, хотя степень ее позитивного влияния на удовлетворение этих потребностей не столь высока, как в случае удовлетворения потребностей социальных и престижных.

Место «свободы» в системе потребностей человека

Из иерархии пирамиды потребностей следует, что демократия, свободомыслие и свободолобие — далеко не первичные потребности человека. Только при достижении определенного уровня материального благосостояния появляется возможность для возникновения понимания свободы как осознанной необходимости.

Удивительным представляется тот факт, что, несмотря на чрезвычайно мощный блок психологической литературы на тему страха человека перед свободой, в политических дебатах тезис о свободе как необходимости возникает снова и снова, становясь базисом либерально-демократических «нетоталитарных» идеологий. Между тем потребность в свободе, самовыражении и развитии является вершиной иерархии потребностей, ее наиболее сложной, но с точки зрения выживания человека отнюдь не самой необходимой частью, тем более неактуальной и непонятной для подавляющего большинства населения беднейших и развивающихся стран.

Игнорирование в политической риторике всей социальной и психологической подоплеки достижения человеком и обществом «свободы» в очередной раз доказывает иррациональность общественного мнения и тот факт, что определенное мировоззрение — в данном случае либерализм — загоняет сознание своих носителей в определенные, не осознаваемые рамки, ловушки мышления. Фразы о демократии и свободе в этом случае воспринимаются сугубо эмоционально — как безусловная ценность, о которой нет смысла спорить и которую нужно всеми силами защищать. Демократия и свобода становятся при этом мыслительным

шаблоном, который упрощает осмысление реальности, но не объективен потому, что сугубо односторонен и основан на чувстве, на звучании сакрализованных идеологией словосочетаний, которые вызывают эмоции.

Изначально рациональные и научные или псевдонаучные мировоззренческие системы, даже имея в своем теоретическом фундаменте зерна здравого смысла и объективности, неизбежно размываются, распространяясь на массы, в массовом сознании обретают характер иррациональных мнений, переживаний и чувств.

Создатели великих идеологий — люди, имеющие духовную силу, чтобы успешно и с длительной исторической перспективой транслировать в массы свои идеи, — как правило, ориентировались на вершину пирамиды потребностей, были людьми, для которых мировоззрение выступало в качестве ключевой ценности. От нее зависели их самореализация и внутренний духовный рост. Эти «идейные» люди транслировали свои мысли людям со сходными потребностями.

С вершины пирамиды потребностей небольшой группы истых ее фанатиков идеология расширяется, развиваясь, видоизменяясь и охватывая более низкие ступени потребностей.

Если идеология завладевает государственным аппаратом, принадлежность к ней становится необходимым инструментом для получения социальных благ, общественного признания, социальной реализации; при определенных условиях она покрывает собою все нисходящие ступени потребностей как внешняя оболочка, необходимая для их удовлетворения. Само выживание человека, его физиологические потребности в таком случае могут зависеть от того, разделяет ли он принятые идеологические установки. На базовом первом уровне физиологических потребностей представителю враждебного класса могут отказать в пайке и крове, как это было во время Гражданской войны в России. На четвертом уровне, уровне престижа и социального признания, отказ принятия идеологических форм (например, тот факт, что человек не является членом правящей партии) может стать камнем преткновения для дальнейшего развития карьеры.

Расширяясь, господствующая идеология все более становится не потребностью, а инструментом, в том числе духовного роста и саморазвития, не связанного с идеологией, но от него зависящего (например, чтобы заниматься наукой или искусством, их нужно облачать в идеологически приемлемые формы).

Переставая быть духовной потребностью немногих искренних первопроходцев-революционеров и становясь инструментом социальной реализации, идеология обретает все признаки внешней мощи и несокрушимости; но в действительности именно в этот момент в ней начинают зарождаться причины упадка. Подвижничество немногих не может быть продуктивно навязано всем, а большинство общества не может быть безусловным носителем идеологии, готовым за нее уме-

реть и отстаивать, преодолевая любые преграды. Как только количество ее носителей достигает определенного числа, среднее качество начинает снижаться, к идеологии примыкает все больше «попутчиков», не видящих в ней ничего, кроме возможности использовать ее как инструмент.

Насколько сложно достижимой в социальном отношении является массовость вершины пирамиды Маслоу с характеризующими ее потребностями саморазвития и свободы, можно проиллюстрировать следующим фактом. На индивидуальном уровне в социальной практике нередки случаи, когда люди, внутренние стремления и потребности которых направлены к вершине пирамиды Маслоу, сознательно или под влиянием обстоятельств фокусируются на социальных потребностях середины пирамиды. В таком случае человек выбирает «иметь», вместо того чтобы «быть» в гармонии с собой — ситуация, описанная Эрихом Фроммом в одноименной работе [6].

Схема, предложенная Маслоу, как и любая социальная схема, конечно, условна. Но она показывает, почему идеологии, мировоззрения и идеи имеют ценность — являются нематериальным активом. В век глобализации и узкоэкономического, «рыночного» восприятия мира этот актив сложно оценить, а часто даже осознать как объективную социально-историческую силу. Но не учитывать ее — значит проявлять политическую и социальную неадекватность.

В целом следование авторитетному наставничеству, которое обеспечивает идеология, способно не только успокаивать людей, давая психологическую уверенность и ориентир в жизни, но и обеспечивать им чувство собственной ценности, догматического, доктринального превосходства и самоутверждения. При этом воинственный призыв и идеологически поощряемые модели поведения возвышают человека в собственных глазах, придавая ему гордость от чувства *сопричастности* к чему-то большому, массовому, сакраментальному и вечному, потому что великие идеологии, идеократии претендуют на века господства и не предполагают своего скорого падения.

Потенциал идеологического прельщения

Чрезвычайно важна идеология для молодежи. Молодые люди мятежны, обуреваемы страстями и желаниями перемен. Они становятся теми, кто в первых рядах погибает за идеи и идеалы, обладают поразительной силой, которую можно направлять либо в мирное и созидательное, либо в разрушительное русло.

В период юношеской неопределенности, когда молодой человек сталкивается с вопросами социального самоопределения, доктрины, разработанные системы ценностей оказывают на него огромное влияние, поскольку помогают или решать проблемы, или убежать от них. Следование идеологии избавляет от гнетущего чувства неопределен-

ности и придает смысл существованию. В определенных случаях оно даже рационализирует, оправдывает те явления, которые отторгаются большинством общества: так, маргинальные группы, изгои общества могут средствами идеологии синтезировать свою социальную идентичность, самоопределиться и противопоставить себя другим группам.

Идеологии (как и религии) как любому серьезному мировоззрению присуща субъективность. Психологически для многих идеология, как и религия, — только предлог для решения внутренних и внешних проблем, рационализация, повод, психологический инструмент, а не верование по сути, не вера. Истинная вера служит внутреннему становлению личности; в то время как религия — внешняя сторона веры, по форме связанная с ней, но часто служит прикрытием человеческих комплексов и страстей — самоутверждению, тщеславию, гордости, самодовольному желанию возвыситься над другими, властвовать над душами и поучать. А иногда, не осознавая этого, упиваться собственным моральным превосходством и добродетелью. Эта сторона религии, имеющая мало общего с искренней верой и искажающая ее, в православии, например, именуется «прельщением» или «прелестью» — состоянием духовного заблуждения, когда лесть, прежде всего лесть самому себе, принимается за правду [Быт. 3:13; Второзаконие 4:19; 2 Кор. 11:3; Мк. 13:5].

В православной традиции причины «прелести» принято видеть в происках дьявола, который, принимая обличие святости, соблазняет людей, религиозными средствами подталкивая их следовать своим страстям, прежде всего гордости, самолюбованию и тщеславию. «Прелесть» — упоение внешностью, а не содержанием, самообольщение и потворство себе под благовидным предлогом, под прикрытием авторитета какой-либо доктрины, идеологии, религии.

Чем большим *потенциалом прельщения* обладает идеология, чем более содействует она самоутверждению личности, тем более эффективным политическим инструментом она является. Особенно сильно такое воздействие опять же на молодежь, тем более если у нее нет внешних, материальных сдерживающих упоение идеологией факторов — крепких семейных отношений и традиций, включенности в традиционные социальные структуры, или напротив — если эти структуры не занимают молодежь или отвергают ее. Молодые люди, со свойственными им порывистым максимализмом оценок и отсутствием жизненного опыта, который помогает корректировать жесткость и схематичность оценок, оказываются ценной и легкой добычей как для истинных апостолов идеологии, так и для циничных политтехнологов.

Все отмеченные А. Маслоу потребности человека могут использоваться как отправные точки анализа мотивов индивидуального и социального поведения. Подобный анализ важен для понимания природы происходящих в обществе процессов и прогнозирования последствий

социальных экспериментов — прежде всего «цветных» и иных «демократических» революций, осуществляемых при поддержке США и других стран Запада. Идеологическое противостояние США и остального мира делает актуальной задачу противодействия одних государств информационной агрессии других.

Опыт «арабской весны» и событий на Украине показал, насколько опасным для стабильности государства может быть информационное влияние извне. Учитывая этот опыт, в соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации российское правительство добивается выработки под эгидой ООН правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности в политической, экономической и общественной сферах [2].

Возвращается понимание важности для развития российского общества и национального самосознания. Ярким примером такого понимания является подписанная президентом в феврале 2013 г. Концепция внешней политики Российской Федерации. В документе отмечается, что Россия в международной политике придерживается принципов прагматизма и деидеологизации международных отношений. Это, прежде всего, означает восприятие мира во всем его многообразии и учет цивилизационных интересов различных стран. Российская Федерация будет стремиться укреплять в мире позиции русского языка, консолидировать зарубежную русскую диаспору, «содействовать развитию конструктивного диалога между цивилизациями в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и религий» [2].

Концепция фиксирует объективную необходимость предотвращения межцивилизационных конфликтов, в условиях возрастающей в современном полицентричном, многоукладном и неоднородном мире роли цивилизационной идентичности, важность опоры на «общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий» [2]. Она отражает значимые для российского общества ценности, является примером нового подхода к формулированию государственной идеологии в условиях глобализации. Это прогрессивное явление в обеспечении информационной безопасности государства, четко формулирующего свои внешнеполитические приоритеты. Концепция — не жесткая идеологическая схема, характерная для идеократических авторитарных режимов, а гибкий рабочий инструмент, который соответствует духу времени и тем задачам, которые стоят перед страной.

Литература

1. **Ватсыяна М.** Кама-сутра. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 26.11.2016).

3. **Маслоу А. Г.** Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2011.
4. **Райх В.** Психология масс и фашизм. М. : АСТ, 2004.
5. **Троцкий Л. Д.** Перманентная революция. СПб. : Азбука-классика, 2009.
6. **Фромм Э.** Иметь или быть? М. : АСТ : Астрель, 2010.
7. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М. : АСТ : Ермак, 2004.
8. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
9. Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council, 2012.
10. **Reisner O.** Travelling between Two Worlds — the Tergdaleulebi, Their Identity Conflict and National Life // Identity Studies. 2009. Vol. 1. ◆

Германия перед лицом новых вызовов

Трансатлантический вектор и лидерство в Европе

© Пименова Е. В.

© Pimenova E.

Германия перед лицом новых вызовов. Трансатлантический вектор и лидерство в Европе

Germany in front of new challenges. Transatlantic vector and leadership in Europe

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать, каким образом влияет актуальный внешнеполитический курс германского руководства на внутригосударственные процессы: как справляется страна с новыми вызовами, что волнует немецкое общество, и с чем входит Германия в новый календарный год. Среди основных вопросов, требующих от властей безотлагательного решения, рассматривается охвативший Европейский Союз и напрямую затронувший ФРГ острейший миграционный кризис, проблемы трансатлантического сотрудничества и санкционной политики в отношении России.

Annotation. This article analyzes how the foreign policy of the German government affects the domestic political processes: how the country faces new challenges, what problems concern German society, what issues would Germany face in the new year. Among the main questions demanding urgent solution from the German government and coaxing consensus of opinions are the deepest migration crisis that affected EU and Germany particularly as well as Transatlantic cooperation and sanction policy against Russia.

Ключевые слова. ФРГ, Европейский Союз, беженцы, атомное оружие, санкции, миграционный кризис, трансатлантическое партнерство, миграционная политика.

Key words. BRICS, Germany, European Union, refugees, atomic weapons, transatlantic partnership, sanctions, migration policy.

В последние годы привычной и укрепившейся в общественном сознании стала мысль о том, что ФРГ не только продолжает быть локомотивом евроинтеграции, но и становится все громче заявляющим о себе политическим лидером на европейском континенте. Страна вроде бы постепенно переходит от прежней политики наблюдателя к политике действий: платит по счетам Евросоюза, спасает Грецию от дефолта, берет на себя основную тяжесть урегулирования украинского конфликта и решения острейшего миграционного кризиса, затронувшего всю Европу.

Начинает даже казаться, что Германия постепенно оставляет в прошлом свой болезненный комплекс исторической вины, отходя от декларировавшегося в течение семи послевоенных десятилетий «принципа военной сдержанности». В небе над странами Балтии на боевое

дежурство заступают немецкие истребители с полным боекомплектом на борту. «На полях» 70-й Генассамблеи ООН канцлер Ангела Меркель заявляет, что ФРГ должна войти в состав постоянных членов Совета Безопасности, а на одном из военных объектов на западе страны планируется поэтапная модернизация размещенного там ядерного оружия США.

Германия вступает в новый год с целым багажом внешних вызовов, тот или иной ответ на которые может обозначить дальнейшие перспективы курса, взятого руководством страны. В связи с этим немаловажными представляются вопросы о том, как справляется Берлин с этой новой для него ролью, что волнует рядовых немцев, и как преломляется внешнеполитический контекст во внутригосударственных процессах.

Отменить нельзя продолжить

На протяжении полутора лет одной из определяющих проблем для европейской внешней политики является конфликт на Украине, а также вопрос формирования и реализации системы санкционных мер против России. Германия в этом смысле не стала исключением — в официальной политической риторике постоянно звучат заявления о недопустимости «аннексии» Крыма, о злонамеренном противодействии России демократическим преобразованиями на Украине, о расширении пакета санкций в отношении «страны-агрессора».

Важно подчеркнуть, что бизнес-сообщество ФРГ практически сразу после введения первого пакета мер высказалось резко против, т. к. вызванное санкционной политикой снижение немецкого экспорта в Россию стало оказывать негативное влияние на целый ряд компаний, ориентированных на российский рынок. Германские промышленники даже обратились к А. Меркель с конфиденциальным письмом, в котором призывали не усиливать режим санкций [1].

Тем не менее очевидно, что немецкий бизнес обладает серьезным запасом прочности, а предприятия, работающие с Россией на системной основе, находят пути для обхода ограничений. Поэтому в политических, деловых и экспертных кругах все чаще звучат заявления о неэффективности и даже полной бесполезности санкций. Так, например, Германско-российская внешнеторговая палата (Deutsch-Russische Auslandshandelskammer — АНК) провела среди топ-менеджеров 158 немецких фирм (общая численность персонала 67 тыс. человек, годовой оборот 13,4 млрд евро) опрос с целью выяснить их оценку текущей экономической ситуации, влияния санкций на бизнес и прогнозов на будущее. Три четверти респондентов отметили безрезультатность ограничительных мер в политическом смысле. Президент АНК Райнер Зееле, комментируя итоги опроса, подчеркнул, что, тем не менее, «запланированные на ближайшие годы инвестиции в размере 900 миллионов евро — свидетельство того, что вера немецкого бизнеса в устойчивость российского рынка неизменно высока» [4].

С трезвой политической оценкой результата санкционных мер выступил председатель Германо-российского форума, в недавнем прошлом премьер-министр правительства земли Бранденбург Маттиас Платцек: «Эффект санкций ЕС против России оказал действие, обратное тому, что ожидали в ЕС. Санкции не смогли положить конец конфликту на Украине, а также не усилили давление со стороны российского населения на руководство страны. Напротив, люди и правительство России стали ближе друг к другу, Россия в настоящее время ищет другие торговые маршруты и контакты. Является ли это тем путем, которым мы должны продолжать идти? Я сомневаюсь. Поскольку санкции оказались бесполезными, их необходимо корректировать или вовсе отменить» [5].

И хотя в немецком деловом, экспертном и журналистском сообществах призывы не демонизировать образ России, отказаться от тенденциозного и одностороннего освещения украинских событий в германских СМИ и отойти от санкционного подхода в отношении России звучат давно, до сих пор они оставались во многом прерогативой левых сил и альтернативных объединений ФРГ. Однако в связи с эскалацией насилия на Ближнем Востоке, очередным витком гражданской войны в Сирии, появлением новых угроз мирового терроризма все отчетливее становятся сигналы Берлина о невозможности решать весь этот спектр вопросов без полноформатного участия России. А санкционная политика в этом контексте представляет одно из серьезных ограничений на пути к взаимовыгодному сотрудничеству.

В связи с эскалацией насилия на Ближнем Востоке, очередным витком гражданской войны в Сирии, появлением новых угроз мирового терроризма все отчетливее становятся сигналы Берлина о невозможности решать весь этот спектр вопросов без полноформатного участия России.

Так, вице-канцлер Германии Зигмар Габриэль (СДПГ) публично заявил, что Берлину необходимо отменить антироссийские санкции, чтобы начать целенаправленный диалог с Москвой по урегулированию сирийского конфликта. Габриэля в его позиции поддержали и другие видные социал-демократы: премьер-министр федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания Эрин Селлеринг, министр финансов и экономики Баден-Вюртемберга Нильс Шмидт [17].

Еще один из заметных примеров поиска конструктивных подходов к решению ситуации — вышедшая в мае 2015 г. книга известного немецкого журналиста, многолетнего редактора, а ныне — колумниста

респектабельной земельной газеты «Баварский курьер» Вильфрида Шарнагла под названием «Над пропастью: к полемике за иное отношение к России» [16]. Примечательно, что с попыткой непредвзято подойти к пониманию причин и предпосылок украинского кризиса, а также наметить пути улучшения внешнеполитических отношений России и Европы выступил журналист с солидным именем, «классический» западно-германский консерватор, член партии ХСС, являвшийся на протяжении многих лет консультантом баварского премьер-министра. Интересно отметить, что в отношении процесса воссоединения Крыма с Россией автор считает субстанционально неверным термин «аннексия» и вводит в оборот понятие «сецессия». Журналист также полагает, что политические и военные события на Украине могут быть урегулированы только тогда, когда Запад приложит все усилия, чтобы понять и другую, российскую сторону. Но, как и следовало ожидать, книга не вызвала широкого медийного резонанса.

Надо отметить, что доминирование официальной, «правильной» точки зрения на ключевые вопросы германской политики в мейнстримных СМИ страны вызывает серьезное общественное недовольство. Так, весной 2015 г. гражданские объединения ряда крупных городов Германии начали кампанию против одного из медиагигантов ФРГ — холдинга «Аксель Шпрингер». Раздавались, в частности, призывы бойкотировать издаваемый им самый многотиражный немецкий таблоид Bild. По мнению инициаторов кампании, газета представляет крайне одностороннюю и одиозную позицию в освещении внешне- и внутривнутриполитических вопросов, являясь фактически инструментом неприкрытой пропаганды и циничного манипулирования общественным мнением. Бойкот вышел за рамки уличного протеста. К нему присоединился ряд розничных торговцев прессой, а вскоре — и крупная сеть супермаркетов, не желавших видеть Bild в своем ассортименте [8]. Еще одним весомым шагом в борьбе с тенденциозностью немецких массмедиа стала нашумевшая и в считанные дни ставшая бестселлером книга журналиста Удо Ульфкотте, где он разоблачил ряд «солидных» печатных СМИ, документально доказав коррумпированность их редакционной политики [6].

Тем не менее призывы общественности остались неслышанными, и канцлер ФРГ при поддержке премьер-министра Великобритании решила продолжить санкции; а парламентарии стран НАТО призвали свои правительства рассмотреть возможность ввести более жесткие экономические ограничения против РФ, если «Россия не будет соблюдать Минские соглашения».

«ЭТО НЕ МОЯ СТРАНА»

В августе все мировые СМИ буквально «взорвали» шокирующие кадры: десятки тысяч беженцев, преимущественно из Сирии, стали всеми возможными путями проникать в Европу. Люди на утлых суденышках переплывали море, шли пешком по автострадам и железнодорожным

путям, блокировали вокзалы, отчаянно влезали в переполненные вагоны поездов.

Как случилось, что в Европу, и в основном в Германию, одновременно хлынул практически неконтролируемый поток беженцев? Отчасти это объясняется совокупностью объективных факторов: активизацией террористической организации ИГИЛ, незатухающей гражданской войной в Сирии, а также чрезмерной нагрузкой на гуманитарную инфраструктуру в граничащих с ней странах, где еще недавно массово оседали сирийские беженцы. Кроме того, сыграл свою роль и тот простой факт, что летом и ранней осенью переезжать значительно проще в силу более комфортных погодных условий (пик приема беженцев пришелся на август—сентябрь).

Стоит также учитывать колоссальные доходы от криминального бизнеса по нелегальным трансферам в Европу. Ради сверхприбыли перевозчики готовы беспрерывно отправлять все большие партии людей, как груз — без соблюдения хотя бы мало-мальски человеческих условий транспортировки (помимо регулярных сообщений о гибели в Средиземном море лодок, переполненных людьми, стоит напомнить произошедшую непосредственно на территории ЕС и ужаснувшую весь мир трагедию в Австрии, когда в грузовике полиция обнаружила 70 трупов беженцев, незаконно следовавших в Германию и задохнувшихся в маленьком кузове автомобиля).

Еще одним важнейшим фактором, приведшим к столь глубокому кризису, стала недооценка серьезности проблемы самими немецкими властями. По признанию руководства страны, А. Меркель и ее правительство долгое время просто не осознавали масштаб ситуации. Канцлер изначально самоустранилась от решения этого все более назревавшего вопроса, переложив его на министра внутренних дел Томаса де Мезьера. Глава МВД в свою очередь полагал достаточным применение лишь косметических мер: расширение штата Ведомства по делам мигрантов и беженцев (BAMF), внедрение ускоренной процедуры высылки из страны и проведение кампаний по ограничению миграционного потока в Германию через Балканы. Спустя некоторое время Де Мезьер скорректировал прогнозы относительно числа людей, ищущих убежище в Германии, в сторону резкого увеличения показателей, а шеф BAMF Манфред Шмидт признал, что «увидел их слишком поздно».

По официальным данным, в течение года в страну ожидается прибытие около 800 тыс. беженцев, а затраты на их размещение, оформление и дальнейшие операции составят около 10 млрд евро [20]. Однако профильные структуры постоянно актуализируют информацию, и, в соответствии с внутриведомственными оценками, число прибывших до конца года может превысить 1,5 млн.

Весьма острой проблемой становится также вопрос временного размещения мигрантов на период, требуемый для установления их личности и принятия решения о присвоении статуса беженца. В качестве необходимых локаций служат спортивные залы, заброшенные дома,

казармы, муниципальные общежития. Иногда в прессу попадает информация о расселении беженцев на территории бывших концентрационных лагерей, что сразу же становится поводом для медийного скандала. Так, например, произошло в городе Шверте, где местная администрация решила предоставить в качестве жилья бараки, относившиеся в свое время к инфраструктуре Бухенвальда [14]. Однако власти призывают СМИ спокойнее относиться к проведению исторических параллелей, ибо вопрос поиска достаточных площадей требует активизации всех возможных резервов.

С момента начала острой фазы кризиса немецкие СМИ пытались всячески нивелировать масштаб проблемы и сгладить потенциальные проявления радикализма и ксенофобии. Ежедневно в эфире ведущих телеканалов и на первых полосах газет демонстрировались массовые митинги воодушевленных немцев, восторженно встречающих прибывших мигрантов и запускающих приветственные фейерверки в их честь. Появились многочисленные волонтерские движения, соответствующие интернет-сообщества. По социальным сетям моментально разошелся хэштег #refugeeswelcome («добро пожаловать, беженцы»), который даже отпечатали на командной форме для некоторых футбольных клубов немецкой Бундеслиги. А с подачи Ангелы Меркель родился слоган «Мы справимся!» («Wir schaffen das!»), ставший вербальным символом сплочения нации в непростой для страны период.

Но, несмотря на активные медиакампании по приданию проблеме позитивного контекста, страна разделилась на два лагеря: оптимистов и скептиков.

Оптимисты полагают, что сложившиеся обстоятельства станут долгожданным стимулом к решению годами назревавшей проблемы и просто подтолкнут власти к необходимой реформе миграционного законодательства ЕС и принятию общеевропейского закона о беженцах. Кроме того, в качестве одного из ключевых аргументов в пользу максимально возможного приема и размещения беженцев на территории ФРГ дебатруется тезис о том, что это большой приток рабочей силы и существенный фактор улучшения демографической ситуации. А председатель правления немецкого автомобилестроительного концерна Daimler Дитер Цетше даже заявил, что прибытие в Германию более 800 тыс. мигрантов заложит основу экономического подъема, сравнимого с послевоенным бумом [2].

Скептики, напротив, рассматривают волну мигрантов как непомерную нагрузку для бюджета и социальной инфраструктуры страны. Весьма затруднительным делом, по их мнению, станет не только выплата пособий, но и обеспечение достаточного количества мест в школах, адаптационных классах, детских садах. Серьезных усилий потребуют организация особой системы медицинского страхования, специализированная языковая подготовка для взрослых и детей, поиск и обучение необходимых для этих целей педагогов. И все это в перспективе неизбежно приведет к повышению налогового бремени для населения страны.

Серьезные опасения также высказываются и в связи с тем, что, возможно, под видом сирийских беженцев в Германию начнут проникать боевики ИГИЛ. Пессимистично настроенные эксперты даже считают вероятным в связи с этим принятие властями ЕС радикальных мер — вплоть до полного восстановления границ внутри Евросоюза, а также внесения изменений в Основной закон ФРГ. Особая конституционная поправка позволила бы ускорить процедуру отказа в предоставлении убежища прибывшим из стран, не входящих в список «опасных», и незамедлительно высылать людей обратно на родину.

На волне миграционного кризиса наметился также явный раскол внутри правящей коалиции, и прежде всего в партийном союзе Ангелы Меркель — ХДС/ХСС. Вновь зазвучал голос Баварии, уже не раз демонстрировавшей интенцию к большей региональной независимости в рамках федерации. Баварские христианские демократы серьезно критикуют действия, предпринимаемые ведомством федерального канцлера, по урегулированию ситуации с мигрантами.

Так, президиум ХСС трактовал решение правительства о разрешении беженцам беспрепятственно въезжать в Германию через Венгрию (игнорируя Дублинские соглашения, требующие регистрации мигрантов в стране первого въезда в Евросоюз) как в корне неверное. Молодежное крыло партии высказалось еще более радикально, обвинив в эскалации кризиса лично Меркель. В защиту своего курса канцлер произнесла тут же подхваченную СМИ и интернет-блогерами фразу: «Если мы теперь должны извиняться за то, что в трудную минуту показали свое дружелюбное лицо, — тогда это не моя страна».

Надо сказать, что само явление массовой иммиграции для Германии не ново. В контексте сегодняшней общественной и политической полемики нередко приводятся в пример события 1989 г., когда после падения берлинской стены в Западную Германию потоком устремились восточные немцы. Страна оказалась перед вполне сопоставимым вызовом: из ГДР в ФРГ пересели более тогда 350 тыс. человек «переселенцев» — как называли беженцев из ГДР. К 1990 г. этот показатель достиг практически миллиона [19]. Гельмут Коль сказал в те дни: «Нас как федеративную республику это затрагивает непосредственно, и если мы не справимся, вся Центральная Европа будет дестабилизирована».

Второй аналогичный пример — это волна беженцев из бывшей Югославии, хлынувшая в Германию во время косовского кризиса. В 1992 г. в страну, по официальным данным, въехало около 450 тыс. человек.

Но именно эти примеры наглядно показывают, насколько преждевременна радость по поводу скорой и успешной интеграции очередной волны мигрантов. Ибо сами немцы до сих пор, спустя четверть века, нередко делят друг друга на «осси» и «весси» (т. е. восточных и западных), а в сегодняшней ситуации речь и вовсе идет о народах иной культуры, иного вероисповедания, языка и традиций.

В этом смысле тесно взаимосвязанной и долгосрочной проблемой становится ощутимый рост праворадикальных настроений в немецком обществе. Периодические сообщения о насилии по отношению

к беженцам и о поджогах в лагерях и местах их временного размещения превращаются для Германии в привычный информационный фон.

Самым массовым проявлением ксенофобии стали августовские беспорядки в саксонском городе Хайденау, где в течение нескольких дней у вновь построенного приюта для беженцев проходили манифестации ультраправых. В ходе столкновений пострадали около 40 полицейских. На фоне этих событий журнал Spiegel даже запустил специальный проект под названием «Интерактивная карта насилия», где в режиме реального времени фиксируются и классифицируются правонарушения против мигрантов [11].

С недавнего времени в стране начался процесс формирования организованных сил, критически настроенных по отношению к миграционной политике ФРГ. Одним из самых тревожных в этом смысле регионов остается Саксония, где традиционно сильные позиции имеет националистическая партия NPD (Национально-демократическая партия), вплоть до последних местных выборов занимавшая места в земельном ландтаге.

Именно в саксонской столице Дрездене в конце 2014 г. было создано движение PEGIDA (Патриотические европейцы против исламизации Европы), основными лозунгами которого стали: «Против религиозных войн на немецкой земле», «За сохранение нашей культуры», «Против религиозного фанатизма». Движение привлекло к себе внимание властей и СМИ в тот момент, когда его митинги стали собирать десятки тысяч людей, среди которых были уже не радикальные фанатики, а вполне состоявшиеся люди, представители среднего класса, в том числе студенты и даже пенсионеры. Надо отметить, что ряды сторонников PEGIDA постоянно расширяются, и движение уже вышло за пределы Саксонии, приобретя общегерманский характер.

На фоне роста активности PEGIDA Ангела Меркель объявила «нулевую толерантность к ненависти и ксенофобии», пообещав «расследование и наказание по всей строгости закона» [10]. Ведь тема национализма имеет для Германии особое звучание, а с учетом нынешних процессов она угрожает в перспективе стать одним из серьезнейших факторов дестабилизации внутренней и внешней обстановки в ФРГ и Европе.

Трансатлантический вектор

С 2013 г. Германия включилась в работу по подготовке проекта масштабного Соглашения о свободной трансатлантической торговле (ТТIP) между США и Европейским Союзом, которое тут же окрестили «экономическая НАТО». Планировалось, что итоговый текст документа будет представлен до конца 2015 г., а вступит в силу после всех необходимых процедур ратификации национальными законодательными органами стран—членов ЕС и утверждения в Европейском парламенте.

Однако именно в этом году, на этапе проведения основных раундов согласования его ключевых положений, документ спровоцировал острейшую общественную полемику, вызвал волну возмущения и привел к многотысячным митингам по всей Европе. Самые многочисленные протесты прокатились по Германии. Из 700 европейских акций, запланированных в 45 странах, 230 прошли на территории ФРГ [12]. Массовые манифестации охватили как крупные города, так и небольшие населенные пункты, в них приняли участие десятки и даже сотни тысяч человек.

В Мюнхене митинг против ТПР собрал, по официальным оценкам, более 15 тыс. человек. В Карлсруэ активисты организовали велосипедную демонстрацию. В Ной-Ульме кортеж из тракторов перекрыл основные магистрали. В Берлине несколько сотен протестующих выстроились в «живую цепь». Около 2 тыс. человек собрали митинги в Лейпциге и Штутгарте. Стоит отметить, что акции протеста носили не одноразовый характер, а стали системным явлением. Шествие противников трансатлантического соглашения, состоявшееся в октябре в германской столице и прошедшее под лозунгом «Экономика для людей, а не люди для экономики», собрало, по данным организаторов, около 250 тыс. участников.

Главное опасение противников ТПР заключается в том, что соглашение расширит возможности крупнейших транснациональных корпораций по лоббированию их интересов, даст глобальному бизнесу возможность обходить, в том числе и в судебном порядке, государственное регулирование рынков и приведет к еще большей экономической зависимости Европы от США. Кроме того, Германия в одностороннем режиме не сможет отказаться от своих обязательств по договору, ибо, заключенный однажды, он может подлежать пересмотру лишь при согласии всех сторон.

Но почему же все-таки социальное недовольство оказалось столь высоким? Европейское, и в частности немецкое, антиглобалистское движение всегда было сильным; и в этом смысле ТПР безусловно лишь спровоцировало всплеск его протестной активности. Однако важно отметить, что соглашение несет вполне очевидные угрозы и для рядовых граждан, которые небезосновательно опасаются, что на европейский рынок хлынет поток допустимых в США, но пока запрещенных в Европе, генетически модифицированных и гормоно-содержащих продуктов, мяса клонированных животных и хлорированных кур.

Серьезную обеспокоенность проявляют и сельхозпроизводители, полагая, что соглашение ослабит сельское хозяйство ЕС, а транснациональные агропромышленные гиганты при этом получают еще большие прибыли и расширят свои возможности. Тем не менее канцлер Меркель осталась непреклонна, назвав такую критику необоснованной. По планам немецкого правительства, документ может быть утвержден в течение 2016 г. Таким образом, подготовка и подписание ТПР становятся одним из факторов, способных ощутимо повлиять на имидж руковод-

ства страны и привести к образованию целого ряда организованных и действующих на системной основе протестных объединений и групп, к значительному расширению рядов сторонников антиглобализма.

Еще одной проблемой, способной действительно расколоть немецкое общество, является вопрос об атомном оружии США, размещенном в специальных хранилищах на территории Западной Германии еще в начале 1950-х гг. и находящемся там до сих пор. В связи с этим стоит напомнить, что из общего числа американских военных объектов в ФРГ 25 являются полноценными военными базами, а контингент дислоцированных там американских войск составляет, по разным данным, от 40 до 70 тыс. солдат и офицеров. Это второй по величине военный контингент США в мире. Ядерный арсенал, по экспертным оценкам, может исчисляться в пределах от 150 до 200 бомб.

В сентябре в прессу просочилась информация о планах американского военного командования приступить к ускоренной технологической модернизации 20 атомных бомб, хранящихся на военной базе «Бюхель» в федеральной земле Райнланд-Пфальц. Общая мощность их потенциального взрыва, предположительно, сопоставима с 80 снарядами, сброшенными на Хиросиму. Ставшая достоянием общественности информация вызвала бурю протеста среди населения и острейшие дискуссии в политических кругах. На западе страны прокатилась волна демонстраций против американского военного присутствия и размещения атомного оружия.

Следует отметить, что дебаты вокруг данного вопроса ведутся давно. Ряд политиков и экспертов считают сохранение нынешнего положения необходимым «балансом сдерживания» и фактором, дающим ФРГ дополнительные рычаги влияния в рамках Североатлантического альянса. Однако существует и сильная коалиция противников такого подхода.

Так, в 2010 г. бундестаг большинством голосов утвердил заявление о постепенном отказе от размещения атомного оружия на территории Германии и его поэтапном выводе из страны [18]. Было принято решение поставить этот вопрос на повестку дня в рамках НАТО и непосредственно в двусторонних переговорах с США. Тогдашний министр иностранных дел Гидо Вестервелле назвал сложившуюся ситуацию «реликтом “холодной войны”». В ходе многочисленных дискуссий депутаты и политики называли вывод ядерного оружия «вопросом выживания» и «самым большим вызовом человечества». Однако заявление парламента с юридической точки зрения носило рекомендательный характер, и правительство предпочло, не педалируя эту проблему, проигнорировать дальнейшие шаги по ее решению.

Сегодняшняя ядерная политика канцлера Меркель носит весьма противоречивый характер: после трагедии на японской Фукусиме (2011) было решено запустить процесс постепенного закрытия всех действующих атомных электростанций ФРГ и отказаться от «мирного атома» в целом. А всего лишь несколькими годами позже всерьез решается вопрос об обновлении военного ядерного арсенала, находящегося в стране.

По странному стечению обстоятельств, именно на пике общественных дискуссий вокруг атомной проблемы, в середине сентября, в США разгорелся PR-скандал, повлекший за собой настоящую цепную реакцию в обществе. В автомобилях немецкого концерна Volkswagen с дизельными двигателями было обнаружено программное обеспечение, позволяющее занижать показатели при проверке уровня выброса вредных веществ.

На основании тестов, проведенных университетом Западной Вирджинии, в Министерстве юстиции США было начато уголовное расследование инцидента, в связи с чем автопроизводителю в сентябре грозил штраф в 18 млрд долларов. В октябре адвокаты инвесторов пригрозили VW иском еще на 40 млрд евро [3]. Председатель Совета директоров концерна Мартин Винтеркорн объявил о своей отставке, за ним последовал еще один топ-менеджер — председатель правления Škoda Винфрид Фаланд, а рыночная стоимость компании снизилась на 16 млрд евро. На устранение последствий и восстановление имиджа Volkswagen зарезервировал еще около 6,5 млрд евро.

В Германии скептически отнеслись к информации такого рода из США: с трудом верится, что немецкий автогигант мог играть не по правилам глобального рынка, и несколько инженеров вдруг самовольно начали экспериментировать со специфическим программным оборудованием. К тому же повод для беспрецедентного разбирательства связан не с нарушением систем безопасности автомобилей и их ходовыми характеристиками, а с экологическими показателями.

Тем не менее сильнейший репутационный удар был нанесен, и, как представляется, не случайно он пришелся на один из столпов немецкого автопрома: автомобильная индустрия является крупнейшей статьей германского экспорта и самым большим работодателем, обеспечивая около миллиона рабочих мест по стране. По последним данным, под подозрением американского Агентства по охране окружающей среды, находится и продукция баварского автогиганта BMW.

В столь непростых условиях Ангеле Меркель предстоит решить ряд серьезных задач: дать зеленый свет планам по модернизации ядерного оружия и обеспечить присоединение ФРГ к Трансатлантическому торговому соглашению, словив при этом сопротивление оппозиции и преодолев негативное отношение значительной части общества. А главное — попытаться выйти из этого противостояния с минимальными имиджевыми потерями.

Так какой же при всех этих перипетиях, в условиях новых для Германии вызовов формируется образ канцлера? В экспертных кругах все чаще звучит мнение о чрезмерной осторожности и нерешительности курса Меркель. Политики и общественные деятели нередко отмечают: «Она не действует, а реагирует». Показательно, что в общенациональной молодежной акции «Слово года-2015», которая проводится с 2008 г. крупнейшим немецким издательством «Лангеншайдт», одержал верх и получил большую популярность глагол-неологизм «merkeln», образованный от фамилии канцлера и означающий «ничего не делать, не принимать решений, ничего не выражать» [7].

Согласно последним замерам общественного мнения, рейтинги Ангелы Меркель заметно снизились, в особенности на фоне кризиса с беженцами. 48% немцев считают миграционную политику канцлера неверной [9; 13]. Не утихает критика и со стороны ее коллег по партийному союзу ХДС/ХСС. Представители консервативного крыла ХСС предложили прекратить сотрудничество с партией христианских демократов, возглавляемой канцлером, высказавшись в ультимативной форме: «Или уйдет она, или мы». А премьер-министр Баварии пригрозил даже подать жалобу в Конституционный суд ФРГ, если проблема беженцев не будет разрешена в обозримой перспективе.

С недавних пор нередки и упреки в несамостоятельности внешней политики Меркель, ее зависимости от позиции США (впервые в плоскость серьезного публичного обсуждения эти дискуссии вывел скандал с прослушиванием американским Агентством национальной безопасности телефонов высшего руководства Германии). Квинтэссенцией такой позиции может служить критическая речь, обращенная в адрес федерального канцлера с трибуны парламента из уст заместителя главы фракции «Левых» в бундестаге Сары Вагенкнехт: «Вы проиграли все наследие политики разрядки и привели Европу к новой “холодной войне”, к опасности распространения пожара, потому что у вас не хватило мужества противостоять американскому правительству. Граждане нашей страны заслужили лучшую политику — добрых отношений со всеми соседями в Европе... Нам нужна внешняя политика, для которой безопасность и мир в Европе будет важнее, чем указания из Вашингтона» [15].

В социальных сетях формируются целые группы, призывающие Меркель покинуть свой пост, на многочисленных демонстрациях то и дело возникают плакаты «Меркель, долой!». В немецких таблоидах периодически начинают появляться сообщения, что Ангелу Меркель прочат на те или иные солидные посты в международных структурах. Один из последних примеров — информация о том, будто для нее готовится место генсека ООН после завершения мандата нынешнего главы организации Пан Ги Муна. Конечно, такого рода предположения на деле имеют мало общего с реальностью. Но, тем не менее, они отражают настроения общества, желающего видеть на месте Ангелы Меркель более самостоятельного политика, продвигающего более решительный внешнеполитический курс.

Создается впечатление, что уровень социального недовольства политикой канцлера весьма высок. Однако, по мнению политологов, серьезно позициям Меркель ничто не угрожает, и даже миграционный кризис не способен радикально поменять расстановку сил. По информации ряда источников, она даже планирует вновь выставлять свою кандидатуру на общенациональных парламентских выборах в 2017 г. и рассчитывает получить для своей партии большинство мест в парламенте.

Не исключено, что к началу избирательной кампании ХДС/ХСС может потерять несколько пунктов в рейтингах общественной поддержки. На нынешнем этапе показатели ХДС колеблются на уровне 38–40%, а это

ровно столько, сколько имеют шансы получить остальные парламентские партии, вместе взятые.

Основная сложность и неочевидность выбора для электората заключается в том, что ни одна из политических сил не в состоянии предложить эффективное и понятное решение проблемы с беженцами. К примеру, социал-демократы и «зеленые» настаивают на еще большей открытости страны для мигрантов, причем не только с Ближнего Востока, но и из Африки, Юго-Восточной Азии и Балканских стран. Партия «Левых» ратует за предоставление им максимально широкого спектра социальной поддержки, в том числе и путем возможного увеличения налогообложения состоятельных граждан Германии.

Заметный рост влияния праворадикальных сил, ориентированных не на уличные протесты, а на парламентскую работу в рамках системной оппозиции, вряд ли возможен — в этом отношении в немецком обществе слишком сильны исторические коннотации. Но есть все основания полагать, что такие силы, как либеральная партия FDP (Свободная демократическая партия Германии) и консервативная AfD (Альтернатива для Германии), вполне могут преодолеть 5-процентный барьер и попасть в парламент в 2017 г. за счет роста протестных настроений в стране.

* * *

Таким образом, Германия столкнулась сегодня с целым комплексом новых внешних и внутренних проблем, не сумев пока сформулировать действенные методы их преодоления. Ключевым в этом смысле стал процесс урегулирования взрывоопасного миграционного кризиса, уверенности в оптимальном решении которого до сих пор нет ни в обществе, ни в правящих кругах.

Нет и исчерпывающего объяснения той остроте, с которой вопрос беженцев вдруг встал перед Евросоюзом. При внимательном отслеживании этой темы, способов ее подачи и раскрутки в европейских СМИ складывается ощущение определенной «конструируемости» проблемы путем применения медийных и социальных технологий. Ситуация все более напоминает «управляемый хаос», дающий возможность точно влиять на внутригосударственные процессы, прежде всего в ФРГ: обострять социальные противоречия, оказывать дестабилизирующее экономическое воздействие, форматировать политические расклады.

Очевидно, что в уходящем году страну охватила небывалая волна общественного недовольства политическим курсом немецкого руководства. Уровень социальной турбулентности, наверное, впервые столь высок с момента объединения Германии в 1990 г. Одна из основных, глубинных причин такого положения дел видится в том, что в литературе и СМИ получило название массового социально-политического когнитивного диссонанса. Страна на протяжении долгих десятилетий развивала демократию, и в гражданском обществе культивировалось чувство убежденной приверженности идее прямого демократического управления. Однако сегодня становится все

заметнее, что вопросы, имеющие действительно принципиальное, жизненно важное значение для людей, невозможно решить путем широкого общественного консенсуса и обсуждения. И если каким-то силам выгодно втягивать страну в спорные торговые соглашения, в бесперспективные политические коалиции, идущие вразрез с экономическими интересами ФРГ, и хранить на ее территории ядерное оружие в боевой готовности, значит, такая ситуация может сохраниться еще на неопределенное время.

Готовы ли власть и общество мириться с таким положением дел? Сегодня все отчетливее проявляется процесс постепенного вызревания некоего социального ядра альтернативной политики, в котором аккумулируются левые силы, гражданские движения за мир, антиглобалистские объединения и другие несистемные сетевые структуры. Общим требованием для них является одно: возможность отстаивать собственную позицию на международной арене и проводить выгодный для Германии и ее народа внешнеполитический курс.

Однако на современном этапе не заметно признаков возможности радикальной смены вектора развития для ФРГ. Политические элиты избирают консервативный путь, и думается, для заметного пересмотра геополитических ориентиров понадобится еще много лет. Впрочем возможно, к тому времени Германия уже станет совершенно другой страной, а злободневная шутка немецкого телеканала ARD, изобразившего канцлера Меркель в хиджабе, окажется не столь уж далекой от реальности.

Немцы привыкли жить в ощущении, что их страна освободилась от гнета преступлений национал-социализма, преодолела «ошибочный поворот немецкой истории», и все экономические и политические успехи страны, стабильность жизни, уверенность в завтрашнем дне, доверие к собственному правительству — это заслуженный результат большой общественной, политической и духовной работы людей, желающих процветания собственной стране. И это, безусловно, так. Однако в тихом европейском благополучии постепенно затушевывается и забывается тот факт, что с 1945 г. США системно инвестировали громадные средства в восстановление немецкой экономики, тщательно возвращали политические и деловые элиты, интенсивно развивали многопрофильные программы трансатлантического партнерства и фиксировали собственное долгосрочное военное присутствие на территории ФРГ.

И нынешний кризис в международных отношениях, несущий в себе все признаки грядущих геополитических трансформаций, обнажил, к сожалению, даже не традиционно понимаемую зависимость, а тотальную встроенность ФРГ в американскую систему управления. Для ее реализации существует целый спектр разнообразных инструментов и рычагов, наработанных десятилетиями и вынуждающих руководство страны раз за разом принимать крайне непопулярные решения и поступать вразрез с чаяниями большинства избирателей. Сегодня ясно одно: пережив, переболев и исторически переварив трагедию собственного прошлого, нынешняя Германия вновь стоит перед экзистен-

циальным выбором. И поэтому остается открытым вопрос: найдется ли у страны потенциал не только осознать, но и сформулировать, реализовать на практике независимый курс, отвечающий национальным и европейским региональным интересам? Или же Германия так и останется первой скрипкой в оркестре, где главный дирижер — прочно обосновавшийся на немецкой земле, но во многом чуждый ей мэтр из-за океана?

Литература

1. Германии надоели санкции // Газета.ру. 2015. 18.05. — www.gazeta.ru/politics/2014/05/18_a_6038389.shtml (дата обращения: 08.11.2015).
2. Глава Daimler пообещал Германии «экономическое чудо» с помощью мигрантов // РБК. 2015. 15.09. — <http://top.rbc.ru/economics/15/09/2015/55f7f28e9a79473b3d673565> (дата обращения: 08.11.2015).
3. Гордеев В. Адвокаты инвесторов пригрозили Volkswagen иском на €40 млрд // РБК. 2015. 18.10. — www.rbc.ru/business/18/10/2015/56235ea29a794769a31ef8f0 (дата обращения: 08.11.2015).
4. **Дебре С.** Российско-немецкие отношения испытывают рублевую слабость // Русская Германия. 2015. № 32.
5. Евросоюз шокировал эффект от антироссийских санкций. — <http://newsland.com/news/detail/id/1565943/> (дата обращения: 08.11.2015).
6. **Ульфкотте У.** Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги. М.: ЭКСМО, 2015.
7. «Alpha Kevin» gegen «merkel»: Was wird Jugendwort 2015? — www.noz.de/deutschland-welt/vermischtes/artikel/599213/alpha-kevin-gegen-merkel-was-wird-jugendwort-2015 (дата обращения: 08.11.2015).
8. Einzelhaendler boykottieren Bild: Meinungsfreiheit oder Bevormundung? — <http://meedia.de/2015/04/09/einzelhaendler-boykottieren-bild-meinungsfreiheit-oder-bevormundung/> (дата обращения: 08.11.2015).
9. Flüchtlingsthema macht laut Umfrage Univon zu schaffen // Süddeutsche Zeitung. 2015. 11.10. — www.sueddeutsche.de/news/politik/parteien-fluechtlingsthema-macht-laut-umfrage-union-zu-schaffen-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-151011-99-00076 (дата обращения: 08.11.2015).
10. **Gaugele J., Quoos J., Sanches M.** «Null Toleranz für Hass und Fremdenfeindlichkeit». Interview mit Bundaskanzlerin // Hamburger Abendblatt. 05.09.2015. — www.abendblatt.de/politik/deutschland/article205638993/Merkel-Null-Toleranz-fuer-Hass-und-Fremdenfeindlichkeit.html (дата обращения: 08.11.2015).
11. Hetze und Gewalt gegen Flüchtlinge: Orte der Schande // Spiegel. 2015. 22.07. — www.spiegel.de/politik/deutschland/gewalt-gegen-fluechtlinge-in-diesen-orten-gab-es-uebergrieffe-a-1044777.html (дата обращения: 08.11.2015).
12. Kommunale Initiativen gegen TTIP & Co. — www.attac.de/ttip-in-kommunen (дата обращения: 08.11.2015).
13. Merkels Beliebtheit sinkt // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2015. 27.09. — www.faz.net/aktuell/politik/inland/umfragen-kanzlerin-merkels-beliebtheit-sinkt-13826266.html (дата обращения: 08.11.2015).
14. **Münstermann M.** Schwerte: Flüchtlinge sollen in ehemalige KZ-Außenstelle ziehen // Spiegel. 2015. 12.01. — www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/kz-aussenstelle-soll-in-schwerte-fluechtlingsheim-werden-a-1012577.html (дата обращения: 08.11.2015).
15. Sahara Wagenknecht, Die Linke: «Frau Merkel, lösen Sie sich aus dem Schlepptau der US-Kriegspolitik» // Fraktion Die Linke im Bundestag. 04.06.2014. — www.youtube.com/watch?v=IOZd8T9ptiA (дата обращения: 08.11.2015).

16. **Scharnagl W.** Am Abgrund: Streitschrift fuer einen anderen Umgang nit Russland. München ; Berlin : Keyser-Verlag, 2015.

17. SPD-Politiker wollen Sanktionen gegen Putin beenden // Die Welt. 2015. 28.09. — www.welt.de/politik/deutschland/article146952409/SPD-Politiker-wollen-Sanktionen-gegen-Putin-beenden.html (дата обращения: 08.11.2015).

18. Vereint gegen Atomwaffen. —www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2010/29155758_kw12_de_abruestung/201446 (дата обращения: 08.11.2015).

19. **Volmer H.** Jubelt lieber nicht zu frueh // N-TV. 2015. 08.09. — www.n-tv.de/politik/politik_kommentare/Jubelt-lieber-nicht-zu-frueh-article15886526.html (дата обращения: 08.11.2015).

20. **Wittrock P.** Flüchtlingspolitik: Merkels wahre Bewährungsprobe // Spiegel. 2015. 30.08. — <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-angela-merkel-steht-vor-ihrer-groessten-herausforderung-a-1050569.html> (дата обращения: 08.11.2015). ◆

Испания: конец кризиса или кризис без конца?

© Яковлев П. П.

© Yakovlev P.

Испания: конец кризиса или кризис без конца?

Spain: the end of the crisis or the crisis without end?

Аннотация. Испания пережила глубокий и затяжной финансово-экономический кризис, из которого начинает постепенно и с трудом выходить. Но проблемы страны, порожденные кризисом, не ограничиваются экономикой, а распространяются на социально-политическую сферу, испытывают на прочность территориально-административное устройство испанского государства. В полный рост встал вопрос о независимости Каталонии. Обострилась внутриполитическая борьба, активизировались оппозиционные партии, у которых появился шанс прийти к власти и поменять вектор общественного развития.

Annotation. Spain experienced a deep and lingering financial-economic crisis, from which starts to come out slowly and with difficulty. But the country's problems caused by the crisis are not limited to economy, but apply also to the socio-political sphere, prove the strength of the territorial-administrative organization of the Spanish State. In full measure arose the question of the independence of Catalonia. Escalated the political struggle, intensified the activities of the opposition parties, which have a chance to come to power and change the vector of national development.

Ключевые слова. Испания, кризис, посткризисная экономика, модель развития, социальная сфера, политическая борьба, независимость Каталонии, всеобщие выборы.

Key words. Spain, the crisis, the post-crisis economy, development model, social sphere, the political struggle, the independence of Catalonia, general elections.

В Испании происходит формирование новой экономической и социально-политической модели, по ряду характеристик отличающейся от той общественной парадигмы, в которой страна существовала до кризиса 2008—2013 гг. По-видимому, испанское государство прошло точку перелома и начинает жить в посткризисной реальности. Однако преодоление породивших кризис структурных диспропорций и «узких мест» в экономике сопряжено со многими трудностями, а потому изменения проходят со скрипом и чреваты противоречиями.

Следует учесть, что перемены затрагивают не только экономику, но и социальную сферу, круто меняют условия политической игры. Под вопросом оказалось многолетнее доминирование во внутренней

ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук.

политике двух общенациональных партий: правящей в настоящее время Народной партии (Partido Popular — PP) и главной оппозиционной силы — Испанской социалистической рабочей партии (Partido Socialista Obrero Español — PSOE). Их позиции начали теснить конкуренты, поднявшиеся на волне общественного недовольства. Не будет преувеличением сказать, что от исхода политического противостояния зависит социально-экономическое будущее страны на всю обозримую перспективу. По сути, должен быть дан ответ на главный вопрос: Испания окончательно выходит из кризиса или же его последствия будут ощущаться еще неопределенно долго?

Разрушительный эффект кризиса

Испания оказалась в числе тех государств, где кризисные явления приобрели особенно тяжелый, структурный характер. В период 2008—2013 гг. произошло снижение ВВП (в текущих ценах на 6%), на 3,4% сократилось потребление, на 42% обрушились инвестиции в основной капитал и на 13% упал импорт товаров и услуг. Одновременно стремительно вырос государственный долг: с 40,1% ВВП в 2008 г. до 97,7% в конце 2014-го. Социальной трагедией обернулся рост безработицы, которая на своем пике в первом квартале 2013 г. охватила 6,3 млн человек (см. Табл. 1).

Таблица 1

Испания: макроэкономические параметры кризиса (млрд евро)

Показатель	2008 г.	2013 г.	2014 г.
ВВП	1116,2	1049,2	1058,5
Потребительские расходы	843,1	814,5	827,3
Инвестиции в основной капитал	335,6	194,3	199,8
Госдолг (в процентах ВВП)	40,1	92,1	98,3
Экспорт товаров и услуг	282,6	331,1	339,0
Импорт товаров и услуг	339,8	295,3	313,8
Число безработных (тыс. человек)	2595,9	6051,1	5457,7
Уровень безработицы (в процентах)	11,2	26,1	24,4

Источник: Gobierno de España. Síntesis de Indicadores Económicos. Madrid, 19.03.2015. P. A1—3.

Кризис показал, что экономика не прощает стратегических ошибок и структурных перекосов. Острота испанской ситуации была вызвана тем, что внешние кризисные воздействия и шоки наложились на внутренние диспропорции, в результате чего возник своего рода отрицательный кумулятивный эффект. Говоря о внутренних диспропорциях, следует выделить гипертрофированную роль строительства и торговли недвижимостью. В структуре ВВП строительство занимало 12—13%, что в три раза превышало аналогичный показатель других развитых евро-

пейских стран. В результате, когда начались глобальные финансовые трудности, испанский рынок недвижимости обвалился, а строительная отрасль сократилась более чем наполовину и потянула за собой остальную экономику.

Только в 2014 г. кризис начал отступать, о чем свидетельствуют макроэкономические показатели: ВВП подрос на 1,4%, несколько оживился внутренний спрос, произошло снижение безработицы. В 2015 г. ВВП должен увеличиться на 3,3%, что закрепит тенденцию к улучшению хозяйственной ситуации. Статистика также зафиксировала наращивание инвестиций в основной капитал и объема внешней торговли. Обращает на себя внимание сокращение стоимости рабочей силы, что отличает Испанию от большинства других государств Европейского Союза. Именно за счет удешевления рабочей силы повысилась конкурентоспособность товаров и услуг. Согласно прогнозам, положительный тренд в экономике сохранится на ближайшую перспективу (см. Табл. 2).

Таблица 2

Испания: итоги 2014 года и макроэкономический прогноз (проценты)

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ВВП	1,4	3,3	3,0
Потребительские расходы	2,4	3,5	2,8
Инвестиции в основной капитал	3,4	5,5	5,1
Госдолг (в процентах от ВВП)	97,7	100,4	101,4
Экспорт товаров и услуг	4,2	5,5	6,2
Импорт товаров и услуг	7,6	7,2	7,1
Стоимость рабочей силы	-0,4	0,3	0,3
Уровень безработицы (в процентах)	24,5	22,2	20,5

Источники: Banco de España. Boletín Económico. Madrid, 03.2015. P. 40; European Economic Forecast. Brussels. Spring 2015. P. 83.

В годы кризиса пробила себе дорогу идея реиндустриализации экономики. При этом речь идет не столько о расширении традиционных промышленных секторов, сколько о формировании новых, в которых интеллектуальная деятельность и собственно производство тесно переплетаются. С этим связана и концепция «нового индустриализма», реализация которой предполагает взаимодействие промышленного и финансового секторов. В конкретных условиях Испании на выходе из кризиса индустриальными драйверами роста становятся машиностроение (в первую очередь автомобилестроение), энергетика, химия и нефтехимия, фармацевтика и биотехнологии, пищевкусовая промышленность.

Положительная динамика отмечена в сфере строительства, что особенно важно, поскольку именно обвал в этой отрасли стал одним из катализаторов кризиса. В то же время очевидно, что значение строительной отрасли не вернется на докризисный уровень.

Заметную роль в сглаживании кризисных эффектов и стабилизации экономической обстановки сыграл динамичный рост товарного экспорта. Его объем со 160 млрд евро в провальном 2009 г. вырос на 50% и составил 240 млрд евро в 2014-м. Поскольку в указанный период рост экспорта опережал увеличение импорта, результатом явилось существенное сокращение традиционного для Испании внешнеторгового дефицита: с 94,2 млрд евро в 2008 г. до 24,5 млрд в 2014-м [11. Р. 6]. Это немаловажный положительный фактор.

Увеличение экспорта стало частью процесса интернационализации испанского бизнеса, сыгравшего компенсаторную роль в условиях сжатия внутреннего рынка. В кризисные годы многие испанские компании не только нарастили экспортные поставки, но и увеличили свою инвестиционную и производственную активность за рубежом, открыли новые рынки и приступили к их освоению, добились контрактов на реализацию инфраструктурных мегапроектов. Стоимость портфелей этих проектов исчисляется десятками миллиардов долларов. С 2008-го по 2013 г. накопленные прямые зарубежные инвестиции Испании увеличились на 52,5 млрд долларов и достигли 643,2 млрд — 11-е место в глобальной таблице о рангах. По этому показателю страна опережает такие крупные государства, как Китай, Италия и Россия. В настоящее время порядка 2300 испанских компаний располагают 4500 филиалами за рубежом, большинство из которых заняты производственной деятельностью [17].

Названные факторы, снивелировав разрушительные эффекты кризиса, очевидно, продолжают свое действие в ближайшие годы, способствуя восстановлению экономики и формируя новую посткризисную парадигму хозяйственного роста.

Перезагрузка экономической модели

Каковы определяющие черты и ключевые характеристики современного состояния испанской экономики и основные тенденции ее развития на обозримую перспективу?

Прежде всего, изменилась структура ВВП (см. Табл. 3). Главное — за годы кризиса радикально сократился удельный вес строительного сектора: с 12,5 до 5,1%, но при этом сохранилась и даже немного выросла доля индустрии (15,5 и 16,0%). В обрабатывающей промышленности роль драйвера сыграла автомобильная отрасль, предприятия которой, не без помощи государства, сумели восстановить докризисные объемы производства и создали спрос на продукцию смежных секторов.

Значительных успехов добился туристический сектор: в 2010—2014 гг. количество иностранных туристов возросло более чем на 12 млн человек и вплотную приблизилось к рекордной цифре в 65 млн [15].

Таблица 3

Испания: структура ВВП (в процентах)

Показатель	2008 г.	2014 г.
Всего	100	100
Сельское хозяйство	2,3	2,3
Индустрия	15,5	16,0
Строительство	12,5	5,1
Услуги	61,4	67,8
Налоги	8,3	8,8

Источник: Gobierno de España. Síntesis de Indicadores Económicos. Madrid, 19.03.2015. P. 1–3.

Во-вторых, имела место санация банковского сектора. Правительство оказало финансовым учреждениям огромную по масштабам государственную помощь (кредиты, покупка активов и т. д.), общий объем которой превысил 200 млрд евро. Одновременно оно провело реформу с целью обеспечить устойчивость и платежеспособность банков, облегчить их доступ на международные денежные рынки и в конечном счете — восстановить кредитные потоки, направляемые в реальный сектор экономики. Реструктуризация банковского сектора была проведена путем их слияний и поглощений и приобрела беспрецедентный для европейских стран масштаб. В 2009—2012 гг. число кредитных учреждений (без учета филиалов иностранных банков и так называемых кредитных кооперативов) сократилось с 50 до 14 [10. P. 10, 39]. В ходе реформы ощутимо уменьшилось число операционных отделений, а около 50 тыс. занятых в отрасли потеряли свои рабочие места.

По-видимому, на обозримую перспективу (например, на период до 2020 г.) речь может идти о выстраивании стратегии национального развития Испании в рамках так называемой экономики «новой нормы», или «новой нормальности» (New Normal Economy).

В-третьих, несмотря на хозяйственное оживление и выход из рецессии, темпы роста испанской экономики останутся низкими по сравнению с докризисным периодом, когда за 2000—2008 гг. она выросла на 73% [12. P. A1–3]. По-видимому, на обозримую перспективу (например, на период до 2020 г.) речь может идти о выстраивании стратегии национального развития в рамках так называемой экономики «новой нормы», или «новой нормальности» (New Normal Economy).

В-четвертых, есть веские основания ожидать дальнейшего повышения уровня транснационализации деловой активности испанского бизнеса,

усиления его позиций на международных рынках. Характерный пример, иллюстрирующий данный тезис: мировой лидер ритейла — группа Inditex, владелица суперпопулярной марки Zara. На сегодняшний день у нее 6700 магазинов в 88 странах. Только в 2014 г. Inditex открыла 343 новых магазина на 54 зарубежных рынках [14]. Модель ведения бизнеса Inditex изучают сейчас в лучших университетах. Эффективность компании поражает воображение: от разработки нового товара до его появления на прилавках проходит 14 дней. Такого нет ни у одной конкурирующей фирмы (у Benetton, например, этот срок составляет свыше 60 дней).

Можно констатировать складывание в целом благоприятных внутренних и внешних условий, которые позволяют двинуть вперед основные макроэкономические показатели Испании. Но в то же время остаются нерешенными некоторые ключевые вопросы развития.

Несмотря на упомянутую помощь ЕЦБ, сохраняется болезненная проблема долговой нагрузки на экономику, ограничивающая возможности правительства осуществлять бюджетное маневрирование и вынуждающая власти секвестировать расходы. Суверенный долг Испании в начале 2015 г. превысил психологически знаковую отметку в 1 трлн евро, вплотную приблизился к 100% ВВП и продолжает увеличиваться. Судя по всему, такая тенденция сохранится на обозримую перспективу.

Сложно протекает процесс инновации испанской экономики. Сохраняется традиционное отставание от мировых лидеров в сфере высоких технологий, что усугубляется недостаточным финансированием сферы НИОКР: на эти цели Испания расходует порядка 1,2% ВВП, тогда как средний показатель по Евросоюзу составляет 2%, а у наиболее продвинутых стран превышает 3% [19].

Таким образом, начавшийся выход Испании из кризиса, с одной стороны, отражает отдельные позитивные сдвиги в испанской экономике, но с другой — происходит в непростых условиях, что предполагает периодическую рихтовку макроэкономических показателей.

Узел социальных проблем

Кризисные перебои в функционировании экономики подорвали материальную базу нормального существования испанского государства и нарушили провозглашенные и закрепленные в официальных документах принципы «социальной солидарности», «сплочения» и «справедливости». Сравнительно эффективные и надежные механизмы социальной защиты основной массы населения в условиях затянувшегося кризиса начали пробуксовывать, а риски — возрастать. Конечно, главной социальной проблемой была и остается массовая безработица (по имеющимся экспертным оценкам, докризисный уровень занятости будет достигнут только в 2020 г., когда безработицу удастся снизить до 8,7% [9]), но не только.

В апреле 2015 г. был опубликован подготовленный группой экспертов «Доклад о социальном состоянии нации», представивший кардио-

грамму положения в стране. Центральный вывод исследования сводится к тому, что социальные лифты «застряли на нижних этажах» общественного здания, а миллионы молодых испанцев лишились привлекательной жизненной перспективы. По мнению авторов доклада, испанское общество утратило относительную гомогенность и стало отличаться дуализмом, растущим неравенством, отсутствием социальной мобильности, а существующие проблемы приобрели хронический характер. Такие выводы опирались на многочисленные эмпирические данные, приведенные в цитируемом документе. Например, средние доходы испанцев в 2009—2013 гг. сократились на 10,9%, в начале 2015 г. в 13,1% домохозяйств не имел работы ни один член семьи. Если в 2008 г. 30,5% граждан страны с трудом сводили концы с концами, то в 2013-м этот показатель достиг 36,7% [16].

Деградация социальной сферы оказалась глубже, чем в других ведущих государствах Евросоюза. В период 2008—2012 гг. душевой национальный доход в Испании по сравнению со средним показателем в ЕС-15 снизился с 73,3 до 66,3%. Миллионы испанцев, включая представителей среднего класса, начали сползать к состоянию неуверенности и материальных лишений, многие впервые за долгое время оказались за официальной чертой бедности. В 2012 г. в таком положении находились 11 млн человек, или 23% населения. На этом фоне наблюдался рост числа миллионеров: с середины 2013-го по июнь 2014 г. этот показатель вырос на 24% и составил 465 тыс. человек. В результате кризис резко усугубил материальное неравенство. Если в 2008 г. доходы 20% наиболее состоятельных испанцев в 5,3 раза превышали аналогичный показатель 20% наименее обеспеченных граждан страны, то в 2011-м указанный разрыв достиг отметки 7,5, а к 2022 г. (при сохранении нынешнего тренда) может составить 15,5 раза [4. Р. 45].

Научное сообщество озабочено тем, что правительство РР под руководством Мариано Рахоя не уделяет должного внимания проблеме углубляющегося имущественного неравенства. Более того, эксперты подчеркивают, что официальная политика в большей степени отвечает интересам наиболее имущих слоев населения и тем самым не способствует лечению социальных травм, полученных в годы кризиса. Экономист Антон Костас из Университета Барселоны усмотрел в политике властей отсутствие стратегического видения и некий фатализм: убеждение в том, что неравенство — закономерный результат действия рыночных сил, с которыми невозможно бороться [3].

В годы кризиса не выдержала нагрузки система социального обеспечения. В 2012 г. ей впервые банально не хватило свыше 10 млрд евро, чтобы покрыть расходы по выплате пенсий, пособий по безработице и другим статьям. Эти средства правительству М. Рахоя пришлось изымать из Резервного фонда, созданного в «тучные годы» экономического роста. Неутешительно выглядят и демографические параметры: соотношение между работающими испанцами и пенсионерами стабильно ухудшается. Так, в 2007 г. на одного

пенсионера приходилось 2,56 работающих, а в 2012 г. — только 1,89 [10. Р. 50].

Обострились и другие проблемы, которые в сумме рождают в испанском обществе ощущение социальной депривации. Долговременной тенденцией становится сокращение отдельных статей государственных расходов на здравоохранение и образование. В связи с этим правомерен вопрос: насколько радикально посткризисное социальное государство будет отличаться от докризисного? Очевидно, что в настоящее время происходит поиск основополагающих принципов новой социальной системы. Одним из них может стать приватизация общественно значимых услуг при возрастании роли частных расходов на развитие человеческого капитала. Это указывает на то, что перемены в данной области еще только начинаются.

Позиция правительства в социальных вопросах — важный штрих, дополняющий картину современной Испании на этапе выхода из кризиса. В стране крепнет убеждение, что решение накопившихся проблем в крайне чувствительной социальной сфере требует изменений политического характера, смены властных структур и укрепления демократических основ испанского государства.

Трансформации на политическом поле

В годы кризиса по Испании прокатилось политическое цунами, которое размывало фундамент существовавшей более тридцати лет де-факто двухпартийной системы. PP и PSOE одинаково вызывают у значительного числа избирателей отторжение. Рухнувшие социально-экономические ожидания миллионов испанцев породили массовый спрос на альтернативные электоральные предложения. Их выдвинули партии Podemos («Мы можем») и Ciudadanos («Граждане»), активно расширяющие свою избирательную базу. Для них кризис стал трамплином в «большую политику». Две ведущие партии пытаются угнаться за текущей повесткой, но граждане явно нуждаются в «эффекте новизны» и потому все чаще обращают взоры на альтернативные политические силы.

Партия центристского толка Ciudadanos сформировалась в 2005—2006 гг. в Каталонии на платформе социал-либерализма и европейского федерализма, противопоставив себя региональным политическим силам, выступающим за отделение Каталонии от Испании. За сравнительно короткий срок эта партия, выступая с умеренных позиций, перешагнула границы автономного сообщества и распространила свою деятельность на большую часть испанской территории. На выборах в Европейский парламент в мае 2014 г. Ciudadanos набрала около 500 тыс. голосов и провела двух своих представителей.

Леворадикальная Podemos выросла из массового протестного движения «15-М» и впервые громко заявила о себе на тех же выборах в Европарламент, когда новоиспеченная политическая организация популистского толка, еще не оформившаяся в партию, получила свыше 1,2 млн

голосов и пять мест в законодательный орган Объединенной Европы. По этому показателю Podemos стала четвертой электоральной силой, пропустив вперед лишь PP, PSOE и левую структуру «Плюралистическая левая» (La Izquierda Plural) [18].

После европейских выборов политическая палитра Испании разделилась на «старые партии» во главе с PP и PSOE и «новые партии» — Podemos и Ciudadanos, которые стали позиционировать себя в качестве «рычага перемен», необходимых испанскому государству и обществу, и оттянули на себя значительную часть электората. Как отмечал председатель Ciudadanos Альберт Ривера, PP и PSOE «сбились с курса» и не в состоянии предложить привлекательную стратегию развития страны. Испания, подчеркивал политик, «нуждается в новой партии, у которой чистые руки» [22]. В отличие от «старых партий», Ciudadanos выдвигают национальный модернизационный проект, базирующийся на трех постулатах: укрепление гражданских ценностей, проведение политических реформ демократического толка и построение экономики знаний [21].

В Испании неоднозначно относятся к нынешней полосе партийного строительства. Наряду с теми, кто активно выступает в поддержку происходящих изменений, раздаются и резко критические голоса в адрес «новых партий», и прежде всего Podemos. В частности, как считает известный писатель и политический аналитик Феликс де Асуа, во внутриполитической жизни Испании воцарились «демагогический дискурс и содержательная пустота». По его мнению, выход на авансцену партии Podemos принципиально ничего не меняет в испанском политическом хоре, поскольку инициативы ее представителей, сформулированные на «упрощенном архаичном языке», не могут решить ключевые задачи национальной действительности, а являют собой пример «безумной фантасмагории» [6]. Еще более резки в оценках отдельные представители традиционных партий, которые пытаются всячески дезавуировать вновь появившихся конкурентов и вытолкнуть их на политические задворки. Тем самым делается попытка отыграть на информационно-пропагандистском поле то, что было проиграно «старыми партиями» в политической сфере.

Новичок партийной системы, находящийся в стадии формирования, партия Podemos подвержена как внешнему давлению, так и неизбежным внутренним кризисам. Так, серьезным испытанием стал выход из ее рядов в конце апреля — начале мая 2015 г. одного из основателей и лидеров Хуана Карлоса Монедеро, что отдельными экспертами было расценено как «начало конца этого политического образования» [25]. Как бы то ни было, традиционному истеблишменту приходится принимать в расчет избирательный потенциал «новых партий», который с особой силой дал о себе знать 24 мая 2015 г., в ходе региональных и муниципальных выборов.

Выборы прошли в 13 (из 17) автономных сообществ и в автономных городах Мелилье и Сеуте, расположенных в Северной Африке. Политолог Антони Гутьеррес-Руби констатировал: «PP выиграла, но про-

играла» [13]. Действительно, «народники» оказались первыми во всех автономиях, которые они раньше контролировали (за исключением Эстремадуры и Канарских островов), но везде утратили абсолютное большинство в местных органах власти. Подобный итог означает, что отныне PP будет вынуждена создавать коалиции с другими политическими силами, но даже в таком случае у оппозиции в ряде регионов остаются возможности формирования более сильных партийных блоков. В целом по стране PP получила немногим более 6 миллионов голосов, что почти на 2,5 млн меньше, чем в 2011 г. Это наихудший результат с 1991 г., что дало наблюдателям повод назвать баланс выборов «политическим землетрясением» и «беспрецедентным электоральным кровопусканием» для правящей партии [26]. Несколько улучшила свои позиции PSOE, которая сохранила власть в Астурии и победила в Эстремадуре. Социалисты набрали почти на 2 млн голосов больше, чем на выборах в Европарламент в 2014 г. Впечатляющих результатов добилась Podemos, за которую в автономиях проголосовали около 1,8 млн избирателей, что обеспечило ей 119 депутатских мест в законодательных собраниях регионов. Еще 75 депутатов будут представлять партию Ciudadanos. За нее отдали голоса почти 1,5 млн испанцев.

Таким образом, весной 2015 г. в Испании в основных чертах сформировалась новая партийно-политическая конфигурация, которой, правда, еще предстояло пройти два теста на прочность: региональные выборы в Каталонии 27 сентября и всеобщие парламентские выборы 20 декабря 2015 г.

Всплеск каталонского сепаратизма

В условиях финансово-экономического кризиса в каталонском истеблишменте и обществе в целом заметно усилились сепаратистские настроения, что повлияло на расстановку политических сил в автономии. Кризис стал катализатором каталонского сепаратизма. 28 ноября 2010 г. в Каталонии состоялись парламентские выборы, принесшие убедительную победу, как тогда считалось, умеренно националистической коалиции «Конвергенция и Союз» (Convergència i Unió — CiU), чей лидер Артур Мас занял пост председателя правительства (женералитата) Каталонии. CiU получила в парламенте абсолютное большинство — 72 из 135 мест. Столь внушительный результат воодушевил руководство CiU и в немалой степени послужил радикализации его позиции в вопросе каталонского национального суверенитета.

Питательной средой сепаратистских устремлений явилось упорно насаждаемое адептами каталонской независимости мнение, что Испания в ее нынешнем виде не способна преодолеть последствия затянувшегося финансово-экономического и социального кризиса. В свою очередь каталонские сторонники сохранения территориальной целостности выступали за согласованную и единую для всех автономных сообществ антикризисную стратегию [5]. Такое кардинальное расхождение в подходах к одному из ключевых вопросов превратилось в главный камень

преткновения между двумя конкурирующими группами каталонского истеблишмента, каждая из которых по-своему видела политические перспективы автономии.

В обстановке стремительно нараставшего противостояния внутри самой Каталонии, а также между автономией и центральной властью основными политическими объединениями, вступившими в схватку за будущее региона, стали следующие партии и коалиции:

- правонационалистическая CiU, включившая в себя либерально-националистическую «Демократическую конвергенцию Каталонии» (Convergencia Democràtica de Catalunya — CDC) и христианско-демократический Демократический союз Каталонии (Unió Democràtica de Catalunya — UDC);

- партия социал-демократического толка «Левые республиканцы Каталонии» (Esquerra Republicana de Catalunya — ERC);

- Социалистическая партия Каталонии (Partit dels Socialistes de Catalunya — PSC);

- консервативная Народная партия Каталонии (Partit Popular de Catalunya — PPC);

- левонационалистическая «Инициатива для Каталонии — Зеленые» (Iniciativa per Catalunya — Verds, ICV);

- коалиция левых, коммунистических, феминистских и экологических организаций «Объединенные левые и альтернатива» (Esquerra Unida i Alternativa — EUiA);

- региональное отделение центристской социально-либеральной партии Ciutadanos (*по-каталонски* — Ciutadans);

- крайне левая, антикапиталистическая и сепаратистская организация «Кандидатура народного единства» (Candidatura d'Unitat Popular — CUP).

Наиболее последовательно за достижение политической независимости Каталонии выступали CiU, ERC и CUP, тогда как основными сторонниками сохранения автономии в составе Испании являлись PSC, PPC и Ciutadans.

Внедрив в общественное сознание идею достижения национальной самостоятельности Каталонии, лидеры сепаратистов «дипломатично» не объяснили широким слоям населения, как на практике будут решаться проблемы (в частности, экономические и социальные), которые неизбежно породит разрыв с Испанией. Между тем таких проблем немало, в том числе:

- чрезвычайная сложность взаимоприемлемого урегулирования исключительно тесных финансовых отношений между Барселоной и Мадридом. Другими словами: какова будет денежная цена каталонской независимости, и сможет ли ее заплатить новое самостоятельное государство? Утвердительного ответа на этот вопрос нет. По мнению большинства экспертов, в результате отделения от Испании Каталонии будет грозить финансовый крах;

- возможное разрушение сложившихся и успешно функционирующих торговых и внешнеторговых связей. В настоящее время 70% товар-

ного вывоза предприятий, расположенных в Каталонии, приходится на другие испанские регионы. В случае сецессии рынки Испании для каталонской продукции могут быть закрыты, что приведет к разорению тысяч местных компаний, обвальному сокращению ВВП и бюджетных поступлений;

— фактическое обрушение системы социального обеспечения Каталонии, на сегодняшний день являющейся органической частью общеиспанской структуры. Независимое государство, например, будет вынуждено взять на себя обязательства по содержанию сотен тысяч пенсионеров, включая тех, кто проживает за пределами региона. В сложный переходный период подобный груз может стать для каталонских властей неподъемным;

— неизбежный выход независимой Каталонии из Европейского Союза и, весьма вероятно, зоны евро. По этому вопросу не может быть никаких сомнений, поскольку официальные представители Брюсселя неоднократно заявляли об автоматическом самоисключении Барселоны из Евросоюза в случае ее отделения от Испании. Такой поворот событий, чреватый потерей рынков и источников инвестиций, особенно пугает деловые круги, чьи бизнес-интересы лежат главным образом в странах ЕС.

Таким образом, даже простое перечисление далеко не всех негативных последствий выхода Каталонии из состава Испании говорит о том, что дорожная карта сецессии выглядит крайне проблематично, а многие идеи сепаратистов оторваны от социально-экономической реальности и международного контекста. Тем не менее движение за независимость не только не угасало, но напротив — набирало обороты. В этой обстановке А. Мас пошел на проведение очередных досрочных региональных выборов, назначив их на 27 сентября 2015 г.

С прицелом на выборы в Каталонии сформировались и организационно отобилизовались основные электоральные силы: националистический блок *Junts pel Sí* («Вместе за Да»), образованный партиями CDC, ERC и еще двумя сепаратистскими объединениями; партии *Ciutadans*, *PSC*, *PPC*, *CUP* и фактический каталонский филиал *Podemos* в виде организации под многообещающим названием *Catalunya Si que es Pot — CSP* («Каталония — да, мы можем»).

Как видим, наряду с уже традиционными участниками предвыборных гонок в каталонских выборах участвовал политический новичок — *Podemos*, громко заявивший о себе в других автономных сообществах. Нет сомнений, что партия П. Иглесиаса и в Каталонии рассчитывала на убедительный успех, призванный в очередной раз продемонстрировать ее растущий общеиспанский вес.

Итоги голосования 27 сентября, в котором приняли участие свыше 77% жителей региона, имеющих право голоса (рекордный показатель с 1980 г., когда в автономии стали проводить выборы), преподнесли его участникам ряд сюрпризов, добавили обертоны в испанскую внутривнутриполитическую симфонию и подняли уровень рисков в период подготовки страны к всеобщим выборам. Как отмечали эксперты, избирательная

кампания в Каталонии оставила после себя политически расколотое общество и нестабильную обстановку, чреватую серьезными осложнениями [24].

Прежде всего, коалиция *Junts pel Sí*, получив наибольшее число голосов и мест в парламенте (62), не обеспечила собственного большинства и попала в зависимость от CUP (10 парламентариев), которая более чем втрое увеличила свое представительство (см. Табл. 4). На втором месте (25 парламентариев) неожиданно для подавляющего большинства наблюдателей оказались кандидаты *Ciutadans*. Центристы увеличили собственный депутатский корпус почти втрое, на 16 человек, и стали весомым фактором внутренней политики в Каталонии. Определенный урон понесли каталонские социалисты, потерявшие 4 депутатских места, но в целом удержавшиеся почти на прежних позициях. По-видимому, часть голосов *PSC* отошла *Ciutadans*. В том же направлении перебежало и значительное число избирателей *PPC*: народники лишились 8 мандатов в парламенте Каталонии, теперь их депутатская группа насчитывает 11 человек (худший показатель с 1992 г.). Такое же количество парламентариев получила *CSP*, что было расценено как весьма скромный результат, почти провал, учитывая нынешнюю популярность *Podemos* и амбициозность ее лидеров.

Таблица 4

Итоги парламентских выборов в Каталонии 27 сентября 2015 года

Партия, коалиция	Полученные голоса (в процентах)	Места в парламенте (число)	Места в парламенте (процентов)
<i>Junts pel Sí</i>	39,57	62	45,9
<i>Ciutadans</i>	17,91	25	18,5
<i>PSC</i>	12,72	16	11,9
<i>Catalunya Sí que es Pot</i>	8,93	11	8,15
<i>PPC</i>	8,50	11	8,15
<i>CUP</i>	8,21	10	7,4
Всего	95,84	135	100

Источник: составлено автором на базе данных каталонской избирательной статистики.

Меньшее по сравнению с ожидавшимся число депутатских мест, полученных *Junts pel Sí* (что лишило А. Маса собственного большинства в парламенте), было для него не единственным неприятным сюрпризом. Поскольку сепаратисты заранее придали парламентским выборам характер референдума по вопросу об отделении от Испании, то для них крайне важно было набрать в сумме свыше 50% голосов каталонских избирателей. Однако на деле сторонники независимости получили заметно меньше половины голосов: около 1960 тыс. из 4,1 млн, или порядка 48% [2]. Данное обстоятельство было активно использовано официальным Мадридом и каталонскими противниками отделения от Испании, с тем чтобы дискредитировать политический курс *Junts pel Sí* и пошатнуть позиции сепаратистов.

Принимая во внимание приведенные выше соображения, многие эксперты считают, что в настоящее время (и на обозримую перспективу) «развод» с Испанией и достижение Каталонией политической независимости лежат за пределами реальной политики.

В ожидании перемен

После избирательной кампании в Каталонии, значение результатов которой вышло далеко за рамки региона, испанское общество как бы застыло в ожидании политических изменений. Их начало связывают с проведением очередных всеобщих выборов, чьи итоги должны подвести черту под периодом кризисных потрясений и определить вектор экономического и социального развития страны на ближайшую перспективу. Между тем правительство до последнего оттягивало назначение даты выборов, изыскивая максимально благоприятный для себя момент.

Наконец, 1 октября М. Рахой объявил, что всеобщие парламентские выборы в Испании пройдут 20 декабря 2015 г. [20]. Тем самым глава кабинета дал старт избирательной гонке. В ней (в отличие от выборов 2011 г.) примут участие новые сильные игроки — Podemos и Ciudadanos, продемонстрировавшие намерение поставить точку в длительной истории доминирования PP и PSOE на испанском политическом поле. Правда, председатель правительства заявил, что основным соперником народников остаются социалисты, а не представители партий, возникших «четверть часа назад» [8]. (Заметим, что и руководство PSOE рассматривает PP в качестве главного оппонента, а Podemos и Ciudadanos отводит роль «младших партнеров». Как утверждает лидер социалистов П. Санчес, «избирательная кампания 2015 г. завершится дуэлью между ним и М. Рахоем» [7].)

Попытка официального Мадрида так или иначе дезавуировать Podemos и Ciudadanos, убедить общественность, что их акции все еще не высоко котируются на электоральном рынке, вполне объяснима и носит не только демагогический характер. «Новые партии» — прежде всего Ciudadanos — могут в декабре «оттянуть» на себя часть электората PP, и тогда народники рискуют не получить большинство в парламенте и потеряют власть. Поэтому в качестве запасного варианта в руководстве PP рассматривается вопрос о создании правящей коалиции. Но проблема в том, что большинство политических объединений, имеющих шансы провести своих представителей в центральный орган законодательной власти (Генеральные кортесы), по ключевым вопросам национальной повестки выступают против политики народников.

Сейчас очевидно, что PP пытается извлечь уроки из неудач на промежуточных выборах. В этом плане весьма характерно требование, с которым обратились состоящие в партии руководители отдельных автономных сообществ (так называемые региональные бароны) к М. Рахою после избирательной кампании в Каталонии. Указав на тот факт, что в целом ряде случаев первые места в избирательных списках PP в течение

десятилетий занимают одни и те же деятели, вызывающие у многих граждан негативную реакцию, «бароны» потребовали отодвинуть «старую гвардию» и «явить Испании и миру новые политические лица» [1].

Чувствующие некоторую растерянность (если не сказать подавленность), лидеры PSOE расценили сложившуюся ситуацию как подходящую для укрепления позиций партии и сочли возможным перейти в стратегическую атаку на своего главного политического конкурента — PP. Как откровенно заявил П. Санчес, «оборонительные бои закончены, начинается наступление» [23]. Главный предвыборный лозунг социалистов — необходимость перемен, проведение «реформ с человеческим лицом», в частности конституционной реформы, которая должна скорректировать имеющиеся правовые положения, вызывающие особенно широкое недовольство в Каталонии и тем самым угрожающие территориальному единству страны.

В пользу социально-политических и экономических перемен продолжают выступать и высшие руководители Podemos и Ciudadanos. По мнению А. Риверы и П. Иглесиаса, выборы 20 декабря неизбежно ознаменуют начало «нового политического этапа» и приведут к глубоким общественным изменениям.

* * *

Подводя итог, отметим, что кризис стал точкой отсчета нового периода в общественном развитии Испании, его следы еще видны невооруженным глазом в экономической и социально-политической жизни. Страна, уплатив большую историческую цену, не до конца вышла из состояния кризисного транса. Это просматривается во внутренней политике, где различные политические пласты пришли в движение и вынесли на поверхность партийные структуры нетрадиционного типа. По сути, в условиях частичной дисфункции национальной политической системы происходит болезненный слом прежней двухпартийной конструкции и формируется новая партийно-политическая конфигурация с неясными последствиями. Особенно тревожная ситуация сохраняется в социальной сфере. Здесь маятник отклонился назад, произошло расширение разрыва при распределении национального дохода, что генерирует общественную напряженность.

В таких непростых условиях в посткризисной Испании прослеживается формирование контуров новых экономических и социально-политических реалий, складывается модель роста, которая по основным параметрам отличается от докризисной парадигмы развития. Но станет ли она «могильщиком» кризиса? Вопрос пока остается открытым.

Литература

1. **Casqueiro J.** Líderes del PP reclaman a Rajoy caras nuevas en las listas de las generales // El País. 2015. 05.10.
2. **Chislett W.** Pro-independence parties win the Catalan regional elections. 2015. 28.09. — www.realinstitutoelcano.org/ (дата обращения: 08.11.2015).

3. **Costas A.** El fatalismo de la desigualdad inevitable // El País. 2015. 29.03.
4. Crisis, desigualdad y pobreza. Informe de Oxfam Intermón. 2012. 13.12. — www.oxfamintermon.org/es/campanas/proyectos/crisis-desigualdad-pobreza (дата обращения: 08.11.2015).
5. Cuatro tópicos sobre Cataluña // El País. 2015. 26.09.
6. **De Azua F.** El mañana es cosa de ayer // El País. 2015. 03.03.
7. **Díez A.** El PSOE cree que la campaña acabará en un duelo entre Rajoy y Sánchez // El País. 2015. 04.10.
8. Elecciones navideñas // El País. 2015. 03.10.
9. Es posible recuperar todo el empleo en 2020 // Cinco Días (Madrid). 2015. 23.02.
10. Gobierno de España. Estrategia española de política económica. Balance y reformas estructurales para el próximo semestre. Madrid, 27.09.2012. — www.lamoncloa.gob.es/documents/120927_estrategiaspanolapoliticaeconomica3.pdf (дата обращения: 08.11.2015).
11. Gobierno de España. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre 2014. — www.comercio.mineco.gob.es/es-es/comercio-exterior/estadisticas-informes/paginas/informes-de-comercio-exterior.aspx (дата обращения: 08.11.2015).
12. Gobierno de España. Síntesis de Indicadores Económicos. Madrid, 2015. 19.03.
13. **Gutiérrez-Rubi A.** Cuando las mayorías se pactan // El País. 2015. 25.05.
14. Inditex. International Presence. — www.inditex.com/ (дата обращения: 08.11.2015).
15. INE. Boletín Mensual de Estadística. Enero 2015. — www.ine.es/en/da (дата обращения: 08.11.2015).
16. Informe sobre el estado social de la nación 2015. — www.directoressociales.com/ (дата обращения: 08.11.2015).
17. **Ontiveros E.** Objetivo: la internacionalización // El País. 2014. 21.12.
18. Podemos. Desconstruyendo a Pablo Iglesias. Barcelona : Ediciones Deusto, 2014.
19. Programa Nacional de Reformas. Reino de España. 2015. — www.lamoneda.gov.es/ (дата обращения: 08.11.2015).
20. Rajoy confirma que las elecciones generales serán el 20 de Diciembre. 1 de octubre de 2015. — www.lamoncloa.gob.es/ (дата обращения: 08.11.2015).
21. **Rivera A.** Ciudadanos, un proyecto para España // El País. 2015. 19.04.
22. Rivera A.: «España necesita un partido Nuevo, con manos limpias» // El País. 2015. 03.10.
23. Sánchez pide a la CUP que no haga presidente a Mas // El País. 2015. 03.10.
24. Seísmo catalán // El País. 2015. 04.10.
25. **Torreblanca J. I.** La hora más difícil de Podemos // El País. 2015. 02.05.
26. **Yerba R.** Terremoto en España tras el desplome del PP // La Nación (Buenos Aires). 2015. 25.05. ◆

Интересы Индии в зоне Южно-Китайского моря

© Сагайдак Е. А., Кулешова Н. С.

© Sagaydak E., Kuleshova N.

Интересы Индии в зоне Южно-Китайского моря

India's interests in the South China Sea

Аннотация. В статье рассматриваются события, происходящие вокруг Южно-Китайского моря, его нарастающая милитаризация, а также столкновение геополитических интересов региональных и внерегиональных сил, которые определяют будущее не только Азиатско-Тихоокеанского региона, но имеют непосредственное влияние на ряд сопредельных регионов, в первую очередь Южную Азию. В этом контексте авторы рассматривают предысторию конфликта Южно-Китайского моря, а также анализируют интересы Индии в спорной акватории. Анализируется взаимосвязь проводимой КНР политики по «окружению Индии» в Индийском океане с действиями в Южно-Китайском море, которые несут угрозу энергетической безопасности страны. Дана оценка тенденциям развития отношений Нью-Дели с Пекином и Вашингтоном на фоне нарастающего конфликта. Очерчены риски, которые могут возникнуть для энергетического аспекта развития отношений России с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте обострения ситуации вокруг рассматриваемой акватории.

Annotation. The article deals with the events that take place in the South China Sea, its growing militarization and the clash of geopolitical interests of regional and extra-regional forces which determine the future of not only the Asia-Pacific region, but have a direct impact on the number of adjacent regions, such as South Asia. In this context, the authors examine the background of the conflict over the South China Sea, analyze Indian interests in the disputed waters. The article also examines the relation of Chinese “India’s encirclement” policy in the Indian Ocean with the actions in the South China Sea, which are considered as a threat to the energy security of the country. The authors take a look on trends in relations’ development between New Delhi and Beijing and Washington considering the escalating conflict. The article outlines the risks that may arise for the Russian – Asia-Pacific relations’ development in energy sector in the context of the aggravation of the situation around the considered area.

Ключевые слова. Внешняя политика, мировая экономика, Южная Азия, Южно-Китайское море, геополитика, энергетика, Индия, конфликтология.

Key words. Foreign policy, world economy, South Asia, South China Sea, geopolitics, energy, India, conflict studies.

1

На протяжении многих десятилетий борьба за доминирование на водных пространствах определяет тенденцию милитаризации важнейших мировых акваторий. Увеличению напряженности в ряде регионов способствует в том числе обострение отношений между государствами на фоне увеличения военного присутствия одного вблизи границ или зон интересов другого, неспособности организовать сотрудничество,

САГАЙДАК Екатерина Александровна — аспирантка Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

КУЛЕШОВА Наталья Сергеевна — профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук.

а также применить международное право для решения возникающих и застарелых конфликтов, носящих прежде всего территориальный характер. В то же время очевидно, что стратегически важную роль могут играть не только акватории большого масштаба. Кажущиеся при беглом обзоре второстепенными водные пространства зачастую оказываются ничуть не меньшим яблоком раздора, если в случае их обретения то или иное государство получает выход к стратегическим транспортным и военным коридорам. В этом контексте события, происходящие вокруг Южно-Китайского моря, его нарастающая милитаризация и столкновения геополитических интересов региональных и внерегиональных сил приобретают все большую актуальность. Принимая во внимание тот факт, что Южно-Китайское море является пунктом стратегического значения не только для Азиатско-Тихоокеанского региона, интересным представляется политика крупнейшего игрока Южной Азии — Индии, чей интерес к этой акватории в последнее время существенно вырос.

Для понимания сложности складывающейся ситуации в регионе необходимо обратиться к истории конфликта. Со времени окончания Второй мировой войны и разгрома Японии Китай сделал первый шаг в эскалации конфликта за спорные острова Парасельские и Спратли, уничтожив на архипелаге Спратли японские сооружения и заменив их китайской символикой. В 1947 г. острова архипелага были включены в состав Хайнаньского особого административного района, в результате чего произошла смена названий географических объектов: острова стали именоваться Синьша и Наньша. К началу 1950 г. Франция и Китай взяли под контроль Парасельские острова, разделив их между собой. Вскоре после ухода Франции из Индокитая и перехода островов под юрисдикцию сайгонского режима часть архипелага контролировал Вьетнам, а часть — Китай. В скором времени претензии на острова были выдвинуты еще двумя государствами региона, а именно — Малайзией (1971 г.) и Филиппинами (1978 г.), в то время как АСЕАН формально дистанцировалась от решения конфликта [3. С. 134–148].

В начале 1980-х произошло резкое ухудшение отношений между Китаем и рядом стран региона: сначала с Вьетнамом и Филиппинами, а затем с Индонезией и Брунеем. Ситуацию существенно осложнила Конвенция по морскому праву от 1982 г.: в ней было оговорено право создания 200-мильных исключительных зон, границы которых накладывались друг на друга, создавая тем самым предпосылки к развитию конфликта за спорные территории, которые каждое из заинтересованных государств считало своими [3. С. 136]. Необходимо отметить, что временные «затишья» в отношении принадлежности спорных территорий объясняются позицией Китая, который исходил из того, что этот вопрос окончательно решен и пересмотру не подлежит.

Несмотря на различные договоренности между сторонами об исключительно мирном решении территориальных споров, Вьетнам, Китай, Филиппины, Малайзия, Тайвань и Бруней приступили к активной дислокации на них своих вооруженных сил, в результате чего проблема островов Спратли из двусторонних отношений Пекина со странами региона перешла «на уровень китайско-асеановской» [3. С. 136]. Более того, в 1992 г.

в соответствии с Законом о территориальных водах и прилегающих к ним районах острова Парасельские и Спратли были названы неотъемлемой частью КНР. Соответственно, юрисдикция Пекина распространялась теперь и на воздушное пространство над островной акваторией, и на морские недра территориального моря [9]. Несмотря на ряд успешных договоренностей между вовлеченными в конфликт государствами, достигнутых с 1994-го по 2005 г., Китай заявил о возможности использования всех имеющихся у него необходимых средств для ответа на угрозы его государственному суверенитету в отношении островов Парасельских и Спратли [1. С. 143–145].

В июле 2011 г. главы МИД КНР и стран АСЕАН утвердили основные принципы Кодекса поведения в Южно-Китайском море, предполагающие отказ от применения силы. Однако с 2013 г. Китай начал проведение насыпных работ в акватории спорных островов с целью повышения безопасности морской навигации. Данные действия вызывают беспокойство и жесткое осуждение со стороны других азиатских стран, которые считают подобные шаги официального Пекина угрозой мирному судоходству в регионе.

В августе 2011 г. прошел второй саммит АСЕАН — США, на котором государства приняли совместное заявление в отношении свободы судоходства и мирного решения конфликтов в зоне Южно-Китайского моря, что в Пекине было воспринято как попытка Вашингтона сдержать возрастающую мощь КНР и призыв к неофициальной поддержке тех, кто выступает с позиций, противоречащих китайской. Так, США стали рассматриваться АСЕАН с точки зрения гаранта своей безопасности, а большинство стран—членов организации вскоре предприняли шаги по укреплению военно-технического сотрудничества с Вашингтоном. Однако вовлечение внерегионального игрока в процессы, имеющие сугубо внутренний характер, поставило государства Азиатско-Тихоокеанского региона в двойственное положение. С одной стороны, им безусловно выгодно идти на сближение с Вашингтоном по многим аспектам военного, экономического и политического характера. С другой стороны, сдерживание Китая и обострение отношений Пекина со странами — членами АСЕАН не отвечает интересам самих вовлеченных в конфликт государств, поскольку основную экономическую выгоду они получают именно от экономических отношений с Пекином.

2

Вашингтон в последнее время явно уделяет все больше внимания Азиатско-Тихоокеанскому региону. По мнению ряда американских экспертов, более чем десятилетняя внешняя политика США на Ближнем Востоке и в Южной Азии не принесла ожидаемых результатов, в то время как государства Азиатско-Тихоокеанского региона положительно оценивают политику Вашингтона и нацелены на укрепление военного, экономического и политического сотрудничества с ним. Действительно, Б. Обама опирается на уже созданные прежними администрациями Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. так называемые региональные оси, и США являются «тихоокеанской державой» [5]. Более того, очевидно, что с американской точки зрения КНР представляет угрозу интересам США в регионе.

Попытки Пекина изменить территориальный статус-кво в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях путем создания «зоны идентификации ПВО» вызывают негативную реакцию не только Америки, но и соседних государств, а именно Японии и Индии. Американские политологи, мнение которых приводит Foreign Affairs, считают, что США должны создавать специальные подразделения в министерстве обороны, непосредственно курирующие внешнеполитические связи государства со странами, имеющими выход в Индийский океан и Южно-Китайское море. Вашингтону, по мнению экспертов, нужно взаимодействовать и с Индией, и с КНР для поддержания свободы судоходства и стать сдерживающей силой, обеспечивающей соблюдение международного права [10]. КНР же не может допустить активного американского присутствия в зоне своих стратегических интересов, поэтому кооперация между Пекином и Вашингтоном в вопросе фактического контроля над Индийским океаном и Южно-Китайским морем не может быть реализована. В начале ноября 2015 г. министерства иностранных дел обоих государств вступили в заочную полемику относительно строительной деятельности на спорных островах и усилении Пекина в Южно-Китайском море.

В этом контексте США могут, с одной стороны, предпринимать более активные действия в спорной акватории в то время, когда внимание международной общественности приковано к вопросам урегулирования ближневосточного кризиса. С другой стороны, Пекин также пытается как можно быстрее укрепиться там, и вероятно, предпримет все возможные шаги для продвижения вглубь Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, обеспечив тем самым контроль над спорной акваторией. Более того, ряд западных экспертов также прогнозирует начало несанкционированных геологоразведочных работ, а в ближайшем будущем — и добычу углеводородов Китаем со дна Южно-Китайского моря, что может привести к открытому военному конфликту не только между государствами региона, но и с внерегиональными игроками в лице США и поддерживаемых ими государств, в первую очередь Индии.

К тому же важным фактором, влияющим на расстановку сил в регионе, является не только усиливающаяся позиция КНР в мировом масштабе, но и наращивание военной мощи и непосредственного присутствия у морских и сухопутных границ Индии, Пакистана, Непала и в водах Индийского океана. Стремление Китая к установлению влияния в регионе велико, что обуславливает интерес Пекина к налаживанию более плотных связей, в первую очередь с Исламабадом, — именно такая стратегия сегодня характеризует проникновение КНР вглубь региона. Партнерство с теми государствами, которые видят в лице Индии гегемона, пытающегося вмешиваться в их внутренние дела (например, Шри-Ланка и Бангладеш), дает Пекину стратегическое преимущество в наиболее важных сферах ресурсного обеспечения — прежде всего нефтью, газом, пресной водой. Налаживание мирного диалога и конструктивных отношений между КНР и Индией могло бы способствовать обеспечению энергетической безопасности обеих стран по наиболее благоприятному сценарию. Однако очевидно, что этот сценарий в ближайшем будущем невыполним. В то же время нерешенность большого числа пограничных споров между Пе-

кином и Нью-Дели, которые представляют стратегическое значение для обоих государств, — таких, например, как район Аксай Чин и территория Каракорумского шоссе, в значительной степени затруднит межгосударственный диалог и в будущем может спровоцировать большое число новых конфликтов, переходящих из латентной стадии в острую.

3

В этом контексте прошедший в середине мая 2015 г. официальный визит Нарендра Моди в Пекин стал сенсационным. Индийская дипломатия выводит на качественно новый уровень отношения с близлежащими государствами, которые входят в зону ее стратегических интересов. Подписанные соглашения в области энергетики, наряду с инвестициями в область строительства, развития инфраструктуры, в том числе портового хозяйства, говорят о потеплении политического климата между двумя азиатскими державами. Прорыв в отношениях представляется заслугой в основном нынешнего индийского руководства. С одной стороны, Индия не хочет их обострения с сильным соседом из-за пограничных конфликтов, решение которых стало бы мощным стимулом к урегулированию более фундаментальных геополитических противоречий между Нью-Дели и Пекином в борьбе за региональное лидерство. Более того, Китай для Индии остается крупнейшим торговым партнером, зависимость от которого очевидна. С другой стороны, увеличивающаяся потребность в энергетических ресурсах и очевидная угроза Индии в лице Пекина обуславливают «игру на опережение».

Индийская дипломатия выводит на качественно новый уровень отношения с близлежащими государствами, которые входят в зону ее стратегических интересов.

Необходимо учитывать, что, несмотря на внешнее смягчение позиций Нью-Дели и Пекина относительно друг друга и положительную риторику по итогам визита главы КНР и Индию, государства продолжают оставаться раздражающим элементом друг для друга. В этом контексте очевидно, что Н. Моди пытается закрепить свой альянс с США и, таким образом, обрести в лице Вашингтона вспомогательную силу, к которой можно будет обратиться в случае эскалации конфликта. Но также очевидно, что США вряд ли пойдут на открытый конфликт с Пекином и тем более не станут выступать с позиций защитника национальных интересов Нью-Дели, несмотря на то, что Индия, безусловно, могла бы углубить сотрудничество с Вашингтоном, в первую очередь в военно-политическом и энергетическом аспектах.

Кроме того, Пекин из «затаившегося тигра» (каким он являлся еще относительно недавно) уже превратился в «крадущегося дракона», который предпринимает все возможности по окружению Индии в Индийском океане и выстраиванию долгосрочных отношений с боль-

шинством государств—соседей Индии. В таком контексте политика по привлечению внерегионального актора в лице Вашингтона лишней раз накалит обстановку и не принесет Нью-Дели результатов, на которые он рассчитывает. Более того, очевидно, что осложнится также кооперация стран—членов БРИКС, поскольку взаимоотношения Китая и Индии на практике далеки от доброжелательных и партнерских, а Россия, имеющая в лице Нью-Дели исторического партнера, фактически оказывается в ситуации, когда Индия и США становятся по одну сторону «большой игры», а Китай и Россия — по другую.

В то же время нельзя не отметить, что Россия, осуществляя политику «разворота на Восток», оказывается в затруднительном положении относительно будущих возможностей присутствия нефтегазовых компаний в акватории Южно-Китайского моря. Так, еще в 2012 г. у «Газпрома» возникли сложности в совместном с Ханоем освоении лицензионных блоков на шельфе, который принадлежит Вьетнаму. Китайская сторона тогда недвусмысленно намекнула, что развитие российско-китайских отношений невозможно без защиты стратегических интересов обоих государств, а Южно-Китайское море является зоной национальных интересов Пекина. Более того, готовность «Газпрома» сотрудничать с вьетнамской PetroVietnam рассматривалась с точки зрения активизации политики Москвы в акватории Южно-Китайского моря — что безусловно не отвечало интересам Поднебесной.

России необходимо развивать сотрудничество с государствами региона, закрепляя свое присутствие путем развития энергетического сотрудничества. Однако приходится признать, что Москве придется и впредь учитывать позицию Пекина, что в долгосрочной перспективе может негативно сказаться как на российско-китайских отношениях, так и на взаимоотношениях с государствами АТР.

4

Озабоченность Нью-Дели в отношении действий Пекина в Южно-Китайском море сводится к нескольким аспектам.

Эксперт по исследованиям политики КНР Д. С. Раджан акцентирует внимание на сооружении второй военно-морской базы КНР на острове Хайнань вблизи города Санья, которая находится в 280 км от Парасельских островов и, по различным данным, может быть предназначена для базирования авианосцев и ядерных подводных лодок. Необходимо отметить, что базы ВМФ Китая на острове Хайнань с территориальной точки зрения расположены в исключительно выгодном положении для контроля стратегически важного для Индии Малаккского пролива, а также проливов Ломбок и Зондского. Таким образом, в ответ на увеличение военного китайского присутствия в АТР и акватории Южно-Китайского моря и в случае кооперации Японии и США, а также последующей блокировки «первой цепочки островов» — от Окинавы до Тайваня — китайский флот, благодаря наличию ВМФ на острове Хайнань, сможет достичь акваторий Индийского и Тихого океанов через Южно-Китайское море.

Д. С. Раджан отмечает также, что базы на острове Хайнань позволят КНР сосредоточить свои военно-морские силы в стратегически важном

месте и обеспечить безопасность транспортных коридоров для импорта нефти. Нельзя не отметить, что $\frac{3}{4}$ транзита «черного золота» Китая проходят именно через Индийский океан, поэтому объяснимо стремление Пекина как можно лучше обеспечить непрерывность и безопасность импортируемого энергетического сырья [12]. Озабоченность Индии в этом вопросе подогревают и выступления видных китайских деятелей, которые заявляют, что признают особую роль Нью-Дели в районе Индийского океана, но отказываются считать его исключительно индийским [6]. В этом контексте очевидно, что стратегия внешней политики КНР продлится и усилится в выстраивании долгосрочных отношений с государствами Южно-Азиатского региона с целью увеличить там свое присутствие путем вложений в их инфраструктурные и транспортные объекты, а также в целом в их экономику.

Стоит принимать во внимание политику окружения Индии в Индийском океане путем образования так называемой китайской «нити жемчуга», где «жемчужинами» становятся ближайшие страны—соседи Индии, предоставляющие Китаю свои военно-морские базы [2. С. 287—298]. Более того, как отмечает Д. С. Раджан, индийский политический истеблишмент всерьез обеспокоен появляющейся из китайских источников информацией, из которой следует, что Пекин позиционирует себя в качестве одной из основных сил в акватории Индийского океана, а военно-морская база на острове Хайнань вблизи города Санья рассматривается не иначе, как штаб-квартира отдельного подразделения ВМФ КНР, нацеленного на Индийский океан [12]. Опасения индийской стороны представляются оправданными ввиду того, что, несмотря на гипотетический характер построения отдельного подразделения ВМФ КНР, Пекин проводит активную политику по расширению своего экономического присутствия, развивая политику «нового Шелкового пути», а также «морского Шелкового пути», которые затрагивают стратегические интересы Нью-Дели как внутри Южно-Азиатского региона, так и за его пределами — прежде всего в Центральной Азии.

Профессор Университета им. Дж. Неру Б. Р. Дипак (эксперт в области китаеведения) считает, что активизация Пекина в Южно-Китайском море может отвлечь внимание индийской стороны, в то время как следующим шагом КНР станет демонстрация своей военной мощи вдоль линии фактического контроля, т. е. по демаркационной линии между Индией и Китаем, которая имеет протяженность 4057 км и включает в себя западный, центральный и восточный участки. Таким образом, возможная эскалация конфликта может пройти через район Ладакх, штаты Химачал Прадеш и Уттаракханд, Сиккими Аруначал Прадеш.

Более того, Б. Р. Дипак отмечает, что активизация отношений Пекина с Исламабадом, действия КНР в Индийском океане и укрывание ряда представителей террористических организаций Индии на территории Китая побудили Нью-Дели перейти к реальным шагам в налаживании диалога с КНР, которые в Индии именуются как «оборонительная дипломатия Нарендра Моди». Так, 19 ноября 2015 г. впервые за десять лет министр внутренних дел Индии отправился в Китай с пятидневным визитом с целью найти консенсус по вопросам сотрудничества в укреплении границы

и борьбы с терроризмом. Эксперт также высказывает мнение, что возникающие проблемы со своим соседом, как снежный ком, могут накрыть Нью-Дели, породив напряженность в Южной Азии, и вывести альянс Китай—Пакистан на качественно новый уровень. Действительно, в этом контексте нельзя не отметить, что КНР демонстрирует двойственность подходов к различным проблемам региона, в том числе поощряет Исламабад в оказании помощи в борьбе с «Исламским движением Восточного Туркестана», что обеспечивает безопасность китайско-пакистанского экономического коридора. В то же время, по данным индийских источников, ряд членов террористических групп, активно действующих на территории Индии, укрываются в Пакистане и Китае. Так, в августе 2015 г. Пекин блокировал предложение Индии в ООН о передаче Нью-Дели Исламабадом Закир-ур-рахман Лакхви — одного из организаторов терактов в Мумбае в 2008 г., в результате которого погибли 167 человек [7].

Д. М. Баруа, в свою очередь, отмечает, что Пекин в течение десятилетий обостряет обстановку в АТР и идет на эскалацию конфликта с региональными и внерегиональными державами. В то же время, несмотря на принятую в 2007 г. военно-морскую доктрину Индии, в которой сказано, что зона Южно-Китайского моря является зоной стратегических интересов Нью-Дели [13], индийская позиция по вопросу спорной акватории на протяжении длительного времени была «дипломатична», традиционно избегала прямых комментариев и подчеркивала лишь необходимость обеспечения свободы судоходства.

Одновременно эксперт подчеркивает, что именно при правительстве Нарендра Моди ощущается сдвиг во внешней политике государства, в том числе в отношении АТР [4]. Действительно, принятая еще в 1991 г. стратегия Look East Policy по отношению к государствам, входящим в АСЕАН, стала приобретать конкретные очертания в проводимой премьер-министром Индии Н. Моди Act East Policy. Более того, индийская дипломатия начала активно поднимать вопрос предпринимаемых Китаем действий в различных региональных организациях: на прошедшем в 2014 г. саммите государств Восточной Азии и в ходе на состоявшегося в 2014 и 2015 гг. диалога «Индия — АСЕАН».

Однако нельзя забывать, что еще до вступления Н. Моди в должность премьер-министра индийская сторона чуть не спровоцировала Пекин на открытый конфликт. В октябре 2011 г. между Нью-Дели и Ханоем была достигнута договоренность о разведке нефтегазовых месторождений в двух блоках в зоне Южно-Китайского моря, которую вьетнамская сторона, в соответствии с конвенцией ООН от 1982 г., считала относящейся к своей 200-мильной зоне и соответственно признавала за собой право вести в ней геологоразведочные работы. Несмотря на жесткую позицию Пекина в отношении совместных индийско-вьетнамских действий в водах, которые КНР считает своими, Нью-Дели не пошел на компромисс, а увеличил свое присутствие в акватории. В 2012 г. последовал ответ китайской стороны, когда государственная Китайская оффшорная нефтяная компания открыла девять геологоразведывательных объектов в водах, на которые претендует Вьетнам. Эти действия вынудили индийскую и вьетнамскую стороны отказаться от ранее намеченных планов [11].

В то же время на новый уровень выходят отношения между Нью-Дели и государствами, заинтересованными в сдерживании активных действий КНР в Южно-Китайском море. Так, Индия укрепляет военно-морское сотрудничество с Вьетнамом, Филиппинами, Японией, Австралией и, безусловно, США.

5

В этом контексте очевидно, что Вашингтон и Нью-Дели проходят фазу активного сближения, что придает большую уверенность Индии на внешнеполитической арене и во взаимоотношениях с КНР. Подтверждением этому является «Совместное стратегическое видение Азиатско-Тихоокеанского региона и Индийского океана» [14], опубликованное 25 января 2015 г. Белым домом. Так, среди основных положений заявления можно выделить следующие: *во-первых*, мир, процветание и стабильность Азиатско-Тихоокеанского региона и Индийского океана объявляются прерогативой совместных действий Вашингтона и Нью-Дели. *Во-вторых*, оговаривается тесное взаимодействие между государствами в вопросе поддержания региональной экономической интеграции, в том числе путем развития инфраструктуры для передачи различных видов энергии, связывающей Центральную Азию с Южной и Юго-Восточной. *Наконец*, безопасность в широком контексте определяет региональное процветание, в связи с чем США и Индия выступают за обеспечение свободы судоходства и полетов над регионом, особенно в зоне Южно-Китайского моря [14].

Официальный визит 2–4 июня 2015 г. министра обороны США Э. Картера в Нью-Дели, который провел ряд встреч с индийским руководством и советником по национальной безопасности Индии Шри Аджит Довалом, стал продолжением этой тенденции в индийско-американских отношениях. Как отмечается в пресс-релизе Министерства обороны Индии, Э. Картер в ходе встречи с военно-морским командованием подтвердил приверженность Вашингтона расширению и углублению двустороннего военного сотрудничества с Нью-Дели. В частности, было подписано рамочное соглашение о взаимопонимании, которое призвано вывести военно-морское сотрудничество стран на новый уровень в течение десяти лет [8]. Кроме того, отдельного внимания заслуживает расширяющееся сотрудничество Индии и США в развитии совместного производства новых оборонных технологий.

Таким образом, ситуация, складывающаяся вокруг спорной акватории Южно-Китайского моря, представляется более чем серьезной. В то же время вовлеченность внерегиональных игроков формирует возможность большей эскалации конфликта, в том числе ввиду предполагаемого участия в нем США и Индии. Очевидно, что Нью-Дели сегодня находится в непростых отношениях с Пекином, а Вашингтон так или иначе остается его приоритетным партнером. Одновременно активизация деятельности США в Восточной Азии и требования Вашингтона обеспечить свободу судоходства в Южно-Китайском море предопределяют создание в ближайшем будущем зоны повышенного риска.

Интенсификация конфликта представляет особую озабоченность и с точки зрения того, что роль «третьей стороны» в случае невозможности решения спора между заинтересованными сторонами вряд ли возьмут на

себя международные организации или отдельные незаинтересованные страны. Ситуация осложняется и тем, что международно-правовой статус Южно-Китайского моря до сих пор не определен, а это фактически заводит в тупик любые компромиссные действия и возможные договоренности.

Рассматриваемая акватория богата энергетическими ресурсами, столь необходимыми для экономического роста всех без исключения заинтересованных государств. Южно-Китайское море, которое Пекин неофициально именуется «вторым Персидским заливом», представляет собой транспортный коридор, соединяющий Индийский океан с Тихим, и становится вопросом национальной безопасности не только тех государств, которые фактически имеют выход к спорной акватории, но и для ведущих участников международных отношений.

Литература

1. **Канаев Е. А.** Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М., 2007.
2. **Сагайдак Е. А.** Политика окружения Индии в Индийском океане — «зона мира» или «зона войны»? // Мир и политика. 2013. № 10 (85).
3. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013.
4. **Baruah D. M.** Asia's Nightmare: Could India and China Clash over the South China Sea? — <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/asias-nightmare-could-india-china-clash-over-the-south-china-13333> (дата обращения: 27.01.2016).
5. **Campbell K. M., Ratner E.** Far Eastern Promises. Why Washington Should Focus on Asia. May/June 2014 Issue. — <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-04-18/far-eastern-promises> (дата обращения: 27.01.2016).
6. China: The Indian Ocean can't be India's backyard. — <http://www.businessinsider.com/china-the-indian-ocean-cant-be-indias-backyard-2015-7#ixzz3ilF7Iycq> (дата обращения: 27.01.2016).
7. **Deepak B. R.** India's Evolving Defence Diplomacy: An Assertive Multilateral Engagement? — <http://www.southasiaanalysis.org/node/1897> (дата обращения: 27.01.2016).
8. India-US Joint Press Release. Visit of US Secretary of Defence Dr. Ashton Carter to India (2—4 June 2015). Press Information Bureau Government of India Ministry of Defence. — <http://pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=122262> (дата обращения: 27.01.2016).
9. The Law of the People's Republic of China on Territorial Sea and Contiguous Zone // People's Daily. 1992. 26.02.
10. **Mullen R. D., Poplin C.** The New Great Game. A Battle for Access and Influence in the Indo-Pacific. 29.09.2015. — <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-09-29/new-great-game> (дата обращения: 27.01.2016).
11. **Pant H. V.** Understanding India's Interest in the South China Sea: Getting into the Seaweeds. — <http://csis.org/publication/understanding-indias-interest-south-china-sea-getting-seaweeds> (дата обращения: 27.01.2016).
12. **Rajan D. S.** China: Second Aircraft Carrier Base in Hainan — What it means for India? — <http://www.southasiaanalysis.org/node/1837> (дата обращения: 27.01.2016).
13. **Scott D.** India's Incremental Balancing in the South China Sea. — <http://www.e-ir.info/2015/07/26/indias-incremental-balancing-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 27.01.2016).
14. U.S.-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. — <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region> (дата обращения: 27.01.2016). ◆

Сербия в эпоху перемен

Современные экономические и внешнеполитические вызовы

© Лобанов М. М.

© Lobanov M.

Сербия в эпоху перемен. Современные экономические и внешнеполитические вызовы

Serbia in the time of changes. Modern economic and foreign-politics challenges

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам политического и социально-экономического развития Сербии в условиях изменения архитектуры мирового хозяйства и системы международных отношений. Сохранение партнерских отношений с Россией остается в числе основных внешнеполитических приоритетов, несмотря на использование странами Запада различных механизмов давления на официальный Белград. Усиление роли внешних факторов хозяйственного роста свидетельствует о высоком уровне вовлеченности страны в процессы трансграничного движения товаров и капитала. Основными угрозами макроэкономической стабильности выступают усиление бюджетной несбалансированности при устойчивом дефиците счета текущих операций («ловушка двойного дефицита»), рост внешней задолженности, снижение покупательной способности населения и усугубление структурных проблем на рынке труда.

Annotation. The article deals with the modern problems of political and socio-economic development of Serbia in the conditions of changing architecture of the world economy and the system of international relations. The maintenance of partnership with Russia remains one of the main foreign policy priorities, in spite of the attempts of the Western countries to use of different mechanisms of pressure on official Belgrade. The importance of external factors of economic growth indicates a high level of involvement in the cross-border movement of goods and capital. The main threats to macroeconomic stability are the strengthening of fiscal imbalances that accompanied by the sustainable current account deficit ('double deficit'), the growth of foreign debt, the decrease of the purchasing power of population, and worsening of structural problems in the labor market.

Ключевые слова. Республика Сербия, внешнеполитический курс, международные отношения, российско-сербские связи, мировое хозяйство, социально-экономические проблемы, антикризисная программа.

Key words. The Republic of Serbia, foreign policy, international relations, Russian-Serbian relations, world economy, socio-economic problems, anti-crisis program.

Социально-экономическое развитие Республики Сербия с 2014 г. в значительной степени определялось внешними факторами — участием страны в мирохозяйственных процессах (в том числе трансграничном перемещении капитала в форме инвестиций и займов) и внешнеполитическими решениями, влиявшими на ее положение в системе международных отношений. Проблемы, вызванные распространением кризисных явлений, продолжают оказывать влияние на макроэкономическую стабильность, а показатели хозяйственного роста существенно варьируют из года в год. ВВП в 2014 г. вновь

ЛОБАНОВ Михаил Михайлович — старший научный сотрудник Института экономики РАН, кандидат географических наук.

сократился под влиянием низкого внутреннего и внешнего спроса, недостаточного уровня инвестиционной активности и форс-мажорных обстоятельств — крупного наводнения, вследствие которого произошло снижение объема промышленного производства (впервые с 2009 г.).

Одними из главных угроз макроэкономической стабильности являются быстрый рост государственной задолженности и увеличение дефицита госбюджета. Это вынуждает руководство страны принимать непопулярные решения в рамках реформирования фискальной системы. Выполнение программы «оздоровления» государственных финансов уже начало отрицательно сказываться на социальных стандартах, ухудшило положение на рынке труда и повлияло на динамику располагаемых доходов населения. В то же время последовательность в реализации планов фискальной консолидации является единственной гарантией сохранения приемлемого кредитного рейтинга и привлечения новых займов международных организаций. Особое внимание власти республики уделяли переговорам с МВФ с целью получения доступа к новой трехлетней кредитной линии. Кроме того, Сербия рассчитывает на расширение объема средств, поступающих из структурных фондов Евросоюза. Статус кандидата на вступление в ЕС, который страна получила в марте 2012 г., позволяет использовать новые формы финансирования социально значимых проектов. Первая межправительственная конференция, означавшая формальное начало переговоров о присоединении Сербии к ЕС, состоялась в январе 2014 г. в Брюсселе. Ожидается начало обсуждения результатов правовой гармонизации по двум первым главам *acquis communautaire* (под порядковыми номерами 32 и 35 — «Финансовый контроль» и «Отношения с Косово»).

Экспорт товаров и услуг в 2014 г. рос опережающими по сравнению с импортом темпами, что способствовало замедлению процесса девальвации динара и дальнейшему сокращению устойчивого дефицита платежного баланса по счету текущих операций. Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) сохранился на уровне предыдущего года, хотя прогнозы привлечения капитала в сербскую экономику были более оптимистичны. Намеченная приватизация ряда крупных предприятий, очевидно, будет способствовать улучшению показателей инвестиционной активности. Благоприятная динамика мировых цен на сырье, незначительный рост регулируемых цен и сужение внутреннего спроса стали основными факторами рекордно низкой инфляции, что позволило Национальному банку Сербии продолжить политику поступательного снижения учетной ставки. Банковская система страны, как и на начальном этапе хозяйственного кризиса, демонстрирует устойчивость по отношению к внешним шокам и внутренним макроэкономическим дисбалансам. К числу основных экономических проблем относится высокая безработица, уровень которой в 2014 и

2015 гг., однако, удалось несколько сократить. Создание новых рабочих мест, в том числе за счет привлечения ПИИ, является важнейшей задачей хозяйственного развития.

Россия остается одним из основных торговых и инвестиционных партнеров Сербии и продолжает играть важную роль в обеспечении финансовой устойчивости, обороноспособности и энергетической безопасности страны. Эскалация политического, а затем и военного кризиса на Украине потребовала от властей Сербии дополнительных усилий в сохранении баланса в отношениях с Брюсселем и Москвой. Балканская республика относится к числу тех немногих стран, которые не поддерживают политико-экономические санкции Запада в отношении России. Руководство Сербии старается балансировать на линии «политического раздела» государств Европы в стремлении сохранить равноудаленную позицию в противостоянии геополитических центров. Экономические выгоды Сербии, как и ряда других стран, не поддерживающих санкции, связаны в том числе с расширением объема поставок сельскохозяйственной и пищевой продукции на российский рынок.

Руководство Сербии старается балансировать на линии «политического раздела» государств Европы в стремлении сохранить равноудаленную позицию в противостоянии геополитических центров.

В конце 2014 г. произошло событие, оказавшее значительное влияние на приоритеты экономической политики Сербии — российское руководство объявило о вынужденном сворачивании проекта строительства газопровода «Южный поток», одной из стран-участниц которого должна была быть Сербия. В результате система отношений двух стран лишилась ключевого элемента, определявшего параметры и направления политического и социально-экономического сотрудничества. Отказ от реализации проекта привел к пересмотру амбициозных планов по привлечению иностранного капитала в энергетическую инфраструктуру Сербии, а также стимулированию промышленного производства и занятости. Принимая во внимание тот факт, что перспективы строительства «Турецкого потока» остаются неясными, власти Сербии в 2015 г. активизировали поиск альтернативных источников поставок природного газа. Результаты визита премьер-министра страны в США, в ходе которого обсуждались проблемы обеспеченности энергоносителями, позволили заявить о появлении новых приоритетов в энергетической политике официального Белграда, в частности стремлении диверсифицировать структуру импорта газа.

Роль Сербии в противостоянии геополитических центров

В результате парламентских выборов в 2012 г. представителями Сербской прогрессивной партии (СПП), Социалистической партии Сербии (СПС) и движения «Объединенные регионы Сербии» (ОРС) было сформировано новое правительство. Ведущие роли в правительстве были распределены между правыми консерваторами из СПП и социалистами, позиции которых по многим внешнеполитическим вопросам (отношение к евроинтеграции, сотрудничеству с Россией, решению проблемы Косово и т. д.) являются, в сущности, идентичными. Кабинет министров возглавил лидер социалистов И. Дачич, а его первым заместителем стал новый глава СПП А. Вучич. В мае 2012 г. по результатам прямого голосования президентом был избран основатель Сербской прогрессивной партии Т. Николич.

Со временем президент постепенно дистанцировался от участия в принятии наиболее важных для страны решений — роль института президентства в результате была практически сведена к декоративной. Руководителем страны де-юре оставался председатель правительства И. Дачич, однако фактически рычаги управления продолжал удерживать его заместитель и лидер более популярной СПП А. Вучич. В результате сложилась нетривиальная форма управления государством, когда в процесс решения основных внешне- и внутриполитических проблем были вовлечены оба политика. Однако в борьбе за поддержку электората «прогрессисты» оказались успешнее социалистов.

Противоречия в правительственной коалиции и рост рейтинга СПП за счет эффективных политтехнологий привели к необходимости зафиксировать новый расклад сил на внутривнутриполитической арене. Правительство страны подало в отставку в январе 2014 г., и уже в марте состоялись внеочередные выборы, в которых участвовали 19 партий и партийных коалиций. Очевидным фаворитом предвыборной гонки считалась коалиция партий во главе с СПП, которая в результате одержала убедительную победу (48,2%) и получила большинство мест в парламенте (156 из 250). Таким образом, у лидера партии А. Вучича оказался карт-бланш на формирование нового правительства, в котором на 16 позиций из 19-ти были приглашены члены СПП или близкие к партии политики (три министерских портфеля получили социалисты). Кабинет министров возглавил сам А. Вучич, а бывший глава правительства И. Дачич занял пост министра иностранных дел.

Новым фактором в политическом и социально-экономическом развитии Сербии стали перемены в расстановке сил на геополитической карте мира. Позиция ведущих стран ЕС по поводу эскалации конфликта на Украине потребовала от их младших партнеров, вовлеченных

в процесс европейской интеграции, решительной поддержки действий новых украинских властей, осуждения проведения референдума в Крыму, присоединения к санкциям в отношении России и т. д. Вплоть до начала вооруженного противостояния на юго-востоке Украины в заявлениях высших должностных лиц Сербии преобладала неопределенность, однако тон двусмысленных заявлений официального Белграда в Брюсселе стали трактовать как скрытое одобрение политики Москвы. Основным противоречием в заявлениях А. Вучича и И. Дачича являлось то, что, придерживаясь курса на интеграцию с Евросоюзом, Сербия называла «традиционно дружественными» странами и Россию, и Украину, а санкции против Москвы считала неприемлемыми и противоречащими национальным интересам. Отметим в связи с этим, что в соседней Черногории власти открыто и практически в инициативном порядке поддержали курс Евросоюза вообще и антироссийские санкции в частности.

В конце марта 2014 г., спустя несколько дней после референдума в Крыму, Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция о территориальной целостности Украины (из 193 стран-членов 100 поддержали документ, 11 высказались против, 58 воздержались). Отметим, что 24 страны не принимали участия в голосовании, в том числе Сербия и Босния с Герцеговиной. Решение о «самоустранении» Сербии, очевидно, не осталось незамеченным в Брюсселе и стало очередным подтверждением тому, что эта страна-кандидат по-прежнему следует в фарватере политики Москвы. Примечательно, что в 2008 г. Сербия подписала Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС (вступило в силу в 2013 г.), в рамках которого приняла обязательства координировать внешнеполитический курс с общеевропейским — в соответствии с принципами Общей внешней политики и политики безопасности. Эффект от очередного демарша все же смягчило то обстоятельство, что Белград формально не признал референдум в Крыму — что было ожидаемо, учитывая историю развития «косовского вопроса». К тому же в заявлениях о поддержке самоопределения Крыма российские власти часто ссылались на прецедент отделения Косово и Метохии [15]. Объясняя позицию Сербии по вопросу санкций, премьер-министр А. Вучич заявил, что это «означало бы идти против тех, кто никогда не вводил санкции в отношении Сербии, даже когда она подвергалась бомбардировкам, и когда другие нарушали ее территориальную целостность» [3].

Сложившаяся политическая обстановка способствовала тому, что список основных тем для обсуждений в ходе официальных российско-сербских встреч на высшем уровне был расширен за счет ситуации на Украине. В мае и июне 2014 г. Белград с официальными визитами посетили С. Нарышкин и С. Лавров, а в июле для премьер-министра страны А. Вучича в Москве были организованы встречи с В. Путиным и Д. Медведевым. Визит премьер-министра Сербии в Россию и совместные

заявления сторон не остались без внимания в странах Запада, которые усилили давление на официальный Белград. Представители руководства США и ЕС настоятельно рекомендовали властям Сербии как можно скорее присоединиться к антироссийским санкциям. В одном из интервью президент страны Т. Николич отметил, что поддержка санкций против России была бы «губительным шагом для Сербии», а страна «лишилась бы опоры в Совете Безопасности ООН». Кроме того, за введением санкций последовало бы «разрушение братских отношений между двумя народами, за которые боролись наши предки» [2]. В интервью каналу «Россия 24» в сентябре 2014 г. А. Вучич подтвердил, что и в это «невероятно тяжелое время» Сербия не будет вводить санкции и останется «лучшим другом [России] в Европе». Руководство страны неоднократно обсуждало «украинскую проблему» с ведущими европейскими политиками, которые призывали Сербию поддержать позицию ЕС; но пойти на конфронтацию с Москвой официальный Белград так и не решился.

В октябре 2014 г. произошло знаковое событие для российско-сербских отношений — визит Президента РФ В. Путина в Белград, приуроченный к 70-летию освобождения столицы Сербии от немецко-фашистских захватчиков. Программа визита предполагала его встречи с Т. Николичем и А. Вучичем, подписание двусторонних соглашений, а также участие в торжествах в честь освобождения Белграда, главным мероприятием которых стал военный парад. В переговорах с руководством Сербии были затронуты темы взаимной торговли (в том числе увеличение объемов экспорта аграрной продукции в РФ) и инвестиций («Южный поток», Petrohemija), антироссийских санкций, обеспечения поставок газа в Европу в условиях эскалации украинского кризиса. Кроме того, двусторонние встречи позволили «сверить часы» по важнейшим внешнеполитическим вопросам в преддверии председательствования Сербии в ОБСЕ в 2015 г. Официальная Москва не скрывала своих ожиданий, надеясь с помощью председательства дружественной страны повлиять на решения организации по ряду внешнеполитических вопросов.

Одним из наиболее важных для Белграда стало решение об установлении определенной квоты на поставки производимых в Сербии автомобилей Fiat. Возможность отмены 30-процентной пошлины на ввоз автомобилей Fiat (в городе Крагуевац действует завод итальянского концерна) обсуждалась в Москве еще в марте 2013 г. Однако предметное обсуждение взаимных квот на беспошлинные поставки машин состоялось лишь в апреле 2015-го в формате Евразийской экономической комиссии — регулирующего органа Таможенного союза (ТС). Предполагается, что возможностью свободного доступа на сербский рынок и включения в тарифную квоту воспользуется «Группа ГАЗ». При этом, согласно сербским источникам, проблемы с реализацией соглашения могут возникнуть в связи с позицией других стран—членов ТС [9].

Вернемся, однако, к октябрю 2014 г. Тогда стороны подписали семь соглашений и меморандумов, в том числе о военно-техническом сотрудничестве и взаимной защите секретной информации, энергетической эффективности, модернизации железнодорожного «Коридора 10» и поставках дизель-поездов. О важности визита свидетельствует уже тот факт, что военный парад «Шаг победителя», организованный к приезду делегации из России (16 октября вместо 20 октября — даты освобождения Белграда), стал первым за 29 лет. В параде приняли участие 4,5 тыс. сербских военнослужащих, а его кульминацией стало выступление российской пилотажной группы «Стрижи». Масштабы подготовки к визиту В. В. Путина в Белград, а также внимание общественности к этому событию свидетельствуют о его значимости для укрепления внешнеполитической позиции Сербии. Создание более чем дружественной атмосферы во время приема российской делегации требовало определенной политической смелости от руководства страны, учитывая нараставшее давление из Брюсселя. В европейских СМИ, комментировавших итоги визита В. В. Путина в Сербию, высказывались предположения о том, что действие санкций вынуждает Россию усиливать свое влияние в тех странах континента, которые одобряют ее внешнеполитический курс.

Одним из предсказуемых отрицательных последствий приема российской делегации стало усиление критики позиции Сербии чиновниками Евросоюза, причем изменился и тон их заявлений. Так, в ноябре 2014 г. еврокомиссар по европейской политике соседства и переговорам по расширению Й. Хан накануне визита в Белград подчеркнул, что для участия в переговорном процессе Сербия обязана координировать свою внешнюю политику с ЕС, в том числе и по вопросу введения санкций [7; 10]. Некоторое время спустя он вынужден был оговориться, что поддержка санкций все же не является условием для запуска переговоров о вступлении, а Сербия как суверенное государство вправе сама определять приоритеты внешней политики. Т. Николич в ответном комментарии отметил, что Сербия «ни сегодня, ни в ближайшие часы, ни в ближайшие годы» к санкциям не присоединится.

Визит российского президента в Белград не остался без внимания ведущих европейских СМИ, поспешивших объявить о росте влияния России на Балканах. Так, немецкий журнал Spiegel напечатал выдержки из анализа МИД Германии об отношениях России и Сербии, в котором отмечалась опасность «экспансионистской политики» Москвы и использования «панславистской риторики» для достижения собственных целей. По мнению авторов доклада, после вступления в ЕС Сербия и ряд других балканских стран могут стать проводниками интересов российской внешней политики в Брюсселе. Характерно, что в немецкой прессе стремление Сербии сохранить доброжелательные отношения как с ЕС, так и с Россией сравнивают с попыткой «сесть на шпагат» [16; 20].

Германия, очевидно, играет ключевую роль в процессе евроинтеграции Сербии (достаточно вспомнить проблемы с получением статуса кандидата). Поэтому выступления немецких официальных лиц и представителей в структурах ЕС важны для понимания перспектив внешней политики Брюсселя в отношении Белграда [6; 18]. В связи с этим показательно заявление А. Меркель о внешнеполитических интересах России, опубликованное *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: «Речь идет не только лишь об Украине. Речь идет о Молдавии, о Грузии, и, если так пойдет дальше, ... то речь может пойти о Сербии, о государствах западных Балкан» [14].

Относительная внешнеполитическая независимость Сербии накануне надления ее функцией страны—председателя ОБСЕ в 2015 г. вызывала беспокойство у официального Брюсселя. Важное международное положение Сербии, по мнению управленцев ЕС, может быть использовано Россией для влияния на резолюции организации по украинскому кризису. Во всяком случае, в Брюсселе уже дали понять, что Сербия постепенно переходит в разряд «двоечников» переговорного процесса. В декабре 2014 г. Еврокомиссия обнародовала статистику голосования стран-кандидатов по важным для единой Европы проблемам, на основании которой сделан вывод, что Сербия (вместе с Турцией) в наименьшей степени следует рекомендациям из Брюсселя, тогда как результаты голосования, к примеру, Албании вызывают наибольшее одобрение. Еврокомиссар Й. Хан обратил внимание на необходимость выполнения Брюссельского соглашения (подписанного Белградом и Приштиной в апреле 2013 г.), что является условием начала переговоров Сербии о вступлении в Евросоюз. Существование двух условий — нормализации отношений с Косово и введения санкций против России — подтверждено в резолюции Европарламента по докладу о прогрессе Сербии на пути в ЕС (январь 2015 г.). В черновой версии резолюции высказано сожаление, что официальный Белград отказывается присоединиться к «рестриктивным мерам» в отношении России [8].

Усиливающееся давление Евросоюза на Сербию в связи с ее внешнеполитической ориентацией служит и предметом спекуляций внутри самой страны (к примеру, «непоколебимая» позиция якобы свидетельствует о политической смелости ее руководства и повышает рейтинг партии власти и ее лидера). Весь вопрос в пределе терпения брюссельских чиновников и их готовности перейти от слов к делу — замедлению процесса переговоров об интеграции под надуманными предложениями. С другой стороны, для ЕС существует опасность, что резким охлаждением отношений с официальным Белградом воспользуется Москва, которая сможет упрочить свои позиции в Сербии и на Балканах в целом.

Факторы экономического роста

Выход экономики Сербии из рецессии вновь откладывается: в 2013 г. она вернулась к восстановительному росту после повторного спада

2012 г., последовательный рост ВВП в течение двух кварталов (формальный признак окончания периода рецессии) был зафиксирован в середине 2013 г., а с начала 2014-го объем ВВП стал сокращаться. Временное улучшение ситуации в экономике было вызвано инвестиционным стимулированием экспортных отраслей и стабилизацией спроса на внешних рынках, а также масштабными внешними заимствованиями. В 2014 г. значение чистого экспорта уменьшилось, а первоочередную роль стало играть сжатие внутреннего спроса (как и в 2012-м), вызванное, среди прочего, сокращением объема социальных выплат и других государственных расходов. Помимо суженного внутреннего потребления, отрицательное влияние на хозяйственный рост в 2014 г. оказали проблемы экспортных рынков, недостаточный уровень инвестиционной активности и форс-мажорные обстоятельства — крупное наводнение в конце мая, охватившее важный промышленный район Колубара.

Таблица 1

Основные показатели социально-экономического развития Сербии

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ВВП, в текущих ценах							
млрд динаров	2744,9	2880,1	3067,2	3407,6	3584,2	3876,4	3878,0
млрд евро	33,70	30,65	29,77	33,42	31,68	34,26	33,06
Темпы прироста, в процентах							
реальный ВВП	5,4	-3,1	0,6	1,4	-1,0	2,6	-1,8
промышленность	1,4	-12,6	2,5	2,1	1,1	5,5	-6,5
строительство	4,3	-19,9	-6,3	17,0	4,5	-17,9	6,6
сельское хозяйство	8,5	1,0	1,1	0,9	-17,3	22,1	2,0
Темпы прироста инвестиций в основной капитал, процентов							
	14,5	-19,3	-2,7	10,5	19,1	-5,9	...
Темпы прироста потребительских цен, процентов							
	8,6	6,6	10,3	7,0	12,2	2,2	1,7
Темпы прироста розничной торговли, процентов							
	6,7	-15,0	0,5	-17,0	2,3	-5,1	3,0
Доходы государственного бюджета, млрд динаров							
	651,3	656,0	712,2	743,8	788,5	812,1	881,1
Расходы государственного бюджета, млрд динаров							
	698,8	748,7	815,1	880,6	1001,6	1013,0	1127,9
Сальдо баланса государственного бюджета, процент к ВВП							
	-1,7	-3,2	-3,4	-4,0	-5,9	-5,2	-6,4
Государственный долг, процент к ВВП							
	28,3	32,8	41,8	45,4	56,2	59,6	70,9
Внешний долг, процент к ВВП							
	62,3	72,7	79,0	72,2	80,9	75,1	78,1
доля краткосрочного долга, в процентах							
	10,2	8,9	7,7	2,7	1,7	0,8	0,4
Сальдо платежного баланса по счету текущих операций							
млн евро	-7126,3	-2031,8	-2036,7	-3656,0	-3671,4	-2098,3	-1984,7
процентов к ВВП	-21,1	-6,6	-6,8	-10,9	-11,6	-6,1	-6,0

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Сальдо платежного баланса по счетам движения капитала, млн евро	6591,4	2280,3	1552,5	3343,0	3359,1	1614,8	1698,6
Сальдо платежного баланса, млн евро	-1686,6	2363,5	-928,7	1801,5	-1137,2	696,7	-1796,7
Экспорт товаров и услуг млн евро	9583	8043	9515	11145	11469	13937	14451
темпы прироста, в процентах	18,2	-16,1	18,3	17,1	2,9	21,5	3,7
Импорт товаров и услуг млн евро	18267	13099	14244	16487	16992	17782	18096
темпы прироста, в процентах	18,1	-28,3	8,7	15,7	3,1	4,7	1,8
Сальдо баланса внешней торговли, процентов к ВВП	-26,3	-17,5	-16,9	-17,4	-18,9	-13,1	-13,2
Сальдо прямых иностранных инвестиций, млн евро	2485,7	2067,8	1133,4	3319,6	752,8	1298,1	1236,3
Сальдо портфельных инвестиций, млн евро	-90,8	-48,9	67,3	1599,7	1676,3	1882,7	368,9
Чистая международная инвестиционная позиция, млн евро	-21993	-20824	-23765	-25583	-27730	-30857	-32912
Международные резервы НБС, млн евро	8162	10602	10002	12058	10915	11189	9907
Международные резервы к импорту товаров и услуг	5,4	9,7	8,4	8,8	7,7	7,6	6,6
Безработица, процентов к экономически активному населению	13,6	16,1	19,2	23,0	23,9	22,1	18,9
Темпы прироста реальной средней зарплаты, процентов	3,9	0,2	0,7	0,2	1,1	-1,5	-1,5
Средняя зарплата, евро	400,5	337,4	330,1	372,5	364,5	388,6	379,3
Темпы прироста реальной средней пенсии, процентов	14,3	3,3	-5,9	-3,6	-2,2	-3,4	-2,1
Кредиты населению, млрд динаров	428,7	463,0	572,0	602,6	653,6	674,5	725,4
Кредиты хозяйствующим субъектам, млрд динаров	664,0	806,8	1030,8	1115,4	1225,6	1111,3	1140,2
Средний обменный курс динара к доллару США	55,76	67,47	77,91	73,34	88,12	85,17	88,54
Средний обменный курс динара к евро	81,44	93,95	103,04	101,95	113,13	113,14	117,31
Фондовый индекс BELEXline	1198	1312	1283	977	1006	1105	1345

Источники: рассчитано и составлено по данным Национального банка Сербии, Республиканского статистического института (РСИ), Министерства финансов, Белградской фондовой биржи.

В 2014 г. зафиксированы худшие с 2009-го показатели хозяйственно-го роста: ВВП страны сокращался в течение четырех кварталов, а совокупный спад по итогам года составил 1,8% (в третьем квартале — 4%). Для сравнения: в 2014 г. ВВП увеличился в большинстве стран региона; в отличие от 2012 и 2013 гг., экономический рост отмечен и в государствах еврозоны (0,9%), и в ЕС-28 (1,3%).

При сравнении структуры ВВП Сербии за разные годы по источникам доходов следует отметить, что спад 2012 г. был в значительной степени обусловлен сокращением сельскохозяйственного производства,

вызванного засухой. Тогда как в 2014 г. причиной сокращения ВВП стали отрицательные темпы роста в промышленности, предприятия которой вынужденно простаивали во время устранения последствий наводнения.

Экономический спад продолжился и в 2015 г. — по официальным данным, в первом квартале ВВП сократился на 1,8%. Согласно оценкам Министерства финансов, в конце года ожидается нулевой прирост ВВП, тогда как эксперты Национального банка Сербии более оптимистичны, прогнозируя положительную динамику (+0,5%). Надежды на восстановление связаны с повышением внешнеторговой сбалансированности и притоком иностранного капитала; кроме того, должна сказаться низкая база промышленного роста 2014 г. (в особенности в энергетике). Сокращение внутреннего спроса, вероятно, также не будет таким значительным, несмотря на активную реализацию бюджетной реформы: инфляционное давление невелико, а приток переводов из-за рубежа возобновился [5; 13; 17].

Динамика *промышленного* производства, доля которого в валовой добавленной стоимости составляет $\frac{1}{4}$, в 2014 г. впервые с 2009-го стала отрицательной (-6,5%). Отметим, что в 2013 г. промышленные предприятия отгрузили на 5,5% больше продукции, чем в 2012-м, что являлось лучшим результатом их деятельности за девять лет. Немаловажным фактором снижения производственной активности (в третьем квартале — на 15%) стало наводнение в промышленном районе Колубара, где расположены важнейшие предприятия со специализацией на угледобыче и генерации электроэнергии. Как следствие — сокращение объемов выпуска было наиболее велико в добывающей промышленности (на 16,6%, в том числе в угольной отрасли — на 25,8%) и электроэнергетике (на 21,1%), тогда как в обрабатывающей промышленности зафиксирован меньший спад (на 1,4%). Согласно предварительным оценкам, в 2015 г. динамика промышленного производства вновь станет положительной (в январе—августе 2015 г. объемы выпуска выросли почти на 7% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года).

В промышленности Сербии продолжают усиливаться производственная концентрация и значение опорных экспортоориентированных предприятий, зависящих от спроса на внешних рынках (автосборочный завод Fiat, шинный завод Michelin, нефтеперерабатывающие заводы NIS, меткомбинат Železara Smederevo, фабрики бытовой электротехники Gorenje, фармацевтические заводы и др.). Ведущей компанией-экспортером является итальянская Fiat (1,36 млрд евро в 2014 г.; 9,4% совокупного экспорта Сербии), за которой следуют Železara Smederevo (200,8 млн евро), Tigar Tyres (в составе французская Michelin), NIS (российская «Газпром нефть»), HIP — Petrohemija, словенская Gorenje, Немофарм (немецкая Stada). «Мотором» индустриального развития становится автомобильная промышленность: расширение итальянским

Fiat объемов выпуска машин на заводе Zastava в г. Крагуевац не замедлило сказаться на показателях отрасли в целом. Быстрыми темпами растет производство бытовой и промышленной электротехники, которое практически не испытало последствий кризиса, несмотря на преимущественно экспортную ориентацию предприятий. В то же время пищевая и пищевкусовая промышленность находится в процессе стагнации на протяжении последнего десятилетия, а легкая промышленность медленными темпами восстанавливается после кризиса. Бывший «флагман» тяжелой промышленности — металлургический комбинат *Železara Smederevo* — в течение нескольких лет находился на грани банкротства, что определяет нынешнее положение черной металлургии в структуре индустриального роста.

Возврат к докризисным показателям экономического роста в существенной мере зависит от использования инвестиционного потенциала опорных отраслей и формирования благоприятной предпринимательской среды. Макроэкономическая несбалансированность, усилившаяся в период кризиса, отразилась на инвестиционных планах иностранных компаний и спровоцировала отток капитала. Сальдо прямых иностранных инвестиций в 2007—2009 гг. превышало 2 млрд евро, но в 2010 г. сократилось до 1,1 млрд евро. Реализация ряда крупных инвестиционных проектов в 2011 г. позволила значительно расширить поток зарубежных капиталовложений (3,3 млрд евро), что сказалось и на показателях экономического роста. Отметим в связи с этим, что при «очистке» данных за 2009 и 2011 гг. от двух наиболее масштабных сделок (речь идет о покупке нефтегазового концерна NIS российской «Газпром нефтью» в 2009 г. (400 млн евро) и сети розничной торговли *Махі* бельгийским ритейлером *Delhaize* в 2011 г. (933 млн евро)) значения притока ПИИ сократятся более чем на четверть. Уже в 2012 г. в экономику Сербии было инвестировано всего 0,7 млрд евро, а в 2013—2014 гг. объемы капиталовложений не превышали 1,3 млрд евро. На основании доступных статистических данных первой половины 2015 г. можно прогнозировать снижение объема притока ПИИ в годовом исчислении не менее чем на 10%. Таким образом, ежегодные темпы прироста инвестиций в основной капитал остаются неустойчивыми, что ограничивает потенциал экономического развития.

Кредитно-денежная и бюджетная политика

Уровень *инфляции* относится к числу наиболее важных индикаторов макроэкономической сбалансированности в стране. С началом распространения кризисных явлений показатели ежегодного прироста потребительских цен характеризуются нестабильностью, однако в целом заметен нисходящий тренд. В 2008 и 2009 гг. инфляционное давление на экономику снизилось (8,6 и 6,6% соответственно) под влиянием падающего внешнего и внутреннего спроса и усиленного контроля над регу-

лируемыми ценами. Сопоставимый уровень инфляции в 2011 г. (7,0%) был обусловлен теми же проблемами со спросом и регулированием цен на социально значимую продукцию, а также коррекцией цен на мировом рынке продовольствия.

Двузначные значения инфляции были зафиксированы в 2010 и 2012 гг. (10,3 и 12,2%), причем основным ее катализатором стало повышение цен на продукты питания. Различие состояло лишь в том, что в 2010 г. его причиной была нестабильность на мировых сельскохозяйственных и энергетических рынках, а в 2012-м рост внутренних цен на продовольствие стал следствием неурожая. Дополнительное инфляционное давление оказывали процесс девальвации динара (на 10% по отношению к евро как в 2010-м, так и в 2012 г.), а также повышение ряда регулируемых цен. Кроме того, на уровне цен отразилось увеличение госрасходов в период предвыборной кампании 2012 г. Отметим, что руководство страны установило целевой коридор для значений инфляции — $4 \pm 1,5\%$.

Тенденция резкого сокращения уровня инфляции в 2013 и 2014 гг. вызывает справедливые опасения возникновения рецессии в экономике. Неожиданно низкий рост цен в 2013 г. (2,2%) был вызван в первую очередь спадом внутреннего потребления (на 7,8%) вследствие сокращения реальных зарплат и пенсий. Вместе с тем продовольственные цены остались практически на прежнем уровне благодаря расширению объема сельскохозяйственного производства более чем на $\frac{1}{5}$. Рост потребительских цен в 2014 г. стал рекордно низким за весь период независимости страны (всего 1,7%). Наряду с продолжающимся сокращением внутреннего потребления основными факторами сдерживания инфляции стали крайне незначительный прирост регулируемых цен, а также снижение мировых цен на энергоносители и сельхозпродукцию. Эксперты не ожидают скачка цен и в 2015 г., обосновывая этот прогноз сохранением дефляционных тенденций как на внутреннем, так и на мировых рынках [12; 11; 4; 1].

Базовым подходом к монетарной политике в Сербии является таргетирование инфляции и регулирование ценообразования с помощью ставки рефинансирования и обязательной нормы резервирования. С целью восстановления экономического роста на начальном этапе кризиса учетная ставка НБС была значительно снижена (более чем вдвое — до 8% в мае 2010 г.), однако в связи с ростом инфляции возникла необходимость вновь повысить ее на несколько пунктов (12,5% в апреле 2011 г.). Национальный банк оперативно реагирует на динамику хозяйственного роста, инфляции и валютного курса: устойчивое снижение темпов инфляции в 2013 и 2014 гг., а также отсутствие видимых причин для значительных колебаний обменного курса динара позволили НБС продолжить политику сокращения ставки рефинансирования. В течение сравнительно короткого периода с апреля 2013-го по март 2015 г. она была снижена с 11,75 до 7,50% (наименьшее значение за всю новейшую

историю страны). Дальнейшие изменения учетной ставки стали поистине историческими: в июне 2015 г. НБС принял решение о ее снижении до 6,0% [5; 13; 17].

Кредитно-денежная политика Сербии традиционно основывается на минимальном вмешательстве в формирование *обменного курса* национальной валюты. Однако свободное плавание динара при соблюдении режима экономии резервов на начальном этапе кризиса повлияло на стабильность финансовой системы. Девальвация динара негативно сказывается на позициях импортеров и покупательной способности населения, что может ограничить темпы экономического роста, обусловленные динамикой внутреннего спроса. Для борьбы с резкой девальвацией динара в конце 2008 г. НБС поддерживал экстремально высокую учетную ставку (17,75%), удвоил норму резервирования банков в динарах (до 40%), а также проводил валютные интервенции, сократившие объем накопленных международных резервов. Повышение нормы резервирования должно было также вернуть доверие населения к банковской системе и остановить отток средств с депозитных счетов. В 2009—2010 гг., с целью соблюдения условий МВФ, контроль над процессом девальвации был ограничен. В 2012 г. НБС вновь был вынужден вернуться к практике валютных интервенций, использовав десятую часть своих резервов; однако курс динара к евро снизился на 10%. До середины 2013 г. обменный курс не испытывал значительных колебаний. С середины 2014 г. до начала 2015-го динар постепенно терял в стоимости, и решением проблемы вновь стали валютные вливания. Отметим, что основное давление на динар оказывают государственные расходы и вывод капитала за рубеж (прежде всего, отток портфельных инвестиций и возвращение валютных кредитов частным сектором). Кроме того, на динамику обменного курса влияют известия о сложном положении в сфере государственных финансов и отчеты о негативных последствиях фискальной консолидации.

Положение в *сфере государственных финансов* остается сложным, несмотря на ряд мер бюджетной консолидации, предпринимаемых с начала распространения кризиса. Устойчивый дефицит госбюджета в сочетании с отрицательным сальдо счета текущих операций ведет экономикой страны в «ловушку двойного дефицита», возникновение которой усилит несбалансированность монетарной системы. В 2008—2012 гг. относительное значение бюджетного дефицита выросло с 1,7 до 5,9% к ВВП, несколько сократившись в 2013-м — до 5,2%. В 2014 г. дефицит бюджета увеличился до внушительных 6,4 процента к ВВП, что стало худшим результатом управления государственными финансами в новейшей истории страны.

Первоначальными мерами усиления бюджетной дисциплины являлись расширение внешних заимствований (в том числе за счет кредитной линии МВФ 2009—2011 гг.), попытки сокращения убытков ряда госкомпаний, пенсионного фонда и фонда медицинского страхова-

ния, а также «замораживание» зарплат бюджетников на уровне декабря 2008 г. Одной из мер антикризисной программы, разработанной в конце 2013 г., стал запрет на создание новых рабочих мест в государственных ведомствах (который, тем не менее, чиновникам удается обходить). С 2014 г. осуществлено введение налога на зарплату в госсекторе, превышающую 60 тыс. динаров (около 530 евро).

В 2010 г. был принят новый Закон о бюджете, установивший пороговые значения для госдолга и бюджетного дефицита, который, по плану, необходимо было снизить до 1% в 2015 г. Однако фактические результаты развития бюджетной системы свидетельствуют об иллюзорности представленных расчетов.

Утвержденная новым правительством трехлетняя бюджетная стратегия на 2014—2016 гг. предполагает сокращение социальных выплат (как наиболее значимой статьи расходов) при одновременном повышении инвестиций в инфраструктуру. Однако уже в марте 2014 г. возникла необходимость пересмотра бюджета: без решительных действий по «урезанию» расходов на зарплаты и пенсии дефицит по итогам года мог достигнуть 8%, и перед Сербией нависла бы угроза дефолта. Помимо привлечения новых кредитов предлагался ряд других мер — таких, как сокращение субсидий и дотаций, приватизация и реструктуризация убыточных предприятий, пенсионная реформа, повышение нижней ставки НДС с 8 до 10%, а также акцизов и пошлин. В результате программы фискальной консолидации, запущенной в конце 2014 г., дефицит госбюджета, по плану, в 2017 г. должен сократиться до 3,8% к ВВП.

Объем финансовой помощи предприятиям (в форме субвенций, льготных кредитов, налоговых вычетов и т. д.) достигает 2,6% по отношению к ВВП, тогда как в странах ЕС этот показатель составляет 0,6%. Значительное число крупных госкомпаний убыточно и обременено долгами, а их функционирование зависит от регулярности бюджетных траншей. В 2013 г. были приняты новые законы о банкротстве и приватизации госактивов, направленные на улучшение инвестиционного климата и повышение бюджетной сбалансированности. В реестре Агентства по приватизации находится 153 предприятия в процессе реструктуризации (с числом занятых свыше 50 тыс. человек), которые предполагалось упразднить.

Самой успешной приватизационной сделкой первой половины 2010-х гг. стала продажа 49% акций национального авиаперевозчика JAT компании Etihad Airways из эмирата Абу-Даби (совместное предприятие получило название Air Serbia). С целью привлечения капитала для повышения бюджетной сбалансированности в 2015—2016 гг. предполагается выставить на продажу ряд стратегических госкомпаний. Наиболее привлекательным активом является Telekom Srbija, однако телекоммуникационная компания характеризуется относительно низкой для этого рынка потенциальной окупаемостью инвестиций. Приватизация концерна станет возможна лишь в том случае, если до конца 2015 г. один

из восьми потенциальных покупателей сделает устраивающее власти страны предложение. Утверждается, что приемлемая для руководства Сербии стоимость 51% акций компании превышает 1,1 млрд евро (такая сумма была предложена в рамках предыдущего тендера в 2011 г.). Продажа другой монополии — металлургического комбината *Železara Smederevo* — позволит значительно снизить нагрузку на бюджет: долги предприятия превышают его рыночную стоимость, а дальнейшее функционирование без государственной поддержки невозможно. (Правда, в октябре 2015 г. появилась информация, что в приобретении металлургического комбината заинтересована китайская группа компаний Hebei Iron and Steel (HBIS), являющаяся одним из ведущих мировых производителей стали и проката.)

Рост объемов иностранных заимствований для поддержания макроэкономической сбалансированности привел к увеличению совокупного *внешнего долга*; причем в пересчете к ВВП он вырос в 2008—2012 гг. с 62,3 до 80,9%. В 2013 г. и первой половине 2014-го значение этого показателя снижалось, однако новые заимствования привели к увеличению относительного объема внешнего долга до 81,9% к ВВП в первом квартале 2015 г. Растет доля задолженности государственного сектора (44% в 2012 г., 56% в 2015-м) и коммерческих банков, тогда как доля нефинансовых организаций снижается. Положительной тенденцией является сокращение доли краткосрочной задолженности, которую формируют частные предприятия (с 10,2% в 2008 г. до 0,4% в 2014-м). К одним из основных изменений в структуре внешнего долга по кредиторам относится уменьшение удельного веса МВФ при увеличении доли еврооблигаций.

Относительные показатели государственной задолженности в период кризиса вышли за пределы, установленные Маастрихтским соглашением: в 2008—2014 гг. госдолг вырос с 29,2 до 70,9% к ВВП. Согласно Закону о бюджете максимально возможный уровень госдолга к ВВП составляет 45%; однако, как и в случае с бюджетным дефицитом, установленный порог был существенно превышен.

Наряду с суверенными кредиторами (прежде всего РФ и ОАЭ) важную роль в финансовой стабилизации и улучшении имиджа Сербии как страны-заемщика играет МВФ, предоставивший в 2009—2011 гг. кредитную линию в размере 2619 млн СДР. Условием выделения следующего кредита *stand-by*, переговоры о котором начались в 2014 г., стало соблюдение бюджетной дисциплины. Успех в переговорах с МВФ важен для Сербии не столько в связи с возможностью получения помощи в случае угрозы дефолта, сколько для международного признания стабильности ее финансовой системы.

В феврале 2015 г. МВФ одобрил выделение Сербии кредита *stand-by* в размере 935,4 млн СДР (около 1,17 млрд евро) на три года. Республика получила право использовать выделенные средства с целью снижения уровня госдолга и развития финансового рынка. В процессе перегово-

ров с членами комиссии МВФ были обобщены основные положения правительственной антикризисной программы. Первая ее составляющая — фискальная консолидация за счет снижения объема социальных обязательств (главным образом зарплат и пенсий), субсидий и дотаций, а также повышения уровня собираемости налогов. Вторая компонента — усиление банковского надзора с акцентом на сокращение объема просроченных кредитов. Третьей и наиболее сложной задачей является проведение структурных реформ: приватизация или банкротство свыше 500 госпредприятий, отказ от финансовой поддержки естественных монополий и их реструктуризация, упрощение процедуры получения разрешений на строительство и т. д.

* * *

Республика Сербия продолжает бороться с последствиями экономического кризиса. Сроки выхода из рецессии вновь переносятся, а, принимая во внимание сложную внешнеполитическую и внешнеэкономическую обстановку, экономическая динамика становится все менее прогнозируемой. Основные угрозы макроэкономической стабильности исходят от усиления бюджетной несбалансированности и быстрого роста уровня задолженности, а также напряженности на рынке труда и общего снижения жизненных стандартов. Программа фискальной консолидации, реализуемая правительством, направлена на оздоровление финансовой системы и создание условий для привлечения иностранного капитала в форме кредитов и инвестиций.

Литература

1. Месечни статистички билтен / Републички завод за статистику. Београд. 12/2014. — <http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G2015/pdf/G20153003.pdf> (дата обращения: 08.11.2015).
2. Президент Сербии: мы ни в коем случае не должны присоединяться к санкциям против России // ТАСС. 2014. 31.07. — <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-razogata/1353627> (дата обращения: 08.11.2015).
3. Сербия не будет вводить санкции против России // Ведомости. 2014. 01.04.
4. Статистички билтен. Народна банка Србије, 2015. — www.nbs.rs/internet/cirilica/90/sb.html (дата обращения: 08.11.2015).
5. Текућа макроекономска кретања / Република Србија, Министарство финансија. Јул 2015.
6. Berlin widerspricht Brüssel bei Russland-Sanktionen // Handelsblatt. 2014. 09.12. — <http://app.handelsblatt.com/politik/international/aussenpolitik-in-serbien-berlin-widerspricht-bruessel-bei-russland-sanktionen/11092702.html> (дата обращения: 08.11.2015).
7. EU official urges Serbia to «support sanctions» // Tanjug. 2014. 14.11.
8. EU Resolution Tells Serbia to Back Russia Sanctions // Balkan Insight. 2015. 08.01. — www.balkaninsight.com/en/article/european-parliament-calls-serbia-to-join-eu-sanctions-on-russia (дата обращения: 08.11.2015).
9. Fiat заедет в Россию из Сербии // Коммерсантъ. 2013. 20.03.

10. Хан: Sankcije Rusiji — obaveza Srbije! // Večernje Novosti. 2014. 19.11. — www.novosti.rs/vesti/naslovna/politika/aktuelno.289.html:520402-Han-Sankcije-Rusiji---obaveza-Srbije (дата обращения: 08.11.2015).
11. Inflation Report / National Bank of Serbia, February 2015.
12. Inflation Report / National Bank of Serbia, November 2014.
13. Macroeconomic Developments in Serbia / National Bank of Serbia. August 2015. — [www.mfin.gov.rs/UserFiles/File/tabele/2015%20avgust/\(ENG\)%20Tekuca%20makroekonomska%20kretanja%20Avgust%202015%20final.pdf](http://www.mfin.gov.rs/UserFiles/File/tabele/2015%20avgust/(ENG)%20Tekuca%20makroekonomska%20kretanja%20Avgust%202015%20final.pdf) (дата обращения: 08.11.2015).
14. Merkel: Putin tritt das Recht mit Füßen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. 17.11. — www.faz.net/aktuell/politik/ausland/angela-merkel-kritisiert-putins-vorgehen-im-ukraine-konflikt-13270007.html (дата обращения: 08.11.2015).
15. По pitanju Krima — Srbija ostaje uzdržana // Deutsche Welle. 2014. 19.03. — www.dw.com/sr/po-pitanju-krima-srbija-ostaje-uzdr%C5%BEana/a-17506517 (дата обращения: 08.11.2015).
16. Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans // Spiegel. 2014. 17.11. — www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html#ref=rss (дата обращения: 08.11.2015).
17. Serbia Monthly Economic Report / Raiffeisen Research. August 2015. № 86.
18. Serbia under no obligation, but should join sanctions // Tanjug. 2014. 09.12.
19. Srbija ne uvodi sankcije Rusiji // Večernje Novosti. 2014. 21.03. — www.novosti.rs/vesti/naslovna/politika/aktuelno.289.html:483744-Srbija-ne-uvodi-sankcije-Rusiji (дата обращения: 08.11.2015).
20. Srpski front // Vreme. 2014. 20.11. № 1246. — www.vreme.com/cms/view.php?id=1246145 (дата обращения: 08.11.2015). ◆

Социальные технологии советской демократии

За развертывание пролетарской демократии For deployment of proletarian democracy

Аннотация. Статья анализирует методы построения демократии в условиях диктатуры пролетариата, вскоре после Гражданской войны, в условиях безграмотности и подозрительности. Описание социальных технологий того времени объясняет последующие неудачи и дает возможность их исправления в современных условиях.

Annotation. The article analyzes the methods of construction of democracy under the dictatorship of the proletariat, shortly after the Civil War, in the conditions of ignorance and suspicion. Description of social technologies of that time explains the subsequent failure and gives you the opportunity to correct them in the modern world.

Ключевые слова. Демократия, диктатура, Советская власть, террор, социальные технологии, профессиональные союзы.

Key words. Democracy, dictatorship, the Soviet government, terror, social technologies, trade unions.

В ходе либеральной «контрреволюции элит», начатой Тэтчер и Рейганом, ее идеологи добились широкого восприятия демократии не как «власти народа» (которая автоматически стала восприниматься как аристотелевская «охлократия», т. е. власть толпы [1; 3]), а как «власти демократов». Практическая реализация такого подхода, осуществленная глобальными элитами и либералами Запада, дискредитировала саму идею демократии в павших его жертвами странах, что дополнительно подорвало их эффективность в глобальной конкуренции. Ведь для жизнеспособности общества оно должно быть подлинно демократичным, развивающимся «на основе все более и более широкого вовлечения масс в дело управления государством и хозяйством страны».

Для развития демократии крайне полезным представляется опыт попытки, предпринятой в нашей стране, — со всеми ее неприглядными «перегибами», неудачами и итоговым историческим поражением.

Важно помнить, что даже откровенная диктатура пролетариата, впитавшая ужас Гражданской войны, лишившая ряда прав значительную часть общества и сохранившая остатки «революционной юстиции», была значительно демократичней традиционной буржуазной демократии (не говоря уже о ее нынешнем либеральном издании, основанном на ликвидации среднего класса и информационной диктатуре).

Однако наибольший интерес представляет не подтверждение самоочевидных (пусть даже и отрицаемых с пеной у рта всей либеральной кликой) исторических фактов, но изучение социальных технологий, применявшихся при развитии демократии в нашей стране.

Ведь для участия в управлении народ должен быть образованным и ответственным, не говоря уже о простой грамотности. Более того, люди

должны обладать определенными управленческими навыками, которые необходимо им прививать. И понятно, что те структуры, которые от имени государства будут обеспечивать общекультурный и управленческий рост основной массы населения, получают над ним колоссальную, пусть и неоформленную, власть: они смогут учить выгодному для себя, замалчивая невыгодное, и смогут использовать авторитет, естественным образом приобретаемый ими в процессе обучения, в собственных целях, даже если они противоречат общественным.

В конечном итоге структуры, призванные воспитывать общество и поднимать его до уровня, требуемого демократией, освободившись от контроля, переросли в новый, отрицающий демократию класс — партхозноменклатуру, который даже Сталин назвал «проклятой кастой» [2]. Попытка поставить его под общественный контроль при помощи альтернативных выборов, зафиксированная в Конституции 1936 г. и ряде принятых в ее обеспечение законов, была сорвана подлинным «восстанием номенклатуры», принявшей истреблять потенциальных конкурентов (в историю оно вошло как «большой террор 1937—1938 годов»). И хотя конкретные представители формировавшегося правящего класса, поднявшие это восстание, за редкими исключениями сгорели в разожженном ими огне, сам класс вышел из него не только укрепившимся и модернизированным, но и существенно приблизившимся к осознанию своих эгоистических задач.

В середине 1920-х до этого было еще далеко: построение демократии только начиналось, закладывался фундамент будущих побед и неудач (и анализ попытки построения демократии в нашей стране надо начинать именно с этого времени).

Здесь важны как успехи, которые частью забыты (в частности, методы самоуправления в трудовых коллективах, использованные, например, в Японии), а частью воспринимаются ныне как нечто само собой разумеющееся, так и поражения, избежать которых значительно сложнее, чем повторить успехи.

Ведь ни одну задачу, поставленную в приводимой ниже статье, решить не удалось, и бюрократизм, фиктивность профсоюзов и партийного (не говоря уже о народном) контроля, отказ от самокритики, враждебность к специалистам (даже полностью воспитанным Советской властью) сначала подорвали советскую демократию, а затем и разрушили все наше общество.

Однако описываемые, пусть и на языке своего времени, социальные технологии, при всех своих недостатках обеспечившие поступательное общественное развитие как минимум двум следующим поколениям, заслуживают внимательного изучения и, весьма вероятно, адаптации к современным условиям, а также творческого применения.

Литература

1. **Водовозов В. В.** Охлократия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907. Т. 22А (44).
2. **Рыбас С. Ю., Рыбас Е. С.** Сталин. Судьба и стратегия. М. : Молодая гвардия, 2007.
3. **Тощенко Ж. Т.** Охлократия // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. ◆

За развертывание пролетарской демократии

БОЛЬШЕВИК

1928 № 6

Процесс развития пролетарской диктатуры есть в то же время и процесс развития пролетарской демократии.

Теоретически большевизм отстаивает это положение в борьбе против сторонников буржуазной демократии, которые утверждают, что принцип диктатуры вообще противоречит принципу демократии, но для которых поэтому быть сторонником демократии значит быть сторонником буржуазного парламентаризма и противником пролетарской диктатуры.

Практически весь ход российской пролетарской революции доказал, что диктатура пролетариата развивается лишь на основе роста и подъема активности и сознательности рабочих масс, а также идущего за пролетариатом бедняцкого и середняцкого крестьянства, на основе все более и более широкого вовлечения масс в дело управления государством и хозяйством страны. Каждый день нас убеждает в том, что успехи социалистического строительства возможны лишь на пути вовлечения в него самих масс, на основе подъема общественной активности и самодеятельности пролетарской массы.

Пролетарская демократия есть не только отрицание и преодоление демократии буржуазной, — это есть демократия несравненно более широкая и глубокая, чем буржуазная демократия, ибо это есть демократия для рабочих, а не для капиталистов, для бедных, а не для богатых, для трудящихся, а не для эксплуататоров. Только при диктатуре пролетариата трудящиеся массы начинают целиком использовать начала демократии в своих интересах.

Наша партия в лице ее съездов и ЦК из года в год не устает повторять трудящимся массам о необходимости все большего и большего углубления и развития методов пролетарской демократии. Сейчас, в эпоху строительства социализма, при анализе происходящих в СССР процессов, явлений и событий, мы в особенности часто наталкиваемся так или иначе на вывод о необходимости углубления начал пролетарской демократии в партии, в профсоюзах, в советах.

Так называемое «шахтинское дело», раскрытие контрреволюционной шайки экономических вредителей в лице группы инженеров на Донбассе, не составляет исключения из этого. Оно ярко показывает нам, что пролетарская демократия, в широком смысле этого слова, еще далеко недостаточно развита по всей линии наших организаций.

Поведение нескольких десятков негодяев из среды буржуазно настроенного слоя спецов, в том числе из бывших шахтовладельцев, вызыва-

ет глубочайшее возмущение среди всех слоев трудящихся. Преступники получают по своим заслугам от революционного советского суда. Их наказание будет суровым и примерным. Одним этим наказанием не исчерпываются, однако, меры, которые мы должны принять для предотвращения в будущем появления новых «шахтинских» дел, а также для скорейшего раскрытия тех, которые, быть может, у нас еще до сего времени творятся в тех или иных порах советского хозяйственного организма в форме более или менее «мягкого» или же, наоборот, злостного экономического саботажа.

Первый вопрос, который должен быть поставлен, это вопрос о выводах из шахтинского дела, которые нам следует сделать в отношении кадров специалистов. Оказалось, что коммунисты-хозяйственники бывают иногда слишком слепы и доверчивы в отношении таких элементов из связанной с буржуазной средой прослойки спецов, которые под маской советской службы обделывают контрреволюционные дела. Обнаруженные факты настолько вопиющи, что они должны заставить и, конечно, заставят хозяйственников-коммунистов культивировать в своей среде более критическое отношение, здоровое пролетарское недоверие к буржуазно настроенным элементам из спецов, в частности, к бывшим собственникам, или же к лицам, работавшим при белых и т. п.

Кроме этого, тот факт, что в борьбе против контрреволюционного вредительства не приняли активного участия честные специалисты, работавшие бок о бок с преступниками, заставляет нас поставить вопрос о поднятии общественной работы в среде специалистов, о большем привлечении их к пролетарской общественности. Пусть при этом мы будем иметь в среде специалистов известную дифференциацию, но мы должны преобладающую массу честных советских работников из них теснее привлечь к пролетариату и общественную активность их направить в русло развития пролетарской демократии.

Было бы крайне вредным явлением, если бы в итоге шахтинского дела у нас привились какие-либо «спецеедские» настроения, исходящие из непонимания необходимости для нас пользоваться при строительстве социализма буржуазным культурным наследством, в том числе людскими техническими кадрами буржуазного общества. Мы ни в коем случае не можем сейчас поставить вопрос о немедленной замене старых кадров специалистов в основном новыми пролетарскими кадрами, ибо этих новых готовых кадров специалистов у нас сейчас в распоряжении нет (а то, что есть, этого, к сожалению, еще очень мало). Но зато с тем большей силой мы должны поставить вопрос о подготовке новых пролетарских кадров специалистов, как о задаче, которая может быть решена, конечно, не в один год, но все же в ряд стоящих перед нами лет. С тем большей энергией и настойчивостью мы должны изыскивать необходимые для этого силы и средства.

Говоря о подготовке пролетарских специалистов, мы никак не можем обойти роли, которую при этом должны сыграть пролетарские организации и прежде всего профессиональные союзы. Здесь должен получить развитие тот принцип рабочей демократии, который говорит о внимательном постоянном отборе, выявлении и выдвижении из пролетарской массы наиболее активных и способных к развитию (в данном случае

к развитию в культурно-техническом отношении) сил, в частности из пролетарской молодежи, но не только из нее. Относятся ли у нас профсоюзы достаточно внимательно и ответственно к каждому набору в технические вузы, не бывает ли чаще всего такого положения, что этот набор происходит совершенно стихийно? Есть ли у нас система откомандирования в высшие технические учебные заведения способных и активных хозяйственников, выдвинувшихся на производственной и технической работе в предприятии? Идя в этом и в других соответствующих направлениях, мы можем, если захотим, если попробуем и проделаем опыты, достичь таких результатов, при которых будет повышен качественный состав культурно растущего поколения новых специалистов. А нам нужны будут в будущем для большой работы не техники-кустари, не хозяйственники-самоучки, а специалисты, умеющие соединять практические навыки с широким техническим образованием.

От вопроса о специалистах перейдем к вопросу более общему. Нельзя не задуматься над тем, каким это образом шайка сознательных контрреволюционеров в Шахтинском районе, развивая свою деятельность, могла в течение целых шести лет водить за нос наши партийные, профессиональные, советские организации, работавшие в районе ее деятельности? Как это случилось, что взрывы, обвалы шахт, систематическая порча оборудования и т. п. факты экономического саботажа (вплоть до организации забастовок на советских предприятиях, избияния рабочих и контрреволюционной агитации) могли не обратить внимания хозяйственных, профессиональных и партийных организаций на деятельность шайки вплоть до того момента, пока ее не раскрыли соответствующие судебные и следственные органы? И это в то время, когда со стороны рабочей массы поступали неоднократные жалобы, которые, казалось бы, должны были вызвать самое пристальное внимание к неполадкам и их скрытой истинной причине.

Нельзя объяснить это явление отсутствием у всех организаций пролетарского недоверия к буржуазным специалистам. Несомненно, что здесь имела место более общая причина, заключающаяся в известном отрыве от масс данных организаций и учреждений, в недостаточной смычке их с массами в повседневной работе. Здесь сделали свое дело элементы бюрократизации, имевшиеся в организации.

Бюрократизм означает замену живого отношения к живому делу отношением бездушным и чисто-формальным. Бюрократизм всякое живое дело способен загубить. Бюрократизм потому в особенности трудно одолимое зло, что он у нас связан с общей отсталостью и недостаточной культурностью кадров. В таких условиях наиболее действительной и достижимой гарантией от бюрократизма, от бездушного и формального отношения к делу является постоянная теснейшая связь наших работающих аппаратов с широкой рабочей массой, с массой того класса, который служит неиссякаемым источником творческой энергии для строительства социализма.

Окончательное преодоление бюрократизма — дело трудное и долгое, которое мы осуществим лишь на пути культурной революции, на пути культурного подъема масс трудящихся. Но непосредственный политический вывод, непосредственная директива, которую мы для себя должны извлечь из шах-

тинского дела, как директиву дня — это есть необходимость мер по углублению и расширению пролетарской демократии в наших организациях.

Развертывание пролетарской демократии, — это значит большая выборность, большая отчетность выборных лиц, большее вовлечение масс в работу организаций, расширение слоя привлекаемых к активному участию в работе по социалистическому строительству, усиленное втягивание массы в строительство социализма по всем его линиям. Идя по этому пути, мы будем излечивать наши государственные, профессиональные и партийные органы от бюрократизма, дыхание масс, непрестанно проветривающее эти органы, будет усиливать их, укреплять, сообщать им все большую гибкость и большую бдительность в борьбе с частнокапиталистическими элементами и с «дельцами» вроде тех, которые предстанут перед советским судом по шахтинскому делу.

Одним из начал пролетарской демократии является развитие самокритики во всей системе пролетарских организаций. Данный XV съездом нашей партии лозунг самокритики оказался настолько своевременным, что уже сейчас, в первые месяцы после XV съезда, мы наблюдаем усиление самокритики в партийных организациях. Но не во всех организациях в этом отношении дело обстоит одинаково, — нам предстоит еще поработать и поработать над тем, чтобы перевести всю нашу партийную жизнь на рельсы вполне развитой, здоровой и деловой самокритики, способствующей правильному проведению партийной линии нашими организациями и очищающей эти организации от нездоровых явлений, элементов или нездоровых уклонов в работе. Мы еще далеко недостаточно подняли активность рабочих масс. Шахтинское дело еще и еще раз побуждает нас подчеркнуть важность развития самокритики не только в партийных, но и в других, прежде всего профессиональных, организациях в соответствующих им формах.

На профсоюзах при этом мы должны сделать особое ударение, потому что здесь еще ни разу партия за годы нэпа не проводила кампании за оживление массовой работы с той широтой и в том масштабе, какой необходим. К оживлению профсоюзов должно быть привлечено не меньшее внимание, чем то, какое партия уделила оживлению советов.

Партия преодолела троцкистскую оппозицию, нездоровое антипролетарское, мелкобуржуазное течение, пытавшееся легализовать за собой право «критики» нашей партии «со стороны», с точки зрения чужой, «второй», контрреволюционной партии. Оппозиционная критика была критикой с целью подрыва и срыва линии пролетарской диктатуры и руководящей ею ленинской партии.

Ликвидировав троцкизм, партия все силы направляет на разрешение громадных задач строительства социализма во всех областях общественной жизни, — на индустриализацию страны, на развитие коллективного хозяйства и кооперации в деревне, на культурную революцию и подъем благосостояния трудящихся масс. Вместе с рабочей массой, чутко прислушиваясь к ее настроениям и требованиям, к критике, исходящей из ее среды, внимательно отбирая, выдвигая на активную работу все лучшее, что растет и развивается в среде пролетарской общественности, партия поведет рабочий класс так же несменно и уверенно, как вела до сих пор, к победам социализма, давая сокрушительный отпор контрреволюции во всех ее формах и видах. ◆

Трагический документ эпохи

© Делягин М. Г.

© Delyagin M.

Трагический документ эпохи

Tragic document of epoch

Аннотация. Сборник статей, написанных в 1995–2015 гг., четко характеризует осуществляемые в России экономические реформы. Анализ статистических данных в их динамике и государственных решений показывает основные закономерности экономического развития последних 20 лет. Выявлены разрушительные последствия высокой идеологизации и догматизма государственного управления. Автор глубоко анализирует специфику развития России, подчеркивает необходимость глубокого осознания конкурентных преимуществ отечественной экономики. На основе опыта нашей страны и ряда других стран сформулированы конкретные предложения по нормализации развития российской экономики.

Annotation. The collection of articles written in 1995–2015 accurately characterizes the economic reforms which are carried out in Russia. The analysis of statistical data in their dynamics and the state decisions shows the main regularities of economic development of the last 20 years. Destructive consequences of high ideologization and dogmatism of public administration are revealed. The author deeply analyzes specifics of development of Russia, emphasizes need of deep awareness of competitive advantages of domestic economy. On the basis of experience of our country and some other countries specific proposals on normalization of development of the Russian economy are formulated.

Ключевые слова. Реформы, догматизм, инфляция, денежная масса, предпринимательство, налоговая реформа, государственное регулирование.

Key words. Reforms, dogmatism, inflation, money supply, business, tax reform, state regulation.

Автор книги А. Ф. Самохвалов долгие годы работал в Министерстве экономики России. В качестве первого заместителя министра он являлся одним из двух авторов программы стабилизации социально-экономической ситуации после дефолта 1998 г., реализованной правительством Е. М. Примакова. В период президентства Медведева был помощником заместителя председателя правительства России, а затем стал советником президента «Роснефти».

Книга «Экономические провалы российского “либерализма”. Не получилось — уходи!», изданная Lambert Academic Publishing, представляет собой сборник докладов и статей, подготовленных практически на всем протяжении либеральных реформ в России (1995–2015) и посвященных наиболее актуальным в моменты их написания вопросам экономической политики. Они дают яркое и весьма убедительное представление

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — главный редактор журнала «Свободная Мысль», с октября 1998-го по май 1999 г. — советник первого заместителя председателя правительства России Ю. Д. Маслюкова.

о характере хозяйственных преобразований нашей страны. Подробный анализ статистических данных в их динамике, тщательное изучение и обоснование принимаемых в области экономической политики решений позволяют выявить глубинные закономерности развития нашего общества и экономики. При этом подходы к официальным статистическим данным и методы их обработки представляются своего рода образцом, применимым и к современным реалиям (особенно на фоне откровенного убожества нынешней официозной экономической «мысли»).

На основе обобщения огромного опыта А. Ф. Самохвалов постулирует и последовательно отстаивает идею непрерывности и внутреннего органического единства экономической истории России на всем ее протяжении. Творчески осмысливая факты отечественной истории, автор глубоко анализирует специфику развития России, подчеркивая ее особенности, вызванные этническим составом, менталитетом основной части населения, климатически-географическими и рядом других факторов.

Автор подчеркивает необходимость глубокого осознания конкурентных преимуществ отечественной экономики, без которых в принципе не представляется возможным не только обеспечить устойчивый социальный и экономический прогресс, но и просто занять мало-мальски достойное место в современном глобализирующемся мире. Комплексное же изучение возможностей России позволит разработать и успешно осуществить промышленную политику государства, способную обеспечить хозяйство ресурсами для его модернизации и длительного успешного развития.

Бесспорной ценностью работы является отсутствие последующей редактуры: даже служебный аналитический доклад 1995 г. дан в том виде, в котором он был написан за 20 лет до издания книги, без последующих вставок и исправлений. Помимо взгляда «изнутри», позволяющего оценить взгляды непосредственного участника и во многом — разработчика российских реформ в их динамике, эта интеллектуальная честность превращает книгу в документальное свидетельство, подлинный документ эпохи, и одновременно — в страшный обвинительный документ против всей либеральной социально-эко-

Самохвалов А. Ф.

Экономические провалы
российского «либерализма».

Не получилось — уходи!

[Б. м.] : LAP Lambert Academic Publishing,
2015. 256 с.

номической политики, последовательно реализуемой в нашей стране (за исключением разве что полугодового промежутка правительства Е. М. Примакова).

Простое сопоставление представляемых документов показывает, что многие проблемы российской экономики, в том числе болезненные и острые, сохраняются практически в неизменности на протяжении всего рассматриваемого промежутка времени. Соответственно, не претерпевает принципиальных трансформаций и часть рекомендаций; вполне очевидно, что органы государственной власти последовательно игнорируют весьма существенные потребности хозяйственного развития и, соответственно, советы и даже настойчивые требования профессионалов.

Реформаторов интересовали не конкретные результаты их действий, а лишь соответствие предпринимаемых шагов либеральным идеологическим догмам, что во многом обусловило разрушительные последствия осуществляемых преобразований.

Вероятной причиной этого представляется глубокая идеологизация государственного управления экономикой: на протяжении практически всего периода реализации радикальных экономических реформ власти принципиально игнорировали результаты осуществляемых преобразований, отказываясь, за редким исключением, даже от постановки содержательных целей принимаемых решений и количественной оценки их последствий. Реформаторов интересовали не конкретные результаты их действий, а лишь соответствие предпринимаемых шагов либеральным идеологическим догмам, что во многом обусловило разрушительные последствия осуществляемых преобразований. Однако тех, кто осмеливается хотя бы обратить внимание на катастрофические последствия осуществляемой реформаторами экономической политики, до сих пор клеймят «ретроградами» и «коммунистами»; безответственные и разрушительные, а часто и прямо преступные действия остаются, как правило, полностью безнаказанными.

Ряд выводов А. Ф. Самохвалова, сделанных на основе анализа экономической политики прошлого, сохраняет болезненную актуальность и для наших дней. Так, драматические события 2014 г. еще раз подтвердили вывод о том, что в условиях бедности основной части населения и высокой монополизации экономики инфляция в первую очередь определяется не спросом, а издержками. Соответственно, девальвация национальной валюты дает мощнейший инфляционный импульс, нейтрализовать который при помощи сжатия денежной массы, вопреки монетаристским предрассудкам, оказывается невозможным. В то же время

искусственно создаваемый денежный голод разрушает реальный сектор, делает его бесперспективным и выталкивает его деньги из производственной в спекулятивную сферу — прежде всего на валютный рынок, что усиливает давление на рубль и способствует его девальвации, а с нею — и новому витку роста цен. Таким образом, как это ни парадоксально, попытки сдержать инфляцию при помощи чрезмерного ужесточения финансовой политики не просто ведут к разрушению экономики, но и способствуют ускорению инфляции, т. е. носят полностью контрпродуктивный характер.

К сожалению, эти вполне очевидные в середине 1990-х соображения до сих пор полностью игнорируются денежными властями России, со сладострастием продолжающими наступать на одни и те же грабли. В итоге сопоставление результатов уже более чем двадцатилетнего экономического реформирования России с результатами аналогичных периодов реформирования послевоенной Германии, не говоря уже о Китае и о нашей стране по завершении Гражданской войны, производит глубокое и болезненное впечатление.

Разрушение России (далеко не только в одной лишь экономической сфере), последовательно, настойчиво, изобретательно и эффективно осуществляемое либералами правительства Медведева и Банка России Набиуллиной, делает книгу А. Ф. Самохвалова не просто интересной и полезной с научной точки зрения, но и исключительно актуальной в сугубо политическом плане.

Представленные в ней десять статей и докладов дают ясное, четкое и последовательное представление о том, каким именно образом следует, отказавшись от давно доказавшей, а в период национального предательства и убедительно подтвердившей свою порочность идеологизации, обеспечить России быстрый и длительный экономический рост. Принципиально важно, что он рассматривается автором не как самоцель, а как категорически необходимое, хотя и недостаточное, условие обеспечения уверенного общественного прогресса, в том числе социальной справедливости.

Те, кто знает, как восстанавливать экономику, как строить страну, опираясь на волю к лучшему общему и конкретный коммерческий интерес, станут востребованы в самом ближайшем будущем.

Книга написана простым, живым и ясным языком, что делает ее полезной и интересной не только профессиональным специалистам в области организации экономического развития и формирования внутренней политики государства, но и широкой читательской аудитории. ◆

Эхо диалектики в зеркале Вселенной

© Барышников П. Н.

© Baryshnikov P.

Эхо диалектики в зеркале Вселенной

Echo of dialectics in the mirror of the Universe

Аннотация. Автор рецензирует книгу философа из Нижнего Новгорода профессора Виктора Пернацкого «Зеркало и эхо Вселенной: теория бытия, пространство и время в философском материализме». Следуя марксистской традиции, он рассматривает человека как эхо и отражение Вселенной. В книге предпринята попытка реконструкции марксизма в контексте глобальных вопросов философии, отражающей историческую изменчивость исходной идеологии. Автор рецензии активно полемизирует с ученым, но в конечном итоге дает высокую оценку содержанию монографии.

Annotation. The author analyses the book “Miror and echo of the Universe: theory of objective reality, space and time in the philosophic materialism”, written by Dr. Viktor Pernatskij, professor of philosophy from Nizhny Novgorod (Russia). As a Marxist philosopher, this scholar interprets the phenomenon of the man as an echo and a reflection of the Universe. Dr. Pernatskij tries to reconstruct the Marxism in the context of global problems of philosophy, which reflects the historical mutability of the initial ideology. The author of the review criticizes the main ideas of the scholar, but in the same time he highly appreciates the content of the monograph.

Ключевые слова. Зеркало, эхо, материализм, сознание, познание, идеальное, бытие, диалектика, явление, сущность, личность, общество.

Key words. Mirror, echo, materialism, consciousness, cognition, ideal, being, dialectics, phenomenon, essence, personality, society.

В издательстве «А-проджект» вышла книга нижегородского ученого, доктора философских наук, профессора В. И. Пернацкого с концептуальным названием «Зеркало и эхо Вселенной: теория бытия, пространство и время в философском материализме» [1]. Не требуется проводить развернутый семантический анализ ключевых слов «зеркало», «эхо», «материализм», чтобы увидеть намек на марксистско-ленинскую теорию отражения, в которой отражение понимается как всеобщее свойство материи воспроизводить определенность материальных систем через практическое взаимодействие [2]. Собственно, метафори-

БАРЫШНИКОВ Павел Николаевич — доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», кандидат философских наук.

Редакция журнала «Свободная Мысль» выражает глубокое соболезнование близким профессора В. И. Пернацкого, скоропостижно скончавшегося 27 декабря 2015 г. в Нижнем Новгороде.

ческое понимание человека как «эха и зеркала Вселенной» приписывается К. Марксу, согласно которому, глаза и уши — это «органы, которые отрывают человека от пут его индивидуальности, превращая его к зеркало и эхо вселенной» [3. С. 26].

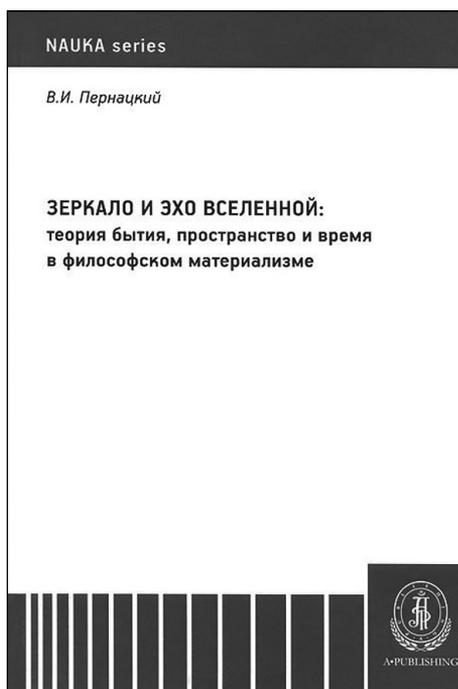
В первой же сноске автор определяет выбор своих базовых источников и обосновывает его: «...это классическая философия древних и поздний философский марксизм. Выбор этот обусловлен тем, что иные, в том числе современные разработки не всегда готовы стать опорой для исследований автора» [1. С. 5]. Несмотря на зыбкость аргумента, действительно, на протяжении всей работы встречаются ссылки на Г. В. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, «Философскую энциклопедию» 1970 г. и собственные труды¹. Очевидно, что перед нами сборник апологетических (от *греч.* ἀπολογία — «защита, устная или письменная, оправдание, восхваление какого-нибудь лица, учения, идеи и т. п.») философских эссе. Их цель — обоснование диалектико-материалистического подхода при рассмотрении вопросов о природе сознания, познания, природы идеального и механизмов духовного производства.

Структура работы соответствует проблематике, обозначенной в названии, и состоит из четырех глав, каждая из которых представляет собой отдельное эссе: 1. К вопросу о «вопросе»; 2. Учение о бытии; 3. Сознание, познание, мысль; 4. Феномен социальной реальности.

В первом эссе «К вопросу о “вопросе”» формируется методологическое и концептуальное ядро всей работы. По мнению автора, основной вопрос философии об отношении бытия и мышления был сформулирован К. Марксом и Ф. Энгельсом. В логике изложения материала присутствует так называемая презумпция превосходства марксизма. Зачастую можно встретить формулировки типа «И. Кант, Г. В. Гегель и Л. Фейербах по-разному и с разных сторон подходили к этому (основному вопросу философии. — П. Б.), но решающий шаг сделал все же

Пернацкий В. И.

Зеркало и эхо Вселенной: теория бытия, пространство и время в философском материализме
М. : А-проджект, 2015. 142 с.

¹ Ссылки на работы отдельных философов или ученых (Р. Декарт, Д. Дидро, Э. В. Ильенков, Д. Бом и др.), а также упоминания статей из журнала «Свободная Мысль» выглядят скорее как исключения.

Ф. Энгельс» [1. С. 44]. Общее настроение работы можно обозначить как «меланхоличное»: автор сетует на предрассудки современной науки, на непонимание современными философами ленинской интерпретации материи.

На протяжении первого эссе излагаются очевидные для современных когнитивных наук вещи: что мышление человека зависит не только от организации материи мозга, но и от социально-коммуникативных практик.

Рассматривая отношения материи и духа в качестве онтологического основания, автор полагает фундаментальное диалектическое противоречие, порождаемое материальным (первичным) и духовным (вторичным) началами. Для всей работы характерны ироничные замечания по поводу сторонников «религиозной мифологии» и философов-субъективистов, которые, погрузившись в фиктивные проблемы истинности ощущений, не заметили, как «практик-утилитарист делает этот мир удобным и комфортным для жизни человека». Итог первого эссе: материя, развиваясь за счет диалектических противоречий, перерождается в свою полную противоположность (духовную реальность) и познает себя через практическую деятельность человека.

Второе эссе «Учение о бытии» состоит из трех частей: 1. Бытие и небытие; 2. Время и пространство; 3. Бытие и мегамир. Противоречие в концепции автора представляется как базовая универсалия всеобщего развития, и это не могло не сказаться на парадоксальности изложения последующего материала. Так, из-за диалектической связанности бытия и небытия постулируется реальность небытия, которое существует благодаря диалектическим противоречиям пространства и времени. «Бытийный процесс есть процесс “поглощения” бытия небытием». Автор подробно рассматривает физические свойства пространственно-временных отношений, применяя, как представляется, не всегда корректные аналогии отношений поступательного и вращательного типов движения.

В. И. Пернацким подробно описывается несовместимость эффекта Доплера в объяснении «красного смещения» с результатами опыта Майкельсона — Морли, но, увы, без ссылок на современные публикации по космологии и астрофизике. Далее в работе доказывается, что уникальность пространственных единичных вещей существует благодаря нетождественным видам временной небытийственности — прошлому и будущему. В какой-то момент у читателя начинает кружиться голова от калейдоскопа диалектической симметрии: *пространство* и *время* обеспечивают бесконечность *бытия* с его динамическим и поступательным переходом в *небытие*; «вертикальная» *виртуальность* как внутренняя сторона бытия противоположна «горизонтальной» *фактологии*; *организация* противостоит *хаосу* своей способностью приобретать в развитии новые качества; *утверждение* рождается из

отрицания, а синергетический подход противостоит *энергетическому* и т. п.

Выглядит закономерным, что при таком взгляде человеческая практическая деятельность понимается как новое качество развития материи. Также вполне соответствуют жанру и избранной риторике критические пассажи относительно религиозной догматики о теодицее и намеки на поговорку о «бесполезной монахине». Говоря о принципах диалектического развития, автор приходит к постулатам о том, что «целое “больше” суммы его частей», что «любая целостность не делится на свои составные части». В этой части работы затрагивается одна из важнейших проблем современной философии — проблема эмерджентности [5]. Однако, судя по авторскому выбору библиографических источников, анализ современных концепций в этой области не проводится.

Третье эссе «Сознание, познание, мысль» включает в себя разделы «Созерцание и познание», «Знание и незнание», «На пути к диалектической концепции познания», «От незнания к знанию. Закономерности перехода», «Идеальное и его структура». Данная тема актуальна: современная философия сосредоточила свои усилия на проблеме знания и его связи с сознанием и социальными процессами. В качестве исходной посылки автор постулирует не равностатусное, но реальное существование материального и духовного планов бытия. В основе познания и преодоления «зазора» между явлением и сущностью автор вслед за К. Марксом полагает практическую преобразующую деятельность человека.

Вполне обоснованно представлен тезис о социально-историческом контексте познания и «воплощении» общественных процессов в индивидуальных когнитивных практиках. Интересна — но, на наш взгляд, недостаточно развита — мысль о закреплении социального опыта в языковых формах. В данном разделе обошлось без ленинских эмоциональных цитат, а отправным пунктом для рассуждений стало высказывание Д. Дидро, сравнившего природу с «переодевающейся женщиной», которую «невозможно увидеть всю». Автор, в свою очередь, говорит о «наступательно-агрессивном» познании в противовес «пассивно-бездеятельному» созерцанию.

Далее анализируется диалектическая природа фактов, которые, с одной стороны, раскрывают процесс познания, с другой — «затемняют» целостное знание о «вещах в себе». Апогеем диалектической симметрии, по нашему мнению, выступили отношения знания и незнания: «Незнание, о котором мы уже знаем, есть начало преодоления незнания, есть тождество знания и незнания, разрешаемое движением познания в пользу знания» [1. С. 69].

Основная часть соответствующего раздела посвящена подробному рассмотрению аналогий прямо пропорциональных отношений знания и незнания на примерах объема и поверхности раздуваю-

щегося шара или принципа «шаг вперед равен двум шагам назад». Собственно, все эти примеры направлены на обоснование идеи бесконечности познания. Введение в рассуждение принципов относительности, к сожалению, запутывает дело: «Именно в соотносительности относительного знания и относительного незнания мы находим их тождество друг с другом, где различие между знанием и незнанием относительно, т. е. незнание есть знание, а знание есть незнание» [1. С. 74].

В итоге переход от незнания к знанию — несмотря на их диалектическую тождественность (*sic!*) — проходит четыре ступени: от абсолютно незнания к относительному незнанию, затем делается шаг к относительному знанию и, наконец, достигается абсолютное знание (истина). Размышляя о метафоре отражения, автор переходит к вопросу о природе идеального и реализует его решение через гипотезу о надприродной реальности социального. При этом духовное бытие понимается как результат качественного перехода природных материальных оснований в иной вид реальности, чуждый биологическому или физикалистскому типам редукционизма.

Проблема идеального представлена в следующем ключе: единственный источник идеального — внешний материальный мир, но идеально-духовные процессы обусловлены не материальным субстратом, а социально-практическими основаниями. Сегодня к подобным положениям приходят и экспериментальные когнитивные науки, но исходя из иных методологических предпосылок [4]. Размышления о гемисферной асимметрии мозга вполне уместны, но ощущается нехватка примеров из современных исследований в данной области.

В итоге (что предсказуемо) автор понимает индивидуально-коллективную природу идеального в гегелевском ключе: вторичная онтология общественного сознания есть актуализация объективного духа. И вновь в каждом абзаце «антагонизмы», «диалектические противоречия» и «противоположности», но приводящие к справедливым гуманистическим выводам: «идеальное как участник преобразующей деятельности человека богаче материального, взятого в его исходном, натуральном виде»; «движение мысли есть движение социальное» [1. С. 80, 87].

В четвертом эссе «Феномен социальной реальности» раскрываются идеи надприродности социального бытия и принципы отношений личности и общества. Социальное с его базисом производственных отношений понимается как наивысший уровень материальной организации. Подчеркивается роль языка как орудия духовного производства, а также дуалистичность социальной реальности, в которой присутствует очередное диалектическое тождество между индивидуальным и коллективным, личностным и общественным. В контексте авторской приверженности марксизму вполне органично выглядят размышления о трудовой теории происхождения человека.

Антирелигиозные пассажи в духе Фейербаха также не вызывают удивления. Проблема лишь в том, что в работе отсутствует необходимая ясность при разграничении иерархии божественного и понятия классовой несправедливости. Поэтому выражение «раб божий» понимается в аспекте классовых отношений господства и подчинения. В целом рассуждения о мифологии и религии как детстве и юности человечества напоминают работы немецких романтиков. Далее приводятся взвешенные замечания о становлении урбанистических процессов и о цивилизационных противоречиях России и буржуазного Запада. Автор аргументированно излагает тезисы о структурной иерархии социальной реальности с ее «вертикальными» и «горизонтальными» координациями.

Последние разделы книги посвящены диалектике личности и общества. Автор делится своими размышлениями о природе деления людей на имущих и неимущих, о социальном неравенстве, «замаскированном» в либеральной концепции права. Обращает на себя внимание часть текста, в которой раскрывается суть феномена гендерного дуализма: женщина понимается как особый социальный тип, претерпевающий последствия архаичного патриархального уклада, основанного на социальном неравенстве.

Последние страницы автор посвятил проблеме «квинтэссенции социальной реальности», выраженной в субъективном смысловом пространстве личности. В качестве единственного регулятора общественной жизни автор полагает мораль и общечеловеческие ценности, не испорченные политикой и идеологией.

* * *

Автор с первых страниц заявляет о своей диалектико-материалистической позиции, ограничивает круг используемых источников и прямо обозначает траекторию своих рассуждений. Приступая к тексту, читатель предупрежден о парадигмальных горизонтах дальнейшего изложения. Ценность рассмотренной философской работы можно обозначить через термин М. Фуко «археология знания»: мы имеем дело со своего рода дискурсивной практикой (реконструкцией марксизма в контексте глобальных вопросов философии), отражающей историческую изменчивость исходной идеологии.

Книга В. И. Пернацкого, несомненно, заслуживает внимания со стороны как российского, так и зарубежного профессионального сообщества. На Западе в контексте общего цивилизационного кризиса отмечается возрождение интереса к неомарксизму. В русле данных тенденций в начале 2016 г. в этом же издательстве выйдет англоязычная версия рассматриваемой работы, планируется и зарубежное издание.

В России традиционно популярны диалектические концепции, поэтому онтологические и социально-философские исследования В. И. Пер-

нацкого, несомненно, найдут своего читателя. Специалистов со скептическими взглядами на диалектический материализм книга лишь укрепит в их настроениях. Впрочем, такое же влияние, скорее всего, она окажет и на сторонников философского марксизма, что внесет несомненный вклад в развитие материалистической философии.

Литература

1. **Пернацкий В. И.** Зеркало и эхо Вселенной: теория бытия, пространство и время в философском материализме. М. : А-проджект, 2015. 142 с.
2. **Подосетник В. М.** Ленинская теория отражения и проблема активности субъекта в познании // Ленин как философ / ред. М. М. Розенталь. М. : Госполитиздат, 1969.
3. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2009.
4. **Томаселло М.** Истоки человеческого общения. М. : Языки славянской культуры, 2011.
5. **Campbell R. J.** The metaphysics of emergence. L. : Palgrave Macmillan, 2015. ◆

Сон разума рождает чудовищ

© Бузгалин А. В.

© Buzgalin A.

Сон разума рождает чудовищ

Sleep of mind gives birth to monsters

Аннотация. Автор анализирует монографию Ж. Т. Тощенко «Фантомы российского общества», в которой представлена целостная типология фантомов постсоветской России, в числе которых — «бесы», «авантюристы» и имитаторы (эффективные менеджеры), мутанты (в том числе «блуждающие форварды (шатуны)»), «нарциссы», этнополитические ксенофобы, «политические клоуны (шуты)» и «геростраты», а также коллаборационисты и мародеры. Причиной формирования этих фантомов автор рецензии считает не только трансформационную нестабильность постсоветской России, но и те мутации позднего капитализма полупериферийного типа, которые характерны для нашей страны.

Annotation. Author analyzes the monograph of Zh. Toshchenko “Phantoms of the Russian Society” and shows that in this book a gallery of main types of the Russian society phantoms is given. Among these types of phantoms it may be distinguished such as “demons”, adventurers and imitators (effective managers), mutants (including “wandering forwards” (in Russian named as “shatuny”)), narcissus, ethnopolitical xenophobes, “political clowns (jokers)” and “herostrats”, “collaborationists” and marauders. On review’s author opinion the reason of the forming of these phantoms is not only a post-soviet Russia’s transformation instability, but also the mutations of periphery style late capitalism that are typical for Russia.

Ключевые слова. Постсоветская Россия, общественное сознание, социальная типологизация, фантомы, превратные формы, общество, социальные отношения.

Key words. Post-soviet Russia, social consciousness, social typologization, phantoms, perverse forms, society, social relations.

Книга, ставшая основанием для предлагаемого вниманию читателей текста, принципиально необычна. Она является глубоким научным трудом и вместе с тем — предельно публицистична. Строга и глубоко продумана, объективна, — но при этом остра и смела в своем критическом пафосе.

В общем, так сейчас не пишут. Тем более — *большие* ученые. Тем важнее и интереснее работа Ж. Т. Тощенко — члена-корреспондента РАН, главного редактора «СОЦИС», ведущего академического журнала в области социологии, одного из крупнейших социологов постсоветского пространства. Его книга посвящена характеристике, систематизации и научному анализу фантомов общественного бытия и общественного сознания постсоветской России, тем маскам, которые наполнили наше

БУЗГАЛИН Александр Владимирович — профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук.

социальное бытие во всем его многообразии — от большой политики до каждодневных анекдотов. И этот анализ автору удался. Более того, он поражает своей точностью и объективной жесткостью. Его фантомы — это не карикатура на реальность. Это абсолютно реалистический портрет карикатурной реальности.

Своей работе Ж. Т. Тощенко предпосылает строки Юрия Богомолова — известного отечественного публициста, которые я хочу привести полностью, ибо они задают тональность книги и важны для моего анализа работы: «Когда рухнул советский строй, появилась, как в сказке, чертовщина с первыми петухами. Первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целительной силы. Затем на нас свалился Жириновский с его политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, вслед Невзоров и Доренко с их информационными медитациями. За ними на общественном поприще появилось совершенно паранормальное явление — олигарх Борис Березовский» [1].

Эти строки задают основной дискурс книги. Но ее содержание много богаче, чем просто перечень фантомов, смело и точно привязанных к конкретным действующим лицам новейшей истории нашей страны. Поэтому, прежде чем привести галерею масок нашего социального бытия и сознания, позволю себе некоторый методолого-теоретический экскурс.

Главный, на мой взгляд, посыл работы Тощенко — доказательство того, что в результате распада СССР в социальном пространстве возникли весьма своеобразные отношения, содержание которых проявляется исключительно в виде превратных форм, выступающих на поверхности общественной жизни (и материальной, и духовной) в виде фантомов. Следует признать, что автор этих строк, немало времени потративший на исследование природы превратных форм вообще и их специфического для постсоветской России вида в частности, не догадался довести свой анализ до выделения фантомов. В свою очередь, если я правильно понял Ж. Т. Тощенко, он не связывает феномен фантомов с теоретическим раскрытием феномена превратных форм. И здесь есть поле не столько для контрапунктов, сколько для взаимодополнения.

Посмотрим на эту проблему чуть подробнее, ибо за кажущейся абстрактной философичностью здесь скрываются принципиально важ-

Тощенко Ж. Т.

Фантомы российского общества.
М.: Центр социального прогнозирования
и маркетинга, 2015. 668 с.

ные (в том числе с точки зрения осмысления альтернатив будущего нашего Отечества) вопросы. Итак, в книге Ж. Т. Тощенко под фантомами «имеются в виду явления и процессы, которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы. Носители этих форм активности обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе). В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками они представляют весьма специфический ряд политических и общественных деятелей, представителей финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в современную переломную эпоху жизни России, в условиях коренных политических и экономических преобразований» [3. С. 44].

Атрибутами фантомов являются аномальность, гипертрофия определенных (в большинстве случаев — асоциальных) форм общественного бытия (в частности — поведения) и общественного сознания, персонифицированных в тех или иных реальных лицах нашего эко-социо-политического пейзажа.

Атрибутами фантомов являются аномальность, гипертрофия определенных (в большинстве случаев — асоциальных) форм общественного бытия (в частности — поведения) и общественного сознания, персонифицированных в тех или иных реальных лицах нашего эко-социо-политического пейзажа. Автор этих строк готов согласиться с такой постановкой вопроса, но хотел бы ее дополнить: сии «акторы» есть не более (но и не менее), чем персонификации *объективно* возникших в постсоветском пространстве-времени *превратных форм* общественной жизни.

Последние есть принципиально важная характеристика мира, названного когда-то К. Марксом и Ф. Энгельсом «царством необходимости», мира, который в работах их последователей и близких к марксизму исследователей-гуманистов был связан с господством отношений отчуждения. В этом мире собственная общественная жизнь человека (его труд и результаты труда, его отношения с товарищами по работе и членами семьи, даже его отношение к самому себе) подчинена внешним силам и чужда для него. Так, в мире рынка человеческие ценности

и отношения измеряются деньгами, в мире политики — властью, в мире позднего капитализма они вообще превращаются в объект корпоративного манипулирования и набор симулякров, когда человек мечтает о том, чтобы к концу жизни иметь возможность купить в бутике тряпку, на подкладке которой будет пришита этикетка с надписью «Prado» или «Hugo Boss».

Этот мир порождает превратные формы — формы, по образному выражению К. Маркса, «отрекающиеся» от своего содержания, создающие видимость иного (изначально не существующего, но социальными отношениями созданного), ложного содержания. В результате этих инверсий алчный старик-миллиардер становится желанным женихом для юной девы, а президент, приказавший уничтожить в ядерном пожаре сотни тысяч людей в Хиросиме и Нагасаки, — проводником свободы и демократии и т. д. и т. п.

Однако постсоветское пространство устроено еще сложнее. Здесь превратные формы полупериферийной модели позднего капитализма приобретают карикатурный вид вследствие мутаций названного общественного строя. Данный текст — не место для воспроизведения позиции автора по означенному вопросу, поэтому ограничимся лишь отсылкой к соответствующему источнику [2. С. 80—94] и подчеркнем: эта карикатурность была не случайно выделена нами в качестве атрибута российской реальности последних десятилетий. Именно она позволила авторам назвать социально-экономическую систему постсоветской России «капитализмом юрского периода», причиной рождения которого стали неадекватные для историко-культурной и материально-технической базы «реформы», неслучайно названные в народе «шоком без терапии».

Именно эти обстоятельства и породили, на мой взгляд, тот мир фантомов, о котором столь блестяще пишет Ж. Т. Тощенко. Впрочем, в этом пункте мнения автора данного текста и автора книги почти совпадают. Вот что пишет последний о причинах возникновения фантомов: «Нужно отметить, что фантомные явления, которые в латентном виде существовали всегда, в любую эпоху и в любом государстве, в период ломки устоев государственной и общественной жизни имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, оказывающее весьма ощутимое влияние на происходящие в обществе процессы. При этом их влияние носит в основном деструктивный характер, проявляется на всех уровнях социальной организации, вплоть до самого низового звена нашей жизни — там, где мы работаем и живем» [3. С. 44].

Прежде чем воспроизвести для читателя некоторые фрагменты из той галереи фантомов, которая представлена Ж. Т. Тощенко, отмечу, что автор предпосылает этим аналитическим портретам исследование понятия «фантом», причем с точки зрения не только строго научной, но и (что важно для социологического исследования) политической, литературной и даже лежащей в плоскости обыденного сознания. Продолжая

эту линию, Тощенко точно подмечает: «Этот класс явлений и процессов (появление таких феноменов, как “бесы”, мутанты, нарциссы, ксенофобы. — А. Б.) можно сравнить со своеобразными протуберанцами, возмущающими политическое и общественное пространство. Кто только не “прокукарекал” за 1990—2000-е годы в политике и экономике, и даже культуре, а потом сгинул, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память о себе. А ведь некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения» [3. С. 45].

Автор книги упоминает семь различных «классов» фантомов, выделяемых в литературе [3. С. 46—51].

1. Некоторые страны-фантомы.

2. Фантомные политические партии, возникавшие в нашей стране. Как пишет Ж. Т. Тощенко, в первой половине 1990-х гг. «создавали информационный шум и примитивный, “кухонный” гвалт (не более) политические партии Константина Борового, Валерии Новодворской, Льва Убожко и других подобных мистических деятелей. Затем появился целый ряд “демократических партий”, организованных теми или иными деятелями, относящих себя к либеральному фронту. В 1990-х годах были “свои” партии у каждого претендента на лидерство: у Немцова, у Кириенко, у Хакамады, у Юшенкова и т. д. Кроме того, существовало множество (число их доходило до 180) партий, назначение которых не всегда было ясно даже для их создателей» [3. С. 46—47].

В книге совершенно справедливо подчеркивается четко выраженный фантомный характер таких образований, которые были искусственно созданы и не опирались ни на какие действительно значимые общественные силы. Добавлю: тенденция создания таких псевдопартий, к сожалению, отнюдь не исчезла и сохраняется поныне в российском политическом пространстве.

3. Фантомы, пишет Тощенко, особо наглядно стали проявляться в политической борьбе, в процессе избирательных кампаний, когда в списках кандидатов в депутаты, мэров и губернаторов появлялись двойники-однофамильцы, что позволяло не просто отнимать определенное количество голосов от реального кандидата, но даже этим фантомным кандидатам в депутаты занимать 3—4 места по итогам голосования.

4. Фантомность присуща и области правовых отношений, законодательства.

5. Феномен фантомов используют в идеологической борьбе. Автор книги справедливо отмечает, что «при идеологической обработке умов огромное значение имеет терминология: фантомные понятия рождаются и набирают силу именно в языке. Это всегда так, но особенно при выработке тоталитарных идеологий: в этом случае удачный выбор терминов, слов — во многом залог победы» [3. С. 48].

6. Феномен фантома не обошел науку, выразился в многочисленных попытках, вернуться к различным видам паранаучного и псевдонаучного знания, ревизовать социальное и гуманитарное знание.

7. И наконец, понятие «фантом» употребляется при объяснении как реальных, так и чисто гипотетических проблем в сфере культуры.

Продолжая свои размышления о фантомах, Ж. Т. Тощенко обращается к уже упоминавшейся нами проблеме: *каковы же истоки и причины появления фантомов общественного сознания и поведения?*

В книге обоснованно перечисляются многочисленные явления, способствовавшие генезису тех фантомов, о которых шла речь выше. Среди этих процессов — появление особых типов личностей, которые серьезно влияли на общественное сознание и бытие постсоветской России. Это различного рода мистики и серийные убийцы с философским складом ума, фантомные политические персонажи (Бурбулис, Шахрай, Шумейко и т. д.), практикующие колдуны... — перечень весьма широк.

Что касается *причин*, то появлению фантомов общественного сознания и поведения, по мнению автора книги, и я с ним в этом согласен, — способствовали объективные тенденции развития российского общества, прежде всего распад СССР, который привел к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей десятков миллионов людей. С другой стороны, и это положение Тощенко мне представляется особо важным, происходящие изменения, связанные с приходом в публичную и личную жизнь рыночных отношений, породили и стимулировали развитие фантомных ценностей и людей, которые были готовы и способны любой ценой эти ценности-цели достигать.

Несколько корректируя мысль автора книги, я бы сформулировал более жесткую связь: современный тотальный рынок, который становится к тому же во многом рынком симулякров, сам по себе генерирует личности-фантомы, базирующиеся на присвоении виртуального, симулятивного богатства, создаваемого опять же путем симуляции предпринимательства (то, что в просторечии называется спекуляциями, симулятивная природа которых особенно ярко проявляется в деятельности инсайдеров на финансовых рынках).

В России все эти черты позднего капитализма приняли, как я уже отметил выше, карикатурные и от этого предельно выпуклые формы. Коррупция из редкого уголовного преступления превратилась в одну из уважаемых сфер деятельности, способствующих парированию жесткости российской бюрократической системы. Паразитизм некоторых форм капитала в России превратился в преимущественно паразитический характер основных акторов крупного бизнеса, присваивающего в огромных масштабах в принципе принадлежащую народу сырьевую ренту и осуществляющего на практике философию «попила-отката»...

Суммируя характеристики феномена «фантом» на российской почве, позволю себе полностью привести фрагмент из книги, подытоживающий ее теоретико-аналитическую часть: «Что касается *содержания* этого явления, то в условиях неустойчивых общественных процессов, в ситуации кризиса, в силу сложившихся обстоятельств эти фантомные персонажи характеризуются следующими чертами: а) *особой позицией*

по отношению к основным или отдельным, но важным проблемам политической жизни; б) стремлением пробиться (или обладать) *капиталом* (финансовыми ресурсами); в) *жаждой власти*, желанием навязать свое видение общественных проблем и даже осуществить попытки его реализации; г) претензией на обладание *славой* — действительной или мнимой, виртуальной или случайной» [3. С. 53].

Среди других достоинств книги — заслуживающая полного воспроизведения (и уже не раз упоминавшаяся) галерея «портретов» персон-фантомов России последних десятилетий. Жанр рецензии требует, однако, некоторого самоограничения, поэтому я приведу лишь некоторые, наиболее яркие, с моей точки зрения, примеры таких «портретов».

Прежде чем войти в эту «галерею», Тощенко предлагает, однако, ознакомиться с еще одним залом, на дверях которого посетитель встречает надпись «Основные черты фантомных типов личности».

Не имея возможности воспроизводить аналитические размышления и аргументацию автора, остановлюсь лишь на кратком перечислении.

Итак, по мнению автора книги, фантомным типам личности присуще:

— неумное, неограниченное и даже патологическое стремление к обладанию властью;

— явное или скрытое (недекларируемое) стремление к славе, к известности, к паблисити (Ж. Т. Тощенко отмечает, что такие эпатажные личности, как К. Боровой, В. Новодворская, а в журналистике — лица, подобные Доренко, Белковскому, вышли на широко признаваемое поприще через серию скандалов, мобилизующих интерес общества или отдельных его слоев, по крайней мере тех, от кого зависят дальнейшие перспективы в жизни);

— патологическая жажда обладания богатством (как пишет автор книги, эта тенденция породила не только олигархов и близкие к ним круги, но и таких мистических личностей, как Полонский, богатство которого зиждилось, по-видимому, на награбленных капиталах, на обнищании большинства населения, слезах пенсионеров, но который, ничтоже сумняшеся, говорил, что «тот, у кого нет миллиарда, пусть идет в ж...»);

— властолюбие, тщеславие, необузданные амбиции.

Переходя к основным залам «галереи» фантомов, мы убедимся, что последние строго классифицированы: в основу этой классификации Ж. Т. Тощенко кладет такие отличающие фантом черты, как власть, слава, богатство, которые в различных комбинациях характеризуют суть сознания фантомных типов личности.

В первом зале, описываемом в книге, представлены типы, для которых важны все три основных притязания: *богатство*, *власть* и *слава*. Как пишет Тощенко, этому типу соответствует такой своеобразный тип фантомного сознания и поведения, как *бесы* (типичным представителем которых выступал олигарх Б. Березовский). Как подчеркивает автор книги, «для достижения своих хищнических целей они могут менять мировоззрение, идти на всяческие комбинации с капиталом, покупать

влияние (через СМИ и “близкие” отношения с нужными им людьми») [З. С. 58].

Во втором зале представлены портреты тех, для кого на первом месте стоит достижение *богатства* и *власти*. Особенно наглядно этот тип фантомного сознания и поведения воплощается в таком типе личности, который можно условно назвать *авантюристы, которые нашли свое наиболее яркое и наглядное воплощение в так называемой семибанкирщине*. Этой комбинации «богатство—власть» соответствуют такие типы, как *имитаторы*, или так называемые *эффективные менеджеры*. Для них на первое место выходит власть, следствием которой и наступает владение материальными и финансовыми средствами.

В третьем зале представлены портреты *мутантов* — тех, кто ориентирован на *славу* и *богатство*, кто большую часть жизни придерживался одного мировоззрения, а затем, в период перелома, объявил себя сторонником прямо противоположных идей и убеждений. Причем, это отвержение происходит в форме не просто отречения, а жесточайшей критики отвергнутых идеалов.

К числу мутантов принадлежит и такой тип, как *«блуждающие форварды (шатуны)»*. Характеризуя этот тип, Тощенко подмечает: «Мы можем наблюдать многочисленные примеры “миграции” таких людей из одной партии (или общественного движения) в другую, затем в третью, четвертую и так до бесконечности. Причем, это почти всегда сопровождается коренным изменением ранее провозглашенных принципов, отказом от прошлых приверженностей, славословиями в адрес новых предпочтений или выгодных для себя “открытий”. И все это прикрывается тем, что очередные новые ориентации объявляются воплощением “гласа народа”, отражением его чаяний и желаний» [З. С. 59].

Четвертый зал экспонирует тех, для кого важна ориентация на *славу* и *власть*. Свое наиболее яркое воплощение этот тип находит в поведении *«нарциссов»* — персонажей, неустанно проявляющих самонадеянность и самолюбование. Автор книги подчеркивает, что они «любят изображать “заботу” об общественном благе, которая очень образно проявляется, с одной стороны, в риторике, в безответственной болтовне (этому придается максимальное звучание), с другой стороны, в стремлении любым путем получить власть, которая к тому же обеспечивает накопительство и безбедный образ жизни (эта деятельность тщательно скрывается). Все это сопровождается показухой...» [З. С. 59].

В пятом зале выставлены портреты тех, кто ориентирован только на достижение *власти*. Этот феномен, по мнению Тощенко, многолик, многообразен, коварен. Один из его типичных примеров — политические националисты, *ксенофобы*. Именно они, как справедливо подмечает автор книги, породили различные виды «независимостей», «суверенитетов» или просто «подковерного» захвата власти. Продолжая эту мысль, Тощенко пишет: «Они, с одной стороны, нередко декларируют общечеловеческие ценности — уважение к другим народам, признание их права на свой язык и культуру. Но, с другой стороны, в конкрет-

ных обстоятельствах они осуществляют политику ущемления прав и свобод других народов, раздувают и этническую, и религиозную ксенофобию, а иногда являются вдохновителями убийств и унижений людей других национальностей лишь потому, что они придерживаются других взглядов и “мешают” устройству “своего” народа. Именно они являются вдохновителями морального насилия. Именно они возрождают социальные мифы, тасуют историю, “на научной основе” доказывают претензии к другим народам и государствам. Именно они готовы пойти на любое преступление ради того, чтобы добиться максимальной концентрации власти под флагом автономизации, суверенизации или полной независимости во имя воплощения претензий на вождизм» [3. С. 60].

Я намеренно привел в этом случае столь пространную цитату из книги. Дело в том, что этот тип все более становится доминирующим в актуальной галерее фантомов нашего политического бытия и сознания и именно он, на мой взгляд, становится едва ли не наиболее опасным мутантом на политической арене современной России.

Совершенно справедливо Ж. Т. Тощенко отмечает, что аналогичные и схожие характеристики можно, при учете некоторых особенностей, дать *шовинистам, квазидиктаторам, мочильщикам* и другим персонажам политической сцены, для которых характерно необузданное стремление к власти. Особо нужно отметить такие типы, которые удовлетворяются положением быть у власти, обслуживать и прислуживать ей — *лакеи, лицемеры, симулянты, флюгеры, прилипалы*.

В шестом зале представлены портреты лиц, заикленных на том, чтобы быть в центре общественного внимания, приобрести возможно большую славу. Эта черта наиболее характерна для такого типа, который получил достаточно широкое распространение и который можно назвать *геростратами* и *политическими шутами*. Автор книги пишет, что «этот фантомный тип личности готов пойти на все ради того, чтобы стать известным, осуществить любую акцию вплоть до преступления и только затем, чтобы приобрести известность, оказать впечатление, выходящее за рамки принятого, не исключая и того, чтобы вписать свое имя в века» [3. С. 60].

Проявляются эти пристрастия к славе, по мнению Тощенко, и у таких типажей, как *информационные киллеры, ряженые, инфантилы, снобы*.

И наконец, седьмой зал экспонирует лики тех, кто нацелен только на *достижение богатства, на владение капиталом*. Для него характерны *коллорационисты* и *мародеры*. В рамках этого типа можно рассматривать и такие феномены, как *фарисеи, нувориши, жлобы*.

Такова галерея основных фантомов постсоветской России.

Я нарочито воздержался от сколько-нибудь значительных комментариев, предоставив в этой части рецензии говорить самому Ж. Т. Тощенко. К его выставке босховских персонажей современной «элиты» трудно что-либо добавить. Разве что вспомнить еще и Гойю, чей цикл «Сон разума порождает чудовищ» как нельзя лучше может проиллюстрировать теоретическую работу выдающегося отечественного социолога.

Завершать рецензии принято критическими замечаниями. Но мне в данном случае хотелось бы отступить от этой традиции. Да, у меня есть немало своих соображений о том, как можно было бы иначе, с моей точки зрения — более единообразно и теоретически строго, выстроить классификацию постсоветских фантомов, применив диалектический метод противоречивого, контрапунктного соединения исторического и логического и привязав структуру залов галереи босховских (или скорее принадлежащих руке Гойи?) монстров к системе противоречий основных пластов общественного бытия и общественного сознания постсоветской России. Да, можно поспорить по поводу правомерности тех или иных броских имен, используемых автором для характеристики некоторых типов фантомов. Да, я бы больше внимания уделил социофилософскому и политико-экономическому исследованию причин «фантомизации» нашего бытия и сознания. Да...

Но автор на то и автор, чтобы писать свою книгу, следуя специфике своей специальности и своей методологии. Он не обязан следовать советам всех актуальных и потенциальных рецензентов, требующих вместить в его книгу свое видение проблемы. Он создал произведение. И если оно содержательно, интересно, провоцирует на диалог, будоражит мысль, теоретически значимо и практически актуально (а книга Ж. Т. Тощенко именно такова) — значит, прав автор, а не рецензент.

Литература

1. Богомолов Ю. Народный помазанник // Известия. 2001. 09.09.
2. Колганов А. И., Бузгалин А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1.
3. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. ◆

	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: right;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: right;">Количество комплектов: </p> <p style="text-align: center;">на 2016 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																						
	X		X		X																												
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>Стоимость</td><td>подписки доставки</td><td>руб. коп.</td><td>Количество комплектов:</td></tr> <tr><td></td><td></td><td>руб. коп.</td><td></td></tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2016 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стоимость	подписки доставки	руб. коп.	Количество комплектов:			руб. коп.		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стоимость	подписки доставки	руб. коп.	Количество комплектов:																														
		руб. коп.																															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																						
	X		X		X																												

	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: right;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: right;">Количество комплектов: </p> <p style="text-align: center;">на 2016 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																						
	X		X		X																												
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>Стоимость</td><td>подписки доставки</td><td>руб. коп.</td><td>Количество комплектов:</td></tr> <tr><td></td><td></td><td>руб. коп.</td><td></td></tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2016 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стоимость	подписки доставки	руб. коп.	Количество комплектов:			руб. коп.		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стоимость	подписки доставки	руб. коп.	Количество комплектов:																														
		руб. коп.																															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																						
	X		X		X																												

ISSN 0869-4435

9 770869 443003

Подписной индекс 79255